

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. Горького

А. А. Сафронов

ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
В КОНЦЕ XIX в.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ
ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2011

ББК ТЗ(235.55)53-28
УДК 94(470.5)(093.2)
С 218

Научный редактор А. В. Черноухов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Рецензенты:

сектор методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (заведующий сектором кандидат исторических наук И. В. Побережников);

А. В. Трофимов, доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета

Сафронов А. А.

С 218 Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / А. А. Сафронов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. — 284 с.
ISBN 978-5-7996-0649-7

Монография является первой работой, посвященной источниковедческому исследованию материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. о грамотности населения на Урале, с учетом его распределения по губерниям, уездам, городам, в зависимости от пола, возраста, сословной принадлежности и национального происхождения. Впервые раскрыт ход проведения переписи в крае, рассмотрен вопрос об отношении населения к ней, создана широкая информационная база данных о грамотности населения одного из крупнейших регионов страны.

Издание рассчитано на научных сотрудников, преподавателей вузов и школ, студентов, всех интересующихся историей России и Урала, проблемой распространения грамотности среди населения.

ББК ТЗ(235.55)53-28
УДК 94(470.5)(093.2)

© Сафронов А. А., 2011

ISBN 978-5-7996-0649-7

© ГОУ ВПО Уральский государственный университет
им. А. М. Горького, 2011

ВВЕДЕНИЕ

«Грамотность — определенная степень владения человеком навыками чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка. Применительно к характеристике населения — один из базовых показателей его социально-культурного развития» — такое определение понятия грамотности дается в новом издании «Педагогической энциклопедии»¹.

Конкретное содержание понятия «грамотность» менялось исторически. В Словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось: «Под словом “грамотный” обыкновенно подразумевают человека, умеющего читать и писать или только читать на каком-либо языке. В более точном смысле это слово применяется лишь к людям, умеющим читать и вместе с тем писать, в отличие от людей “полуграмотных”, т. е. умеющих только читать»².

Вопросы фиксации грамотности и ее статистического оформления в переписях населения в конце XIX и начале XX в. обсуждались на международных статистических конгрессах. После Второй мировой войны эти вопросы входили в повестку дня международных совещаний, посвященных демографической статистике и программам переписей населения — IV сессии Социально-экономического совета ООН в 1949 г., конференции европейских статистиков в Женеве в 1955 г. и др. Основываясь на решениях этих совещаний, Генеральная конференция ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) на своей 10-й сессии в Париже в 1958 г. рекомендовала всем странам при проведении переписей населения

---

¹ Кузьмин М. Н. Грамотность // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 227.

² Рубакин В. Грамотность // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 9а, кн. 18. С. 537.

считать грамотными лиц, умеющих читать с пониманием прочитанного и написать краткое изложение своей повседневной жизни³.

На IX сессии ЮНЕСКО в 1956 г. по инициативе демографической комиссии ООН, кроме определения кого считать грамотным, было принято определение, кого относить к полуграмотным или малограмотным, а именно: умеющих читать с пониманием прочитанного, но не умеющих написать краткое изложение своей повседневной жизни⁴.

В 1978 г. был принят новый, дополненный вариант определения грамотности: «...грамотным считается тот, кто может участвовать во всех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы или общины и которые дают ему также возможность пользоваться чтением, письмом и счетом для своего собственного развития и для развития группы или общины»⁵.

Грамотность является одним из важнейших показателей уровня развития общества, культуры народа, страны. Грамотность — это основание, на котором строится развитие человека, она открывает путь к более широкому познанию мира, к творчеству. Человек, владеющий грамотой, умеющий читать и писать, получает возможность углублять знания, получить общее или профессиональное образование. В ряде стран Западной Европы еще в пору абсолютной монархии были приняты законы об обязательном школьном обучении, и грамотность стала достоянием широких народных масс.

Правительства стран, вступивших на путь индустриального развития, в силу объективных факторов — широкой потребности в квалифицированных кадрах для различных отраслей промышленности, развития промыслов, торговли, армии — начали предпринимать активные действия по распространению грамотности среди населения, по развитию сети народных школ.

Поскольку грамотность является важнейшим показателем уровня развития культуры народа, она является объектом при-

---

³ Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (историко-статистические очерки). М., 1964. С. 10.

⁴ Там же.

⁵ Кузьмин М. Н. Указ. соч. С. 227.

стального изучения со стороны статистиков, историков общества, педагогики, культурологов. Изучается грамотность населения стран, народов, их населяющих, отдельных регионов, городов и сел, сословий и т. д. При наличии полных и достоверных данных, сопоставимых между собой, появляется возможность проведения широких сравнительных исследований.

Источники, позволяющие проследить распространение грамотности в народе, различны. Особое место среди них принадлежит материалам всеобщих переписей населения, которые учитывают все население, содержат разбивку данных по полу, возрасту, национальности, месту проживания, вероисповеданию и т. д. и позволяют изучать уровень грамотности в тесной связи со всеми этими признаками. Благодаря охвату всего населения эти данные являются наиболее полными, точными и объективными.

В России первая всеобщая перепись населения состоялась в 1897 г. В ходе ее проведения впервые были собраны уникальные данные о грамотности, под которой тогда понималось лишь умение читать. Совсем незадолго до этого, в 1861 г., Россия вступила на путь капиталистического развития, что дало мощный толчок распространению грамотности. Одной из буржуазных реформ 1860-х гг. была реформа образования. Большое влияние на распространение грамотности в народной среде оказали земская реформа 1864 г. и городская 1870 г., предусматривавшие открытие школ новыми органами местного самоуправления: в губерниях и уездах — земствами, в городах — городскими думами и управами. В 1864 г. было утверждено Положение о приходских попечительствах и о церковно-приходских школах, поощрявшее открытие при приходах школ для обучения детей, особенно в деревнях бывших крепостных крестьян.

Все эти школы назывались «правильно организованными». Во второй половине XIX в. росла сеть и так называемых «неорганизованных» школ — школ грамоты, в которых детей православных крестьян обучали чтению, письму, счету и основам религии несколько осенне-зимних месяцев в году; магометанских школ, действовавших в деревнях с мусульманским населением; еврейских хедеров.

Представляет специальный интерес вопрос о том, каково же было влияние развивающейся сети школ на уровень грамотности

населения, какие социальные группы российского общества к концу века были наиболее грамотными, какие отставали, каковы были различия в уровне грамотности мужчин и женщин, горожан и селян, лиц различных национальностей. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. позволяют дать исчерпывающий ответ на эти вопросы.

1897 год — важный рубеж в истории страны, это не только конец столетия, но и завершающий этап пореформенного развития страны в условиях капитализма. Данные о гендерной грамотности, т. е. грамотности отдельных поколений, имеющиеся в материалах разработки переписи, позволяют проследить, как росла грамотность от поколения к поколению и каким был уровень грамотности молодежи в возрасте 10–19 лет накануне нового XX столетия.

Так как все последующие переписи населения проводились в эпоху социализма, данные об уровне грамотности населения в 1897 г. являются отправной точкой при проведении сравнений с поступательным развитием грамотности населения в годы советской власти.

Поскольку каждая из переписей проводилась по своей программе, имела свои особенности, в том числе и разработки полученных данных, необходимо знать и учитывать все эти факторы, применять правильную методику подсчета данных. Только так можно получить в результате подсчетов многочисленных числовых показателей достоверные данные о грамотности, соответствующие действительности. И только в этом случае такие данные будут пригодны для последующих сравнительных исследований. Отсюда важность специального источниковедческого изучения материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Разработчики материалов этой переписи в «Общем своде по империи результатов разработки данных» и в предисловиях к отдельным томам материалов переписи по конкретным губерниям сами вычислили ряд наиболее общих показателей грамотности населения. Удельный вес грамотных вычислялся по отношению ко всей массе населения, начиная с младенцев, тем самым и без того низкие показатели грамотности населения Российской империи искусственно еще более занижались. Эти заниженные дан-

ные, как правило, использовались и в литературе. В предисловиях к томам погубернской разработки данных показатели грамотности высчитывались по разной методике, в ряде случаев это не оговаривалось. В связи с этим возникает настоятельная необходимость получения правильных показателей грамотности — относительно грамотноспособного населения, — исключения из подсчетов тех, кто в силу малого возраста не мог овладеть грамотой; создания представительной базы данных, сопоставимой по отдельным губерниям, регионам страны, в отношении одних и тех же сословных, возрастных, национальных групп и т. д.

Поскольку всеобщие переписи населения проводятся периодически, большое значение имеет изучение опыта проведения переписей в прошлом. Проведение таких важных кампаний требует длительной подготовки, проведения разъяснительной работы среди населения. В ходе проведения переписей и ее организаторам, и переписчикам приходится сталкиваться с рядом сходных проблем — разработкой программ переписи, обеспечением финансирования, печатанием переписных листов, организацией местных комиссий, подготовкой квалифицированных переписчиков, большим объемом их работы при сравнительно низкой оплате труда, подготовкой населения, отказом некоторых лиц давать о себе сведения и т. п.

В 2010 г. в России состоялась очередная всеобщая перепись. В средствах массовой информации обсуждались проблемы этой кампании. В этих условиях особый интерес вызывает изучение подготовки, организации первой переписи населения, особенностей ее проведения, программы, методов разработки и публикации данных. После проведения первой переписи прошло всего одно столетие, и ее материалы позволяют особенно ярко показать, насколько далеко мы ушли вперед в распространении грамотности, в развитии образования.

Степень изученности проблемы. Научный интерес к проблемам грамотности населения России начал формироваться во второй половине XIX в., когда начали составляться первые своды статистических данных, учитывавших показатели грамотности населения, появились первые специальные исследования. Показательно, что Н. Г. Чернышевский, не располагая конкретными

данными, в одной из своих статей в 1859 г. пытался приблизительно прикинуть число грамотных в России: «По самым щедрым расчетам, предполагается, что из 65 или 70 миллионов жителей Русской империи людей, умеющих читать, набирается до 5 миллионов. Но эта цифра, по всей вероятности, слишком велика. Большинство грамотных людей сосредоточено в городах; в селах едва ли наберется половина того, сколько находится в городах. Но и в городах гораздо больше половины жителей еще не знают грамоты. Судя по этому, едва ли мы ошибемся, положив число грамотных людей в России, не превышающим 4 миллионов»⁶.

В 60–80-е гг. XIX в. были проведены статистические обследования состояния грамотности сельского населения в Центральной России — в Костромской, Московской, Псковской губерниях⁷.

В Костромской губернии, наиболее развитой в промышленном отношении, грамотность сельского населения в 1867 г. составляла 8,6 %, в том числе среди мужчин — 16,2 %, среди женщин — всего 2 %. В. Пирогов отмечал большие различия в уровне грамотности населения отдельных уездов и особенно волостей. Он пришел к выводу, что «грамотность в Костромской губернии наиболее распространена... в местностях с промышленным отхожим населением и промышленно-торговыми центрами»⁸. В Московской губернии общий показатель грамотности крестьян на 1869 г. был ниже (7,5 %), но отмечалась та же картина значительного разброса показателей грамотности крестьян в отдельных уездах.

М. Семевский изучал грамотность крестьян Псковской губернии на 1863 г., общий показатель ее составил 1,7 %. Он показал, что грамотность временнообязанных крестьян, т. е. бывших крепостных, была гораздо ниже, чем государственных. Важным

---

⁶ Чернышевский Н. Г. Суеверие и правила логики // Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 4. С. 556.

⁷ Боголенов Н. Статистические сведения о грамотности крестьянского населения Московской губернии по подворной переписи 1869 и 1883 гг. // Статистический ежегодник Московской губернии за 1895 г. М., 1896; Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. В. Пирогова. Кострома, 1870. Вып. 1; 1875. Вып. 2; Семевский М. Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. СПб., 1864.

⁸ Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 2. С. 204.

представляется следующее замечание М. Семевского: даже среди грамотных крестьян 2/3 знали молитвы, могли читать церковную печать, но отнюдь не гражданскую (например, старообрядцы), лишь немногие крестьяне могли разобрать написанное, а еще реже сами написать письмо⁹.

Г. Данилевский, исследовавший сеть сельских школ в Харьковской губернии на 1864 г., привел свое мнение о грамотности крестьян, основанное на личном посещении около 100 сел и деревень. На его расспросы в волостных правлениях, канцеляриях о числе грамотных взрослых и детей он получил ответ, что на 100 душ крестьян приходится не более двух и редко трех человек, знающих грамоту. Были села и волости, где на 300 и более жителей не встречалось ни одного грамотного¹⁰.

В 80-х гг. XIX в. начали проводиться подворные переписи сельского населения земскими статистиками. Их изучением занялся Н. Бычков, он свел воедино показатели переписей о грамотности населения 110 уездов 18 губерний Центральной России, Юга, Поволжья и Малороссии, причем данные по 105 из них касались пятилетия (1882–1886)¹¹. В целом были изучены данные о грамотности почти 15 млн человек, или седьмой части населения страны. Автор пришел к следующим выводам: 1) более 3/4 детей школьного возраста в эти годы не обучались грамоте из-за «экономической необеспеченности»; 2) более высокий уровень грамотности отмечался у промыслового населения по сравнению с чисто земледельческим. Грамотность крестьян вблизи крупных городов была значительно выше общего уровня. Так, в Московской и Санкт-Петербургской губерниях удельный вес грамотных составлял 20,2 %, в 92 остальных уездах — только 8,1 %; 3) существовала прямая зависимость уровня грамотности крестьян от величины надела и количества рабочего скота — наиболее высокий уровень грамотности был у состоятельных крестьян; 4) дальнейший ход народного образования находится в прямой

---

⁹ Семевский М. Указ. соч. С. 86—87.

¹⁰ Данилевский Г. Об образовании низших классов России. Сельские училища и народное образование в Харьковской губернии // Отечественные записки. 1864. № 4. С. 533—535.

¹¹ Бычков Н. Грамотность сельского населения по данным земской статистики // Юридический вестник. 1890. Июль-август. С. 309—322.

зависимости от «экономического благосостояния». Н. Бычков проследил и распространение грамотности среди представителей разных национальностей, по его заключению «великорусское население малограмотнее немцев-колонистов», особенно женщины, а среди «инородцев» грамотность ниже, чем у русских¹².

Н. А. Благовещенский составил на основе земских подворных переписей свод хозяйственных сведений¹³. В сборник он включил данные земских обследований за 1880–1887 гг. по 22 губерниям России из 34 (123 уезда). В программу земских подворных переписей включались данные о грамотности и числе учащихся. Н. А. Благовещенский свел эти данные, вычислил общий процент грамотных по каждой из губерний, процент грамотности мужчин, женщин, а также процент учащихся среди всего населения. В сводку данных вошли сведения по Пермской губернии за 1885–1887 гг. и Вятской за 1884–1887 гг.¹⁴

В. П. Вахтеров посвятил специальную работу изучению условий, способствующих повышению грамотности в народе¹⁵. На примере ряда уездов Черноземной России он показал, что зачастую при увеличении количества земли и скота в несколько раз уровень грамотности возрастал лишь на доли процента. Иногда наблюдалась обратно пропорциональная зависимость размера надела и количества рабочего скота от уровня грамотности у крестьян, т. е. сделал вывод, противоположный Н. Бычкову.

Автор рассмотрел вопрос о влиянии исповедуемой народом религии на развитие грамотности. В зависимости от установок, которые делало духовенство разных конфессий, процент грамотных в различных местностях России колебался от 95 до 2 %, а среди женщин даже до 1 %. По заключению В. П. Вахтерова, более всего развитию грамотности способствовал протестантизм, требовавший от верующего знания грамоты для самостоятельного чтения Библии и прохождения обряда конфирмации, условием допуска к которому являлось наличие первоначального образова-

---

¹² Бычков Н. Указ. соч. С. 311, 318, 320—322.

¹³ Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям / сост. Н. А. Благовещенский. Т. 1 : Крестьянское хозяйство. М., 1893.

¹⁴ Там же. С. 124, 128.

¹⁵ Вахтеров В. П. Условия распространения образования в народе. М., 1895.

ния. Иудаизм способствовал усвоению грамоты евреями через школы, создававшиеся при синагогах. Меньшее влияние на распространение грамотности, по мнению автора, оказывал католицизм, предусматривавший постижение религии в основном через устные выступления священников на проповедях. Еще ниже роль ислама как фактора, способствовавшего грамотности. По мнению В. П. Вахтерова, влияние религии на грамотность — определяющее и «везде выступает с особенною яркостью»¹⁶.

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданном в 1898 г., была помещена статья «Грамотность». Ее автор Н. Рубакин впервые охарактеризовал способы, позволявшие проследить распространение грамотности в народе¹⁷. Во-первых, это изучение грамотности призывников, отражающей уровень грамотности молодых людей из разных слоев общества, различных регионов страны, а благодаря периодичности призывных кампаний позволяющей судить о динамике роста грамотности. Н. Рубакин отметил и недостатки этого способа — он применим только для стран с всеобщей воинской обязанностью, касается только мужчин, причем только призывного возраста.

Второй способ изучения грамотности может базироваться на предположении о прямой пропорциональной зависимости между числом начальных школ и учащихся в них и общей грамотностью народа. Но этот способ дает представление лишь о распространении грамотности среди детей школьного возраста, к тому же нельзя утверждать, что все учившиеся в начальной школе стали грамотными.

Третий метод — исследование грамотности лиц, вступавших в брак. Он имеет особое значение для стран, где не вводилась всеобщая воинская обязанность. К положительным сторонам его относится то, что под наблюдение попадают лица обоих полов, разных сословных групп и вероисповеданий. Но показатели, полученные таким способом, в основном относятся к молодым возрастным группам, у которых уровень грамотности выше средних показателей для всего населения.

---

¹⁶ Вахтеров В. П. Указ. соч. С. 6—7, 16—17.

¹⁷ Рубакин Н. Указ. соч. С. 537—539.

Н. Рубакин предложил изучать и грамотность лиц, отбывавших наказания в местах лишения свободы, — преступления совершаются людьми обоего пола, выходцами из всех социальных слоев и возрастных групп. Однако к серьезным недостаткам этого метода относится то, что преступления по месту совершения (город, село), возрастам и сословиям распределяются неравномерно, наибольший процент преступлений падает на промышленные центры и города, кроме того, многие преступления могут осуществляться только грамотными людьми.

Самым полным и точным способом получения данных о грамотности, по мнению Н. Рубакина, являются переписи населения. Их данные являются наиболее объективными и точными, так как в них учитываются люди обоих полов, всех возрастных групп и т. д.

Автор статьи подробно охарактеризовал факторы, способствующие развитию грамотности, — географический, этнографический, экономический и религиозный, политический строй государства, — привел данные о грамотности по отдельным территориям России на основе ранее опубликованных исследований. Поскольку данные переписи населения России 1897 г. еще не были обработаны, Н. Рубакин использовал сведения о проценте неграмотных новобранцев по отдельным губерниям, составил список 50 губерний, где более 75 % призванных на службу были неграмотны (год не указан, предположительно 1887-й). Вятская губерния здесь на 22-м месте (83,43 % неграмотных), Пермская — на 23-м (83,54 % неграмотных), Оренбургская — на 39-м (87,24 %), Уфимская — на последнем, 50-м (93,59 % неграмотных новобранцев)¹⁸.

Во второй половине XIX — начале XX в. появились специальные работы, посвященные изучению грамотности населения Урала — в отдельных населенных пунктах, отдельных губерниях за определенный год. Так, С. Нурминский вычислил данные о грамотности мужчин и женщин, вступающих в брак в Вятской губернии в 1871–1872 гг. Общий показатель грамотности в основном молодого поколения Вятской губернии, вычисленный им на основе записей православных и единоверческих церквей, —

---

¹⁸ Рубакин Н. Указ. соч. С. 548.

4,59 %, среди мужчин — 8,4 %, среди женщин — 0,78 %¹⁹. В другой статье С. Нурминский расширил круг сведений о грамотности вятского населения²⁰. Н. Спасский привел данные о грамотности населения Вятской губернии в ряду других статистических сведений о крае²¹. В 1914 г. на общеземском съезде, проходившем в Харькове, П. Н. Луппов доложил результаты своей работы по изучению грамотности крестьян одного из сельских приходов Вятской губернии на основе обработки данных о заключении 3 216 браков в 1839–1907 гг.²²

В Пермской губернии к проблеме изучения грамотности населения обратились учителя и деятели земства. Учитель П. Астафьев на примере села Щербаковского Камышловского уезда показал различия в уровне грамотности мужчин и женщин, источники получения грамотности²³. Он же поднял вопрос о важности и необходимости «распространения однородных исследований о состоянии грамотности на возможно больший район», предложил редакции «Сборника Пермского земства» ходатайствовать перед губернским земством «о правильной организации этих исследований»²⁴. К сбору сведений о грамотности, по мнению П. Астафьева, следовало привлечь в летние каникулы учителей за некоторое вознаграждение, а обработку сведений поручить одному из специалистов губернского земства. П. Астафьев разработал и программу сбора данных из 14 вопросов, в том числе о том, где учился человек (в школе, в солдатах, дома), позабыл ли письмо, чтение, какие книги имеются в семье.

---

¹⁹ *Нурминский С.* Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении Вятской губернии. Вятка, 1875. С. 2, 69.

²⁰ *Нурминский С.* Грамотность в населении Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1888 г. Вятка, 1887.

²¹ *Спасский Н.* Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. Вятка, 1875.

²² *Луппов П. Н.* Один из способов определения грамотности населения // Тр. общеземского съезда в г. Харькове по статистике народного образования. Харьков, 1914.

²³ *Астафьев П.* Заметка о степени распространении грамотности в селе Щербаковском Камышловского уезда // Сб. Пермского земства. 1885. № 13. С. 316—320.

²⁴ *Астафьев П.* Путь для исследования грамотности в населении Пермской губернии // Сб. Пермского земства. 1885. № 16. С. 390—391.

Специальное внимание в земских изданиях стало уделяться освещению вопросов внешкольного образования — деятельности Общества попечения о народном образовании, конкретных воскресных школ, в которых овладевали грамотой подростки и взрослые люди до 40 лет и старше²⁵. Д. Бобылев в серии статей о роли книги в культурной жизни деревни показал, как распространение грамотности среди крестьян способствовало и распространению и специальных знаний о сельском хозяйстве, особенно среди молодежи²⁶.

Земский статистик Е. И. Красноперов в работе, посвященной быту Дедюхинского горнозаводского поселения Пермской губернии, на основе данных посемейной переписи отметил большой процент грамотных среди подростков в 80-х гг. XIX в. По его мнению, «в последние годы стремление к грамотности в населении вдвое превышало подобное же стремление в предыдущих поколениях»²⁷.

В 1896 г. были опубликованы результаты кустарной переписи, проведенной в Пермской губернии в 1894–1895 гг.²⁸ Она охватила 8 991 семью кустарей (72 % всего их числа, не считая наемных рабочих), в ней имелись и данные о их грамотности, более низкой у кустарей, связанных с земледелием, по сравнению с незанимавшимися им.

В. И. Ленин, изучавший материалы этой кустарной переписи, отметил, что среди неземледельческого населения темпы роста

---

²⁵ Отчеты и известия о деятельности земских учреждений. Воскресные школы и школки домашнего обучения в Ольховской волости Шадринского уезда // Сб. Пермского земства. 1884. № 7. С. 121—126; Бобылев Д. Общественная инициатива в деле развития внешкольного образования народа в Красноуфимском уезде (из отчета о деятельности местного Общества попечения о народном образовании за 1896 и 1897 гг.) // Там же. 1898. № 3—4. С. 69—94.

²⁶ Бобылев Д. Книга и ее культурная роль в деревне // Сб. Пермского земства. 1895. № 5—6. Отд. 3. С. 11—19; Его же. К вопросу о распространении среди населения сельскохозяйственных знаний (стат. очерк) // Там же. 1896. № 1. Отд. 3. С. 1—21.

²⁷ Красноперов Е. И. Очерк экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи. Пермь, 1886.

²⁸ Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896.

грамотности были выше у женщин, чем у мужчин²⁹. В работе «Развитие капитализма в России» он подчеркнул, что в Пермской губернии большое значение имели торгово-промышленные села, привлекавшие к себе население из деревень и отличавшиеся «обыкновенно более высокой грамотностью населения»³⁰.

Уральский статистик и земский деятель П. А. Голубев в конце XIX — начале XX в. опубликовал историко-статистические сборники сведений, касающихся экономики и культуры Вятской, Уфимской и Пермской губерний. Он привел сведения не только о школах и числе учащихся в них, но и впервые систематизировал данные о грамотности новобранцев пореформенного периода. В таблицах имеются данные на каждый год об общей численности призванных на службу новобранцев, числе неграмотных, умеющих читать и писать. П. А. Голубев подсчитал и процент грамотных по отношению к общей массе новобранцев³¹.

Уже в дореволюционной историографии в конце XIX — начале XX в. появился ряд работ, посвященных подготовке и проведению Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. Центральный статистический комитет МВД в 1890 г. опубликовал материал, освещающий первые шаги подготовки к проведению всеобщей переписи. Были охарактеризованы различные методы учета населения, использовавшиеся в России в XIX столетии, раскрыты предложения специальной комиссии по проведению переписи, ход обсуждения проектов переписи в ведомствах в 70–80-х гг. XIX в.³²

---

²⁹ Ленин В. И. Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 2. С. 364.

³⁰ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 567—568.

³¹ Голубев П. А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896; *Его же*. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии : ист.-стат. таблицы. Уфа, 1900. Т. 7, ч. 3; *Его же*. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии, составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. Пермь, 1904.

³² Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. № 16. С. 1—106. Прил. 1—48.

Через год после проведения Первой всеобщей переписи вышла в свет книга В. Пландовского, посвященная опыту организации и проведения переписей населения в разных странах мира; автор коснулся и проведения Первой всеобщей переписи населения в России³³. Он критически оценил бюрократический состав переписных комиссий, отказ властей привлечь в их состав представителей науки, специалистов-статистиков. Специальный параграф В. Пландовский посвятил «технической стороне» подготовки переписи: проанализировал форму переписных листов, кратко рассмотрел инструкции органам переписи, несколько замечаний сделал о предварительных подсчетах ее результатов. Особое внимание автор уделил работе счетчиков, ввел в научный оборот данные об их количестве — 150 тыс. человек. Участвуя в переписи в качестве счетчика в Санкт-Петербурге, В. Пландовский показал затруднения, которые возникали при ответах на неудачно сформулированные вопросы переписного листа.

В связи с внесением в Государственную думу двух проектов МВД (реформы административной статистики в России и проведения второй всеобщей переписи населения) специалист по статистике А. Котельников в 1909 г. издал книгу, представлявшую собой переработку своих статей, опубликованных в периодической печати в период подготовки и проведения переписи³⁴. Интерес к работе А. Котельникова повышается в связи с тем, что автор сам участвовал в обработке материалов переписи в Центральном статистическом комитете в качестве редактора отдела переписи, ответственного за участок разметки и проверки переписного материала³⁵. А. Котельников поднял важный вопрос о необходимости подготовки населения к переписи, дал оценку деятельности губернских переписных комиссий, подверг критике ряд вопросов программы переписи.

Работы В. Пландовского и А. Котельникова могут рассматриваться не только в качестве литературы, они являются и своеобразными источниками о подготовке переписи, так как в них изла-

---

³³ См.: Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898.

³⁴ См.: Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909.

³⁵ См. об этом: РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 109. Л. 3.

гаются мнения авторов как специалистов в области статистики, современников и участников ее проведения. Эти работы носят определенный публицистический характер, так как рассматривают организацию переписи как одну из важнейших проблем своего времени, к тому же, как уже отмечалось, А. Котельников написал свою книгу на основе статей, опубликованных в периодической печати.

На протяжении 1897—1905 гг. Центральный статистический комитет публиковал результаты разработки материалов переписи в 113 томах. Вышло 8 кратких выпусков результатов переписи³⁶ и 89 отдельных томов с подробной разработкой данных по каждой губернии и некоторым крупным городам — Петербургу, Москве, Одессе, Варшаве — и острову Сахалин.

Материалы по Уралу были опубликованы в 1904 г., по Вятской губернии — в 10-м томе, Пермской — 21-м, Оренбургской — 28-м, Уфимской — 45-м³⁷. Каждый том имел предисловие, в котором сами статистики дали краткий обзор ее результатов, в том числе впервые привели результаты своих расчетов показателей грамотности населения. По каждой губернии структура этих данных была различна, как и методика подсчетов. Автору удалось установить это в процессе сопоставления приводимых в предисловиях данных с результатами собственных расчетов.

По каждой губернии приводились: общий показатель грамотности населения, отдельно — мужчин и женщин. Эти показатели вычислялись по отношению ко всей массе населения, включая младенцев. По Уфимской же губернии они вычислены по отношению к грамотноспособному населению от 10 лет и старше. По Оренбургской и Уфимской губерниям имеются данные о грамотности жителей городов и сельской местности. При этом по Оренбургской губернии подсчеты этих показателей грамотности выполнены по отношению к населению от 7 лет и старше, по

---

³⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 8 вып. СПб., 1897—1905 (названия выпусков см. в списке источников).

³⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб. : Центр. стат. комитет, 1904. Т. 10 : Вятская губерния; Т. 21 : Пермская губерния; Т. 28 : Оренбургская губерния; Т. 45 : Уфимская губерния.

Уфимской губернии — от 10 лет и старше. Учитывая различие методик подсчетов данных самими разработчиками, неправомерно использовать эти данные для сравнения уровней грамотности отдельных губерний, как это делается у нас в литературе.

По всем губерниям, кроме Уфимской, были представлены показатели грамотности отдельных национальностей (для мужчин и женщин): по Вятской — 10 национальных групп, по Пермской — 13, по Оренбургской — 14. Эти подсчеты были выполнены по отношению ко всей массе населения, включая младенцев. Выведены и общие показатели грамотности четырех сословных групп (включая мужчин и женщин, с младенческого возраста). По Уфимской губернии эти данные отсутствуют.

В предисловиях к томам по всем четырем губерниям приводились общие показатели грамотности мужчин и женщин по возрастным группам, с шагом в 10 лет. При этом по Вятской и Уфимской губерниям первой группой являлось поколение 10–19 лет, по Пермской были выделены когорты до 5 лет и от 5 до 9 лет, в Оренбургской — 7–14 и 15–19 лет.

Разработчики погубернских материалов переписи придавали столь большое значение показателям грамотности населения, что уже в первой таблице каждого тома привели данные об удельном весе грамотных по каждому уезду, городу по отношению ко всей массе населения. (В прочих материалах переписи дается только количество грамотных, без подсчетов.) Эти несколько десятков готовых показателей грамотности населения Урала позднее и стали использоваться исследователями.

После издания материалов по отдельным губерниям в 1905 г. вышел двухтомный «Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения»³⁸. В первом томе разработчики переписи также представили ряд вычисленных ими показателей грамотности населения. Из 44 приложений четыре касаются грамотности³⁹. Приложение 19 называется «Процент грамотных обоого пола в населении вообще». В нем представлены итоговые данные о грамотности по каждой губер-

---

³⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 1—2. СПб., 1905.

³⁹ Там же. Т. 1. С. 38—45, 88—89.

нии России, в том числе и уральским, вычисленные по отношению ко всей массе жителей, начиная с младенцев, вместе мужчин и женщин. Приложение 20 — «Процент грамотных обоего пола в городах» — содержит итоговые показатели удельного веса грамотных горожан по каждой губернии, вместе мужчин и женщин. Приложения 21 «Процент грамотных мужчин в населении вообще» и 22 «Процент грамотных женщин в населении вообще» представляют показатели грамотности отдельно мужчин и женщин по каждой губернии России. Во всех этих таблицах вычисления сделаны в отношении всей массы населения, включая младенцев. Именно эти общие показатели грамотности населения России впоследствии стали активно использоваться исследователями.

В советской историографии наиболее крупным исследователем переписей населения явился А. И. Гозулов. В 1936 г. он издал монографию, посвященную истории их проведения не только в России, но и за рубежом. Автор кратко остановился на действиях комиссии при Министерстве финансов, которая делала предложения по проведению Первой всеобщей переписи населения России, охарактеризовал два проекта переписи, раскрыл ее цели, технику проведения, затронул вопрос о руководстве ее проведением и практическом осуществлении. Специальное внимание автор уделил недостаткам в организации переписи⁴⁰.

В 1941 г. А. И. Гозулов опубликовал большое исследование о местных переписях населения, проводившихся в России до революции. По его подсчетам, с 1862 по 1917 г. было проведено 106 городских переписей в 69 городах. В ряде городов прошло несколько переписей: в Петербурге — 8, Москве и Харькове — по 4, Иркутске — 5⁴¹.

Как справедливо отмечал А. И. Гозулов, опыт проведения местных городских переписей сыграл немалую роль в организации переписи 1897 г. и разработке методов статистического изучения населения. Используя западноевропейский опыт проведения переписей, российские статистики видоизменяли его в соот-

---

⁴⁰ Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936.

⁴¹ Гозулов А. И. История отечественной статистики (краткие очерки). М., 1957, С. 28.

ветствии с условиями жизни городов страны, тем самым обогатив местную статистическую практику. Но автор отмечал и недостатки городских переписей — проводились они нерегулярно и без участия Центрального статистического комитета, материалы переписей, особенно малых провинциальных городов, зачастую содержали дефекты. Из-за нехватки средств материалы многих переписей были разработаны лишь частично, опубликованы по сокращенным программам, а многие остались в качестве архивного материала⁴². В сжатом виде результаты исследований переписей представлены А. И. Гозуловым в его очерках по истории отечественной статистики⁴³.

Данные переписи 1897 г. широко используются в историографии для изучения различных сторон народонаселения России конца XIX в., миграционных процессов, отдельных слоев населения — рабочего класса, крестьянства и т. д. В. М. Кабузан поставил вопрос о достоверности учета населения России во второй половине XIX — начале XX в. Он сопоставил данные переписи 28 января 1897 г. с результатами текущего административно-полицейского учета населения на 1 января этого года и данными о ее текущей регистрации с января 1886 г. по февраль 1897 г. Расхождения по всей стране составили 1,7 %, причем объяснялись они тем, что «отток населения на окраины и в города регистрировался, как правило, в местах прибытия при отсутствии своевременного исключения из мест первоначального проживания», а в отдельных районах переселенцы «продолжали числиться на старых местах их проживания... Перепись как бы сфотографировала подлинные размеры переселений...»⁴⁴.

К. Б. Литвак отметил, что «среди аграрников наблюдается, с одной стороны, почти полное исследовательское забвение переписи, вызванное боязнью недостоверности ее сведений, с другой — постоянное локальное использование данных переписи без

---

⁴² Гозулов А. И. Местные переписи населения до революции // Учен. зап. РФЭИ. Ростов н/Д, 1941. Т. 1. С. 249—350.

⁴³ Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. М., 1972.

⁴⁴ Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858—1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории : сб. статей, 1981. М., 1982. С. 109—111.

соответствующей их критики»⁴⁵. Поставив вопрос о степени достоверности этого источника, автор сделал вывод: «Характеристика методики и техники сбора сведений, определение факторов, влиявших на их точность, позволяют за некоторыми исключениями положительно оценить степень достоверности первичных материалов переписи 1897 г.». Автор провел источниковедческий анализ материалов переписи и пришел к следующему выводу: «Некоторые недостатки опубликованных сводок переписи 1897 г. коренятся исключительно в самой методике разработки переписного материала. Следовательно, претензии к достоверности переписи правомерны лишь по отношению к нескольким показателям и к характеру их подачи в публикациях. Точность и достоверность большинства сведений Первой всеобщей переписи населения России нужно признать со всей определенностью». К. Б. Литвак признал необходимым «исследовательское освоение данных переписи в комплексе» для расширения представлений о крестьянстве конца XIX в.⁴⁶

В. А. Тишков рассмотрел «перепись как социально-культурное явление и процедуру переписи как политическую процессуальность». Автор рассмотрел проблему политики переписи населения и трактовку переписных материалов на примере переписей США и России, уделив особое внимание последней переписи России 2002 г.⁴⁷

В советской историографии данные переписи 1897 г. стали широко использоваться для изучения грамотности населения в масштабах всей страны наряду с другими, более ранними по времени появления источниками. А. Г. Рашин в монографии, посвященной населению России за период 1811–1913 гг., в одной из глав рассмотрел вопрос о грамотности⁴⁸. Он впервые систематизировал и проанализировал основные статистические данные о грамотности с 1860-х гг. до 1913 г. Учитывая большие различия в грамотности сельских и городских жителей, А. Г. Рашин пра-

---

⁴⁵ Литвак К. Б. Перепись населения 1897 г. о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 115.

⁴⁶ Там же. С. 125.

⁴⁷ Тишков В. А. Историко-антропологический анализ переписи населения // Ист. зап. М., 2003. № 6(124). С. 39–85.

⁴⁸ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.): стат. очерки. М., 1956.

вомерно рассмотрел основные показатели грамотности отдельно для городов и сел. Особое внимание автор уделил сельскому населению центральных губерний России, он использовал данные о грамотности из работ своих предшественников, а также из материалов земских подворных переписей, военно-статистических сборников, городских переписей 60—70-х гг. XIX в.⁴⁹

А. Г. Рашину удалось показать, что уровень грамотности населения России во второй половине XIX в. отличался большой пестротой, имелись большие различия между отдельными губерниями, уездами внутри губерний, городами. Данные о грамотности населения относились к разным годам, поэтому каких-либо прямых сравнений показателей грамотности населения отдельных городов, губерний за какие-то отрезки времени с целью выяснения изменений в уровне грамотности не проводилось. А. Г. Рашин свел в единую таблицу наиболее высокие показатели грамотности населения 15 городов России, извлеченные им в основном из городских переписей, проводившихся в 1869—1879 гг. Автор указал год переписи, процент грамотных мужчин, женщин, лиц обоего пола. Среди городов на 10-м месте числился и Екатеринбург с общим показателем грамотности 36,5 %, у мужчин — 43,7 %, у женщин — 28,6 %⁵⁰.

А. Г. Рашин привел данные о грамотности рекрутов за 1867—1868 гг. для 14 губерний России, в том числе Уфимской, основываясь на данных «Военно-статистического сборника». Ввел в научный оборот общие показатели грамотности новобранцев всей России, начиная с 1874 по 1913 г., а также по 50 губерниям за 1874—1883, 1894, 1904 гг., сделал краткий анализ этих данных⁵¹.

Специальное внимание А. Г. Рашин уделил анализу материалов переписи населения России 1897 г. Он представил общие показатели грамотности сельского населения России — 17,4 %, мужчин — 25,2 %, женщин — 9,8 %, а также показатели общей грамотности для каждой из семи возрастных групп (дети до 10 лет, 10—19 лет, ... , 50—59, от 60 лет и старше). Аналогичные

---

⁴⁹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. С. 285—292.

⁵⁰ Там же. С. 295—296.

⁵¹ Там же. С. 304—306.

данные вычислены А. Г. Рашиным и для городского населения⁵². В качестве примера он привел общие показатели грамотности женщин по отдельным губерниям⁵³, составил таблицы общих показателей грамотности населения Европейской России в 1897 г. по губерниям, включая и уральские⁵⁴.

А. Г. Рашин в монографии, посвященной формированию рабочего класса России⁵⁵, рассмотрел вопрос о грамотности рабочих, основываясь на данных переписи 1897 г., опубликованных в специальном томе «Численность и состав рабочих в России». Автор показал различия в общих показателях грамотности мужчин и женщин, самых квалифицированных кадров и поденщиков, чернорабочих по России в целом; проанализировал состояние грамотности рабочих Европейской России, занятых в отдельных отраслях, отдельных производствах фабрично-заводской промышленности; различия в грамотности работников в зависимости от возраста — в сфере промышленности, транспорта и торговли, в обработке волокнистых веществ.

В 1964 г. вышла в свет монография И. М. Богданова, в которой рассмотрена история грамотности и образования в дореволюционной России и в СССР⁵⁶. Автор кратко охарактеризовал понятия грамотности и образования, использованные в ходе проведения переписей населения, осветил методы исчисления показателей грамотности в практике дореволюционной России и СССР, привел данные о грамотности населения России на основе статистических обследований и работы дореволюционных исследователей.

В работе В. А. Куманева рассмотрено влияние Октябрьской революции на просвещение масс⁵⁷. В первой главе автор охарактеризовал состояние просвещения в дореволюционной России, в том числе сделал обзор данных о развитии грамотности в стране до 1917 г. Данные переписи 1897 г. он использовал для характе-

---

⁵² Рашин А. Г. Население России за 100 лет. С. 293, 297.

⁵³ Там же. С. 294.

⁵⁴ Там же. С. 308—309.

⁵⁵ Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России : ист.-экон. очерки. М., 1958. С. 579—615.

⁵⁶ Богданов И. М. Указ. соч.

⁵⁷ Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973.

ристики русификаторской политики царского правительства, привел показатели грамотности отдельных национальностей России, заимствуя их из работы И. М. Богданова⁵⁸.

Особо следует выделить работы Б. Н. Миронова, касающиеся методики изучения грамотности населения дореволюционной России. Он обратился к редко используемому способу получения исторической информации — реверсионному прогнозированию, суть которого в вероятностной научно обоснованной оценке ретроспективы от настоящему к прошлому⁵⁹. Более подробно он изложил эту методику в своей статье, посвященной проблеме изучения грамотности в дореволюционной России⁶⁰. Б. Н. Миронов исходил «из гипотезы о сохранении в XIX в. отдельным индивидом и поколением в целом приобретенной в детстве и юности грамотности». Эта гипотеза, по его мнению, будет верной при наличии трех условий: если смертность грамотных и неграмотных почти одинакова; грамотность приобретается, как правило, до 20 лет; рост числа грамотных после 20 лет компенсируется утратой грамотности, приобретенной до 20 лет.

Автор показал, что первое предположение не совсем верно — грамотные живут несколько дольше. С учетом этого Б. Н. Миронов попытался экстраполировать данные о грамотности переписи 1897 г. с шагом в 10 лет вплоть до 1797 г. для населения старше 9 лет, отдельно для мужчин и женщин в городах и сельской местности. На этой основе автор вывел вероятные показатели для населения России вплоть до конца XVIII в.

В исследовании, посвященном малоизученным проблемам истории населения России с 1900 по 1939 г., дается общая характеристика грамотности населения России, составленная на основе таблиц Общего свода по империи, приводятся показатели грамотности мужчин и женщин, лиц обоих полов по отдельным поколениям с разбивкой на городское и сельское население, по условиям. В этом же издании приводятся два общих показателя,

---

⁵⁸ Куманев В. А. Указ. соч. С. 53—57.

⁵⁹ Миронов Б. Н. Историк и социология. Л., 1984.

⁶⁰ Миронов Б. Н. Грамотность в России 1797—1917 годов: получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования // История СССР. 1985. № 4. С. 137—153.

характеризующих уровень грамотности населения России на 1897 г., — 21,1 % грамотных, вычисленный разработчиками переписи по отношению ко всему населению, и 72 % неграмотных, с оговоркой — не считая детей до 9 лет. Ясно, что более точным будет второй показатель — 28 % грамотных⁶¹.

Н. А. Иванова на основе данных переписи 1897 г. сделала подсчеты грамотности рабочих по отдельным отраслям хозяйства, группам производств как по России в целом, так и по 5 регионам страны: Европейская Россия, Привисленские губернии, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия, проанализировала эти данные, показала, что наиболее высокий удельный вес грамотных был среди рабочих полиграфической промышленности, в производстве инструментов и ювелирном деле (свыше 80 % по России в целом), в металлообработке (более 65 %), в два раза ниже (от 40 до 30 %) этот показатель был в обработке волокнистых веществ, в добывающей и металлургической промышленности⁶².

В последние 20 лет в историографии появились работы, посвященные специальному изучению вопроса о грамотности уральского населения, основанные как на материалах переписи 1897 г., так и более ранних источниках. Эти работы касаются грамотности крестьян, рабочего класса, горнозаводского населения Урала в целом, отдельных национальностей.

Пермские историки К. В. Грачев и И. К. Кирьянов проанализировали динамику роста грамотности крестьян трех губерний Урала — Пермской, Вятской и Уфимской во второй половине XIX в., проследили положительное влияние отходничества крестьян на уровень грамотности. На основе материалов подворных переписей 1899–1900 гг. авторы сравнили данные о грамотности крестьян двух характерных уездов Пермской губернии — Шадринского как сельскохозяйственного и Екатеринбургского как промышленного. Они пришли к убедительному выводу о более

---

⁶¹ Население России в XX веке : ист. очерки. Т. 1 : 1900—1939. М., 2000. С. 21—24.

⁶² Иванова Н. А. Структура рабочего класса России, 1910—1914. М., 1987. С. 141—146.

высокой грамотности бывших государственных крестьян, чем бывших помещичьих, особенно среди женщин⁶³.

Новые данные об уровне грамотности крестьян Вятской губернии в начале XIX в. ввел в научный оборот А. Г. Мосин. Он выявил документ о проведении в 1806 г. в Вятской губернии учета грамотных крестьян мужского пола от 6 до 80 лет с целью выявления лиц для занятия выборных должностей в волостных и сельских обществах. Сопоставив число грамотных с численностью крестьянского населения, автор установил удельный вес грамотных по 131 волости 6 уездов Вятской губернии, показал их неравномерное распределение по волостям и отдельным селам⁶⁴.

А. М. Сафронова в коллективной монографии, посвященной культуре русского крестьянства Урала XVIII — XIX вв., на основе переписи населения 1897 г. представила общие показатели грамотности «лиц сельского состояния», проживавших в уездах каждой из уральских губерний и городах⁶⁵. В другой монографии А. М. Сафронова рассмотрела роль отдельных видов школ в распространении грамотности среди крестьян, показала, что так называемые «неорганизованные» школы — школы грамоты в селениях православных крестьян, мектебы у башкир и татар, домашние школки грамоты, — несмотря на элементарный уровень даваемых ими знаний, сыграли значительную роль в распространении грамотности в уральских селах, где проживало более 90 % населения края⁶⁶. В монографии использованы данные о грамотности крестьян, уже введенные в научный оборот, в том числе результаты обработки данных переписи 1897 г., опубликованные нами в печати.

---

⁶³ Грачев К. В., Кирьянов И. К. Рост образовательного уровня крестьянства Урала в капиталистический период // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 70—84.

⁶⁴ Мосин А. Г. Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 142—145.

⁶⁵ Сафронова А. М. Грамотность // Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII—XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 179.

⁶⁶ Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 74—77.

Специальное внимание историки уделили изучению грамотности рабочего класса Урала, используя данные, опубликованные в томе переписи «Численность и состав рабочих в России». Е. И. Рябухин в работе, посвященной большевистским организациям Урала 1907—1914 гг., вычислил общие показатели грамотности рабочих по каждой из губерний Урала, мужчин, женщин, показал, что грамотность рабочего класса была выше общих показателей грамотности населения, что она возрастала от поколения к поколению. На примере Пермской и Вятской губерний автор рассмотрел различия в уровне грамотности рабочих отдельных отраслей промышленности⁶⁷.

Д. В. Гаврилов в статье, посвященной грамотности и образовательному уровню горнозаводского населения Урала в 1861—1885 гг., сопоставил уровень грамотности населения отдельных уездов Пермской губернии в конце 60-х гг. XIX в.⁶⁸ На материале земских подворных переписей он показал общий уровень грамотности мужчин и женщин Пермской и Вятской губерний в середине 1880-х гг. и сделал вывод, что уровень грамотности населения Урала поднялся с 2–3 % накануне падения крепостного права до 5–6 % к концу 1870-х гг. и до 8–10 % к середине 1880-х гг. Д. В. Гаврилов сделал выборку данных из военно-статистических сборников России о грамотности рекрутов и новобранцев, принятых на военную службу в 1867–1868, 1874, 1880 и 1885 гг., по каждой из четырех уральских губерний, по некоторым волостям Пермского и Ирбитского уездов⁶⁹. В его работе приведены данные о грамотности мужчин и женщин, проживавших в отдельных горнозаводских поселках Вятской, Пермской губерний, за конкретные годы. Автор попытался сделать выводы об уровне грамотности и на основе данных об удельном весе детей, учившихся в школе.

---

⁶⁷ *Рябухин Е. И.* Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907—1914 годы). Саратов, 1968. Ч. 1. С. 314—337.

⁶⁸ *Гаврилов Д. В.* Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения Урала в 1861—1885 гг. // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. : сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 48—69.

⁶⁹ Там же. С. 58.

В другой статье, посвященной грамотности и образовательному уровню населения Урала в конце XIX в., Д. В. Гаврилов привел данные о росте грамотности новобранцев с 1874 по 1900 г., общие показатели грамотности населения для четырех губерний Урала и для сравнения — еще по 6 губерниям России⁷⁰. Сам автор вычислил общие показатели грамотности для городского населения по каждой из четырех губерний Урала, общие показатели грамотности детей и подростков 10–19 лет, девочек и мальчиков. Справедливо отмечая, что в этой возрастной группе показатели грамотности были наивысшими, Д. В. Гаврилов сравнил их с аналогичными показателями 50–59-летних, утверждая, что данная категория населения была наименее грамотной, хотя в действительности это относилось к людям 60 лет и старше. Автор привел общие показатели грамотности дворян и духовенства Урала — 70–80 %, «городских сословий» — 30 %, сельских — 20 %.

Д. В. Гаврилов подчеркнул: «Вопреки сложившемуся стереотипу, различия в уровне грамотности основных национальностей и народностей региона оказались невелики: грамотных было среди русских — 18,1 %, башкир — 18,3 %, татар и тептярей — 21,6 %, чувашей — 17,5 %. Более низкой выявилась грамотность у мордвы — 9,1 %, коми — 6 %, удмуртов — 5,1 %, мари — 0,5 %». Д. В. Гаврилов привел в своей работе наибольшее число показателей грамотности населения Урала по переписи 1897 г. — 22.

Г. И. Селиванова, используя данные, имеющиеся в литературе, сделала попытку представить динамику роста грамотности рабочих Урала в период империализма, с 1897 до 1917 г.⁷¹

М. Н. Фархшатов в монографии, посвященной истории школ Башкирии в пореформенный период, специальное внимание уделил вопросу грамотности башкир. На основе материалов переписи 1897 г. он вычислил показатели грамотности семи народов Уфимской губернии (башкир, татар, русских, марийцев, чувашей,

---

⁷⁰ Гаврилов Д. В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885–1900 гг.) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 91.

⁷¹ Селиванова Г. И. О грамотности рабочих Урала в период империализма (к постановке вопроса) // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. С. 69—76.

мордвы, удмуртов; отдельно мужчин, женщин, обоих полов) на родном языке и русском, привел их в виде таблицы. Подобную таблицу составил в отношении грамотности башкир, татар, русских, мордвы, чувашей по Оренбургской губернии⁷².

Е. Ю. Апкаримова, используя готовые данные о грамотности, приведенные в предисловиях к отдельным томам материалов переписи, сравнила общие показатели грамотности татар — мужчин и женщин, проживавших в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях. Для лучшего представления об уровне грамотности этого народа в таблицах приведены данные еще о 10–14 народах Урала, о которых имеются сведения в предисловиях⁷³. При этом не привлечены сведения о грамотности татар и других народов Уфимской губернии, поскольку готовые данные о них в предисловии к тому отсутствуют.

А. В. Шилов представил общие показатели грамотности населения Прикамья в 1897 г. — Соликамского, Чердынского, Осинского уездов, мужчин, женщин, жителей городов, отдельных народов по отношению ко всей массе населения, отметив, что без учета детей дошкольного возраста «уровень грамотности населения Пермской губернии возрастет на 5–6 процентов»⁷⁴.

В 1998 г. Ю. Н. Серебренниковым была защищена кандидатская диссертация на тему «Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.)»⁷⁵. В первой главе автор рассмотрел состояние грамотности уральского населения в 60–90-е гг. XIX в. Наряду с другими источниками он использовал материалы переписи населения 1897 г., привел общие показатели грамотности национальных меньшинств Урала — евреев, немцев, поляков, белорусов, татар, украинцев, башкир, коми, уд-

---

⁷² Фархшатов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.). М., 1994. С. 69.

⁷³ Апкаримова Е. Ю. Образовательный уровень татарского населения Урала по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 59–61.

⁷⁴ Шилов А. В. Грамотность населения Прикамья в конце XIX в. // Образование на Западном Урале: история, современность, перспектива развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Березники, 1993. С. 21–22.

⁷⁵ Серебренников Ю. Н. Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1998. 19 с.

муртов, мари, вычисленные разработчиками переписи и опубликованные в предисловии. В опубликованных тезисах сообщений Ю. Н. Серебренников привел отдельные показатели уровня грамотности оренбургских казаков, населения Оренбургской губернии, города Челябинска⁷⁶.

Автором монографии опубликован ряд работ, посвященных специальному изучению материалов переписи населения 1897 г. как источника по истории грамотности населения Урала. На основе собственных подсчетов был проанализирован уровень грамотности населения по двум губерниям — Пермской и Оренбургской, губернским центрам Урала, городам Пермской губернии, изучены данные переписи о грамотности детей и молодежи Пермской губернии, жителей Екатеринбурга, Чердыни, башкир, немцев Урала. Специальным объектом изучения была грамотность дворян и чиновников Урала, а также духовенства христианских вероисповеданий, городского и сельского населения Урала в целом.

Во всех этих работах показатели грамотности выводились автором самостоятельно, выявлялись различия в уровне грамотности населения в зависимости от пола, возраста, места жительства (город — село) и по другим признакам с целью как можно более полного извлечения информации из опубликованных данных переписи. В одной из работ проанализированы данные переписи 1897 г. о лицах с высшим образованием, проживавших в Пермской губернии в конце XIX в. Специальное внимание уделено изучению подготовки и проведения переписи 1897 г. в России

---

⁷⁶ *Серебренников Ю. Н.* К вопросу о грамотности оренбургских казаков // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996. С. 66—67; *Его же.* Грамотность населения Оренбургской губернии по данным переписи 1897 года // Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск, 1997. С. 110—111; *Его же.* Грамотность населения города Челябинска на рубеже XIX — XX веков. Вопросы источниковедения // Исторические чтения. Челябинск, 1997. С. 55—56.

в целом и на Урале в частности. Ранее вопросы подготовки и проведения переписи на Урале не затрагивались в литературе⁷⁷.

Изучение работ по истории грамотности населения в России и на Урале в частности позволяет сделать вывод, что материалы Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. сравнительно широко используются в литературе для характеристики грамотности населения, но их богатые информационные возможности остаются нереализованными. Эти данные отрывочны (исключение представляют, пожалуй, данные о грамотности рабочего класса), чаще всего касаются грамотности населения в масштабе губернии, в работах приводится несколько показателей с целью проиллюстрировать низкий уровень грамотности тех или иных групп населения. В основном привлекаются готовые данные, вычисленные самими разработчиками переписи и имеющиеся в предисловиях к погубернским материалам, в общих сводных томах по России.

Проверка данных о грамотности, введенных в научный оборот, по материалам самой переписи показала, что все авторы приводят удельный вес грамотных той или иной группы населения (социальной, национальной), той или иной территории по отношению ко всей массе населения, начиная с младенцев. При самостоятельных подсчетах грамотности народов Урала не включаются в число грамотных лица, имевшие образование выше на-

---

⁷⁷ Сафронов А. А. Из истории подготовки Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. Вып. 1. С. 211—231; *Его же*. Отношение населения к проведению Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.: слухи, толки, волнения // Там же. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 248—266; *Его же*. Грамотность духовенства на Урале (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч.-практ. конф., посв. 2000-летию христианства. Екатеринбург, 1999. С. 313—320; *Его же*. Грамотность городского и сельского населения Урала в конце XIX в. // Материалы науч. конф., посв. 60-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2001. С. 370—379; *Его же*. Первая всеобщая перепись населения России 1897 г.: разработка данных о грамотности, их информационный потенциал и достоверность // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 203—220; *Его же*. Школы и грамотность населения Верхотурского уезда Пермской губернии в конце XIX в. // Там же. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 130—149 (в соавт. с А. М. Сафроновой); и др.

чального. Последние были исключены разработчиками переписи при составлении таблиц из числа грамотных. В результате показатели грамотности народов Урала, фигурирующие в литературе, в большинстве случаев оказываются искаженными⁷⁸. Зачастую незнание особенностей программы переписи приводит к расширительному толкованию ее результатов: понятие «грамотность» расценивается как умение читать и писать, хотя перепись учитывала лишь умеющих читать. Отсутствуют специальные работы, посвященные характеристике переписи 1897 г. как источнику, остается совершенно неизвестной история проведения переписи на Урале.

Данные о грамотности почти не используются в работах, посвященных истории отдельных городов, районов Урала. Например, в юбилейном издании, посвященном 200-летию Екатеринбурга, они отсутствуют⁷⁹. В очерках истории Свердловска, изданных в 1958 г., приводятся данные лишь о том, что в 1887 г. в Екатеринбурге свыше 57 % населения было неграмотно⁸⁰. Те же данные используются в очерках истории города 1973 г.⁸¹ Нет данных о грамотности населения в очерках истории Удмуртии и Башкирии⁸².

В таком капитальном труде, как «История Урала в период капитализма», подготовленном Институтом истории и археологии УрО Академии наук СССР, в разделах, посвященных просвещению, имеются данные о росте грамотности населения Вятской

---

⁷⁸ Автор в статьях о грамотности башкир и немцев также не включил данные о числе лиц, получивших образование выше начального, в число грамотных, еще не подозревая, что составители таблиц пошли таким путем. В результате данные о грамотности немцев, среди которых было много лиц образованных, получились сильно заниженными. В первых статьях о грамотности населения Оренбургской губернии, губернских центров Урала и Екатеринбурга общие показатели грамотности вычислялись еще традиционным путем, поэтому также оказались заниженными.

⁷⁹ Будрин В. И. Екатеринбургские школы за 200 лет // Екатеринбург за 200 лет (1723—1923 гг.). Екатеринбург, 1923. С. 172—203; Киселев Д. А. Екатеринбургская школа в 1911—1923 годах // Там же. С. 233—246.

⁸⁰ Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958. С. 140.

⁸¹ Очерки истории Свердловска, 1723—1973. Свердловск, 1973. С. 123.

⁸² См.: Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. 1; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.

губернии с 6,2 % в 1867 г. до 16 % в 1897 г., данные же по другим губерниям отсутствуют⁸³. В учебнике по истории Урала сообщается, что в 1897 г. «грамотность среди населения Урала свыше 8 лет составляла 22,4 %»⁸⁴. В энциклопедиях «Башкортостан»⁸⁵, «Уральской исторической»⁸⁶ нет такой важной статьи, как «Грамотность». Между тем серьезный интерес к изучению переписи 1897 г. начинают проявлять иностранцы. Так, немецкие исследователи Х. Бауэр, А. Каппелер и Б. Рот в 1991 г. опубликовали двухтомный труд объемом более 1 000 страниц «Национальности Российской империи по материалам переписи населения 1897 г.»⁸⁷.

Учитывая ценность содержащихся в материалах Первой переписи данных о грамотности, их неизученность в литературе, несопоставимость имеющихся в работах показателей грамотности, неверную методику подсчетов общих показателей грамотности (по отношению ко всей массе населения, без учета лиц, получивших образование выше начального), возникает настоятельная необходимость специального источниковедческого изучения материалов переписи.

Целью работы является источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и раскрытие их информационных возможностей для изучения истории грамотности населения Урала.

При этом ставятся следующие конкретные задачи:

1) дать общую характеристику переписи как исторического источника:

– раскрыть историю ее подготовки на уровне высших, центральных и местных органов; показать ход проведения переписи на Урале, отношение к ней населения;

---

⁸³ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 203, 382.

⁸⁴ История Урала, XX в. : учебник для общеобразовательных заведений / под ред. Б. В. Личмана и В. Д. Камынина. Екатеринбург, 1996. С. 27.

⁸⁵ Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

⁸⁶ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.

⁸⁷ См.: Дьяконова И. А. Национальности Российской империи по материалам Переписи населения 1897 г. // Отечественная история. 1993. № 5. С. 191—193.

- охарактеризовать особенности разработки материалов переписи, показать степень полноты, точности данных о грамотности;
- 2) раскрыть общий информационный потенциал материалов переписи как источника для изучения грамотности и разработать методику обработки данных о грамотности;
- 3) проанализировать уровень грамотности населения Урала в зависимости от сословной принадлежности;
- 4) изучить уровень грамотности населения отдельных территорий Урала:
  - выявить различия в уровне грамотности населения конкретных губерний — Вятской, Пермской, Оренбургской, Уфимской;
  - показать различия в уровне грамотности горожан и сельских жителей;
  - определить города и уезды с наиболее высоким и низким удельным весом грамотных;
- 5) охарактеризовать уровень грамотности народов Урала:
  - выяснить удельный вес грамотных на русском и родном языках;
  - выявить различия в уровне грамотности отдельных народов Урала в зависимости от пола, возраста и места проживания (губерния, город — село).

Объектом исследования являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., связанные с ее подготовкой, проведением и обработкой собранных данных, а также непосредственно числовые показатели, представленные разработчиками переписи в виде многостраничных таблиц. Предмет исследования — уровень грамотности населения Урала, различных его возрастных, национальных, сословных групп.

Территориальные рамки работы — весь Уральский регион, в который до революции традиционно включались Вятская, Пермская, Оренбургская и Уфимская губернии. Регион, игравший заметную роль в экономической, культурной жизни России, превосходивший по площади любую из самых крупных стран Западной Европы.

Хронологические рамки не ограничены временем проведения переписи — 1897 г. Изучается ход ее подготовки с 1870-х гг. Данные же о грамотности старших поколений дают возможность проследить распространение грамотности среди лиц, родившихся в первой трети XIX в.

Источники исследования. Основными источниками, использованными при написании работы, явились данные, опубликованные Центральным статистическим комитетом МВД в серии томов под общим названием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных...».

Изучение 8 кратких выпусков результатов переписи⁸⁸, общеимперской сводки переписи, изданной в двух томах⁸⁹, показало, что наиболее полные, а следовательно, и информативные данные о грамотности содержатся в отдельных томах по Вятской, Пермской, Оренбургской, Уфимской губерниям⁹⁰. Поэтому именно эти тома и были положены в основу работы. Это десятки тысяч цифровых данных, представленные в таблицах в соотношении с

---

⁸⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 8 вып.; Вып. 1 : Население империи по переписи 28-го янв. 1897 года по уездам / сост. Центральным стат.комитетом на основании местных подсчетных ведомостей. СПб., 1897. 30 с.; Вып. 2 : Население городов по переписи 28-го янв. 1897 года / сост. Центральным стат. комитетом на основании местных подсчетных ведомостей. СПб., 1897. 42 с.; Вып. 3 : Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го янв. 1897 г. / сост. Центральным стат. комитетом на основании местных особых комиссий. СПб., 1898. 27 с.; Вып. 4 : Окончательно установленное при разработке переписи наличное население империи по уездам. 1905. 30 с.; Вып. 5 : Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. 1905. 48 с.; Вып. 6 : Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. 1905. 60 с.; Вып. 7 : Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. 1905. 38 с.; Вып. 8 : Процентное распределение наличного населения империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как составляющие главнейшие средства существования. 1905. 21 с.

⁸⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1—2.

⁹⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 10 : Вятская губерния; Т. 21 : Пермская губерния; Т. 28. Оренбургская губерния. Т. 45 : Уфимская губерния.

разными другими показателями. Использовались данные о числе грамотных и неграмотных, имеющиеся в таблицах IX и XV, как наиболее содержательные. В таблице IX население разбито по возрастным группам с шагом в 10 лет, по полу (мужчины и женщины), сословной принадлежности. Затем представлены сведения по городской и сельской местности в целом, конкретным городам и уездам. Данные о грамотности народов Урала представлены в том же порядке, но без связи с сословиями. Данные этих таблиц позволяют произвести вычисления показателей грамотности по важнейшим признакам и установить зависимость уровня грамотности от этих признаков.

Для раскрытия истории подготовки переписи привлекались законодательные и нормативные акты — «Проекты положения о всеобщей народной переписи»⁹¹, высочайше утвержденное «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи» 1895 г.⁹², которое определило состав сведений, подлежащих включению в переписной лист, круг учреждений и лиц, ответственных за перепись, состав и обязанности переписных комиссий, регламентировало ход проведения переписи. Использовались наставления счетчикам, разработанные Главной переписной комиссией, в которых разъяснялся порядок заполнения переписных листов⁹³.

Важным источником, раскрывающим работу Главной переписной комиссии по организации переписи, являются журналы ее заседаний, опубликованные в 1898 г.⁹⁴ Комиссия за период с ноября 1895 г. по май 1897 г. провела 72 заседания. В журналах заседаний кратко освещалось обсуждение вопросов подготовки переписи: ее программы, финансирования работы местных переписных комиссий, приобретения бумаги, печатания и рассылки на места переписных листов, состава счетчиков, заказа портфелей

---

⁹¹ Проекты положения о всеобщей народной переписи // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. № 16. С. 1—32.

⁹² Высочайше утвержденное «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи», 5 июня 1895 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1899. Т. 15, № 11803. С. 397—402.

⁹³ Наставление сельским счетчикам. СПб., 1896.

⁹⁴ Журналы Главной переписной комиссии, 18 ноября 1895 — 30 мая 1897 г. СПб., 1898.

и чернильниц для них, награждения счетчиков, чеканки медалей для них, закупки электрических табуляторов для механизированной обработки материалов переписи и т. д.

Использовался единственный опубликованный отчет уполномоченного в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях Я. А. Плющевского-Плющика для объединения действий местных учреждений по переписи населения⁹⁵. Этот отчет был написан не только на основе личных наблюдений автора, полученных во время инспектирования своего района, но, что особенно ценно, на основе отзывов заведующих переписными участками и счетчиков, тех людей, которые, по словам автора отчета, «...и вынесли все это сложное, спешное и трудное дело на своих плечах».

Привлекались материалы периодики: в газетных заметках во время подготовки и проведения переписи имела интересная информация об отношении населения к ней, о трудностях, возникших при проведении переписи.

Наряду с опубликованными источниками использовались и документы двух федеральных архивов — Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО). В РГИА изучались материалы Центрального статистического комитета (ЦСК).

В фонде этого учреждения документы о переписи учтены в описях 10 и 11. В фонде ЦСК отложились документы Главной переписной комиссии, действовавшей в столице в 1895—1897 гг., — дела об открытии губернских и уездных переписных комиссий и их составе; циркуляры и наставления, рассылавшиеся на места, переписка с губернскими и уездными переписными комиссиями о разъяснении особых условий переписи; дела об изготовлении и рассылке бланков, о разработке материалов переписи Центральным статистическим комитетом.

---

⁹⁵ *Плющевский-Плющик Я. А.* Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1898. № 45.

Особую ценность для изучения хода переписи на Урале имеют журналы заседаний и отчеты Пермской и Уфимской губернских переписных комиссий, действовавших на Урале в 1896–1897 гг., в которых отложились и отчеты уездных комиссий, поданные в 1897 г. в губернские. По Вятской губернии имеются лишь отчеты уездных комиссий. По Оренбургской губернии нет отчетов ни губернской, ни уездных переписных комиссий. В Государственном архиве Оренбургской области в фонде Оренбургского губернского статистического комитета отчеты тех и других комиссий имеются, но автор не имел возможности их изучить⁹⁶.

В Государственном архиве Российской Федерации в г. Москве в фонде Департамента полиции МВД были выявлены донесения губернаторов министру внутренних дел, донесения начальников жандармских управлений в Департамент полиции, представление прокурора Уфимского окружного суда прокурору Казанской судебной палаты, в которых имеются сведения о негативном отношении некоторых групп населения к предстоящей переписи. Эти документы ранее были засекречены, и автор явился первым российским исследователем, работавшим с этими материалами.

В Государственном архиве Свердловской области просматривались материалы Туринской окружной переписной комиссии Тобольской губернии, которые дают представление о составе переписки местной комиссии с Главной переписной комиссией Санкт-Петербурга.

Наряду с материалами переписи использовались и статистические данные о сети школ, действовавших на территории Урала на 1 января 1894 г., количестве учащихся в них, динамике развития сети школ в пореформенный период в крае, опубликованные в сборниках⁹⁷. Привлекались и документы губернских земских

---

⁹⁶ См.: Государственный архив Оренбургской области. Путеводитель. М., 1966. С. 60.

⁹⁷ Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. 1—4.

органов о введении всеобщего обучения населения⁹⁸, различного рода статистические сборники⁹⁹.

Следует отметить, что наряду с источниками для раскрытия темы использовалась и литература по этнографии Урала, истории школьного образования, истории казачества. Эти работы помогали правильно интерпретировать данные о грамотности отдельных социальных групп, народов Урала. Была привлечена и литература по источниковедению, методам работы с источниками.

Монография представляет собой первую работу, посвященную источниковедческому исследованию материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. о грамотности на Урале.

Впервые на основе опубликованных, а также архивных источников изучен ход проведения переписи на Урале, рассмотрен вопрос об отношении населения к ее проведению. Показаны многочисленные слухи, толки, появившиеся в народе в ходе переписи, а также волнения, имевшие место на Урале и в других регионах страны в связи с недостаточной подготовительной работой как центральных, так и местных властей.

Раскрыт богатый информационный потенциал материалов переписи как источника об уровне грамотности населения. Впервые подвергнуты комплексному изучению данные этой переписи о

---

⁹⁸ Доклад директора народных училищ А. Раменского комиссии при Пермской губернской земской управе по разработке вопроса о введении всеобщего обучения в губернии, составленный на основании доставленных губернской управе уездными сведениями и журналов уездных земских собраний по вопросу о народном образовании // Сб. Пермского земства. 1897. № 3. С. 3—22; Доклады Вятской губернской земской управы и постановления губернского земского собрания XXIX очередной сессии 1895 г. по народному образованию. Вятка, 1896; Доклад Екатеринбургской уездной земской управы «О всеобщем обучении» XXVI очередному земскому собранию (1895 г.). Екатеринбург, 1895; Материалы по вопросу всеобщего обучения в Пермской губернии : докл. Пермской губернской управы XIX очередному губернскому земскому собранию. Пермь, 1898.

⁹⁹ Голубев П. А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края; *Его же*. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии...; *Его же*. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии...; Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Народное образование. Екатеринбург, 1886.

грамотности всего населения Урала — 9 млн 822 тыс. человек — с учетом его распределения по губерниям, уездам, городам в зависимости от пола, возраста, сословной принадлежности и национального происхождения. При этом все эти признаки учтены во взаимосвязи.

Предложена определенная методика обработки материалов переписи, в том числе с использованием современного программного обеспечения. Впервые подвергнуто обработке 20 770 числовых данных, имеющих в таблицах погубернской разработки. На их основе получено 24 600 новых показателей о грамотности населения Урала в зависимости от пола, возраста, сословной и национальной принадлежности против нескольких десятков, имевшихся ранее в литературе. Около тысячи вычисленных автором данных оформлено в виде таблиц. Таким образом, впервые создана широкая информационная база данных о грамотности населения на 1897 г. одного из крупнейших регионов страны.

Эта база данных открывает широкие возможности для сравнений по показателям грамотности населения Урала с населением других губерний и регионов страны по материалам переписи 1897 г. — по общим показателям грамотности, грамотности отдельных социальных групп — дворян и чиновников, духовенства, «городских сословий», «лиц сельского состояния» и т. д. Особое значение это имеет в отношении народов, населявших как Урал, так и другие территории страны — башкир, татар, мордвы, чувашей и др.

Предложенная автором методика обработки данных о грамотности с помощью специального программного обеспечения может быть использована исследователями материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. по другим регионам страны, причем не только в отношении грамотности, но и других важных показателей, характеризующих население России конца XIX в.

Материалы монографии, как и методика, могут использоваться в дальнейшем и для более углубленного изучения состояния грамотности населения Урала, например, детей в возрасте до 10 лет, жителей отдельных городов и уездов и т. д. Материалы исследования могут найти применение в дальнейшей разработке проблем истории Урала, истории культуры, образования, истории

народов края. Они могут представлять интерес при создании обобщающих трудов по этим проблемам.

В работе раскрыты факторы, оказывавшие определяющее влияние на уровень грамотности населения в конце XIX в. и приводившие к значительным различиям показателей грамотности отдельных групп.

В соответствии с задачами исследования определена и структура работы. Она состоит из введения, пяти глав и заключения. В первой главе раскрывается история подготовки и проведения переписи. Поскольку сам процесс организации переписи в немалой степени предопределял полноту и достоверность полученных сведений, важным является раскрытие хода подготовки переписи 1897 г. на уровне центральных и высших органов власти и управления, освещение роли Главной переписной комиссии, действовавшей в Петербурге в 1895–1897 гг., работы местных переписных комиссий и счетчиков.

Во второй главе характеризуются итоговые материалы переписи, представленные ее разработчиками в виде отдельных таблиц многотомных публикаций. Раскрывается информационный потенциал этих таблиц как источников для изучения уровня грамотности населения Урала в конце XIX в., рассматривается вопрос о достоверности итогов переписи, характеризуются методы, использованные в работе для обработки данных о грамотности.

Следующие три главы работы посвящены изучению конкретных данных переписи о грамотности населения Урала. Поскольку наиболее сильные различия в уровне грамотности в конце XIX в. были связаны с сословной принадлежностью населения, в первую очередь анализируются данные переписи о грамотности основных социальных групп населения Урала на 1897 г., этому посвящена третья глава.

В четвертой главе рассматривается грамотность населения отдельных административно-территориальных единиц — губерний Урала, городов и уездов. Различия в уровне грамотности населения в зависимости от места проживания также имели место, особенно значительными они были для сельской и городской местности.

В пятой главе анализируется уровень грамотности населения Урала в зависимости от национальной принадлежности — русских, башкир, татар, удмуртов, чувашей, мордвы, марийцев и др.

Глава 1

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.

1.1. Проекты переписи, ее нормативная база, деятельность Главной переписной комиссии

Россия провела первую всеобщую перепись населения лишь в конце XIX в., когда другие страны уже имели широкую практику их периодического проведения. В США всеобщие периодические переписи населения начали проводиться с 1790 г., в Англии, Голландии, Норвегии — с 1801 г., в Пруссии — с 1816 г., во Франции — с 1831 г., в Португалии и Греции — с 1838 г., в Италии и Испании — с 1860-х гг. В странах Балканского полуострова всеобщие переписи начались в промежуток времени с 1834 г. (Сербия) по 1880 г. (Болгария)¹.

В США, Англии, Голландии, Бельгии, Австро-Венгрии, Швеции, Норвегии, Дании переписи проводились каждые 10 лет, в Германии и Франции — через 5 лет. Образцовым считалось проведение переписей в Пруссии. Их организатором являлось королевское статистическое бюро. На местах к переписи привлекались городские и сельские органы местного самоуправления. Они создавали переписные комиссии из сведущих лиц, пользующихся общественным доверием. Быть членом переписной комиссии считалось почетным. Комиссии делили общины на счетные

---

¹ Миклашевский И. Н. Переписи // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 23, кн. 45. С. 241.

участки, приглашали добровольных счетчиков, готовили их к переписи, проверяли, исправляли собранный материал.

В Англии имелись постоянные учреждения, которые регистрировали данные о рождении, браке, смерти. Страна делилась на регистратурные округа во главе с особыми регистраторами и бюро. Во время переписи при генеральной регистратуре создавалась особая комиссия, она заготавливала бланки, следила за действиями местных статистических органов, которые разделяли округа на счетные участки, назначали и готовили счетчиков (всегда платных), проверяли собранный материал и передавали в Генеральную регистратуру. Во Франции переписями заведовало Министерство торговли, при котором создавался особый совет из представителей статистики разных ведомств. На местах за производство переписи отвечали префекты и мэры².

Знание того, как и кем разрабатывалась программа проведения переписи в Российской империи, что она в себе заключала, представляет большой интерес, поскольку это была первая всеобщая перепись населения в стране. Основы ее организации в немалой степени предопределяли успех ее проведения и достоверность собираемых сведений. Поэтому важно раскрыть ход подготовки переписи 1897 г. на уровне центральных и высших органов власти и управления, осветить роль Главной переписной комиссии, действовавшей в Петербурге в 1895–1897 гг., работу местных переписных комиссий и счетчиков.

Вопрос о проведении в России всеобщей переписи населения был поднят на повестку дня в результате проведения буржуазных реформ, в связи с введением в 1874 г. Устава об общей воинской повинности. Согласно этому закону все мужское население, достигшее 20-летнего возраста, подлежало призыву в армию, за исключением духовенства, членов ряда религиозных сект, народов Казахстана, Средней Азии, некоторых народов Кавказа и Крайнего Севера. Государство нуждалось в точных данных о народонаселении — в учете лиц, подлежавших ежегодному призыву, в сведениях о их семейном положении, от которого зависели льготы по отбыванию повинности.

---

² Миклашевский И. Н. Указ. соч. С. 244.

Как подчеркивалось в речи председателя Главной переписной комиссии сенатора П. П. Семенова на первом ее заседании 18 ноября 1895 г., данные ревизских сказок 1858 г. по прошествии 15 лет уже не являлись точными: в них отсутствовали сведения о лицах, родившихся после проведения переписи. Кроме того, ревизии населения проводились в России с целью учета только податных сословий, проводились не строго одновременно во всех местностях империи, не содержали никаких важных вопросов о населении, кроме вопроса о возрасте. «Получить по данным ревизии даже общие цифры населения по губерниям и уездам было невозможно иначе, как складывая к более-менее точным цифрам податного населения совершенно гадательные неподатных сословий, а в городах ревизии совсем не дают судить о населении, так как податные сословия в городах — меньшая часть», — отмечал П. П. Семенов³.

Многие из крестьян, числившихся в сельских обществах, не проживали в своих деревнях, о них ничего не знало и сельское начальство. С отменой крепостного права крестьяне, не получившие надела, вышли из сельских обществ, приписались к волостям, некоторые записались в мещане. Городские власти также не располагали сведениями о местопребывании многих приписанных к городу мещанских семей. После ревизии 1858 г. ряд купеческих семейств перешел в почетные граждане, в мещане, а в купечество записалось немало крестьян⁴.

В связи с этим комиссия для составления Устава об общевоинской повинности поставила перед правительством вопрос о желательности скорейшего проведения в России общей переписи населения. Поскольку подготовка переписи требовала большого времени, министр внутренних дел по соглашению с военным министром в 1873 г. предписал составлять посемейные списки лиц, внесенных в ревизские сказки, по определенной форме, которая была разработана в 1874 г.⁵

---

³ Журналы Главной переписной комиссии, 18 ноября 1895 — 30 мая 1897 г. СПб., 1898. С. 1—2.

⁴ Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. № 16. С. 8.

⁵ Там же. С. 9—10.

В феврале 1874 г. по высочайшему повелению при Министерстве финансов была создана комиссия для выработки правил учета населения во главе с сенатором А. К. Гирсом. В нее вошли представители министерств — военного, финансов, внутренних дел, госимуществ и Второго отделения собственной Е. И. В. канцелярии. Комиссия решила прежде всего собрать и привести в систему все законодательные акты и постановления правительства об учете населения и сведения о проведении таких учетов⁶.

Для сбора сведений на места были командированы чиновники Министерства финансов, на основе отчетов которых был составлен «Сборник сведений о существующих способах регистрации населения в России». В сборнике давалась обстоятельная характеристика этих способов, отмечались их недостатки⁷. В частности, указывалось, что в домовых книгах, составлявшихся с целью полицейского учета населения в городах, в большинстве случаев отсутствовали обязательные отметки о грамотности.

В комиссию сенатора Гирса было представлено два проекта проведения всеобщей переписи населения. Первый, члена комиссии от МВД П. П. Семенова, состоял из 25 статей и предусматривал проведение всеобщей переписи населения один раз в десятилетие, в годы, оканчивающиеся нулем, в один из дней декабря. Специальное внимание П. П. Семенов уделил формированию комиссий, которые должны были этим заниматься. Свой проект устава XI народной переписи предложил фон Бушен, само заглавие которого подчеркивало тесную связь с предшествующими 10 ревизиями. Комиссия выработала проект Положения о всеобщей народной переписи, в основу которого были положены предложения П. П. Семенова, дополненные комиссией в отношении организационно-технической стороны производства переписи. Этот проект был готов в 1876 г. и включал 94 статьи⁸.

Министерство финансов предложило МВД внести этот проект в Госсовет осенью 1876 г., а перепись провести в начале 1878 г., поскольку в 1878 г. надо было проводить призыв на военную службу лиц, не учтенных в ходе последней ревизии 1858 г.

---

⁶ Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России. С. 11.

⁷ Там же. С. 12—31.

⁸ Там же. С. 71.

Но комиссия Гирса была против такой поспешности. Необходимы были длительные подготовительные работы по установлению населенных местностей, выверке номеров домов, составлению Статистическим советом инструкций по проведению переписи, заготовлению переписных бланков и т. д. Нужны были значительные средства, которые трудно было получить в условиях военного положения. В связи с предстоящим призывом комиссия выработала Временные правила по учету лиц, подлежащих отбыванию воинской повинности⁹.

Министр финансов М. Х. Рейтерн оба проекта комиссии — Положение о всеобщей народной переписи и Временные правила по учету лиц, подлежащих отбыванию воинской повинности, — передал на заключение министров внутренних дел, госимуществ, военного и главноуправляющего Вторым отделением собственной Е. И. В. канцелярии князя Урусова. Министры внесли свои предложения, в частности, военный министр Д. А. Милютин предложил провести перепись 31 декабря 1880 г. в связи с окончанием десятилетия. В феврале 1877 г. министр финансов внес проекты комиссии Гирса в Госсовет с предложением провести перепись в 1879 г. Князь Урусов в своем мнении, поданном в Госсовет в марте 1877 г., предлагал согласиться с мнением комиссии о невозможности проведения переписи в ближайшие годы¹⁰.

Госсовет в Особом присутствии о воинской повинности в мае 1877 г., учитывая важность проекта переписи, необходимость его всестороннего обсуждения, решил отложить рассмотрение проекта до будущей сессии. Но после этого проект переписи оставался в Министерстве финансов без движения до конца 1881 г.¹¹ В связи с предстоящей подачей проекта в Госсовет в декабре 1881 г. министр финансов представил его для рассмотрения новому министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву, последний в феврале 1882 г. передал его в Статистический совет.

В начале 80-х гг. XIX в. в МВД стали поступать заявления от некоторых губернских земских собраний и губернаторов о необходимости скорейшего проведения переписи — подати между

---

⁹ Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России. С. 71—72.

¹⁰ Там же. С. 73, 77—78.

¹¹ Там же. С. 80, 84.

крестьянскими семействами распределялись неравномерно, увеличивались недоимки в сборах с населения, в том числе земские¹².

В 1882 г. Статистический совет под председательством сенатора П. П. Семенова приступил к рассмотрению проекта положения о переписи комиссии Гирса. Если первоначальный проект комиссии состоял из 94 статей, то переработанный по постановлению Статистического совета — из 50, многие положения проекта Статистический совет предложил перенести в инструкции по составлению переписи¹³. В проекте комиссии информация о грамотности содержалась лишь в 3-й статье. В ней давался перечень сведений, заносимых в переписной лист, среди них значились: «з) родной язык; и) грамотность». Эти положения в неизменном виде вошли и в переработанный проект¹⁴.

Особую остроту вопрос о необходимости проведения переписи приобрел во время голода начала 90-х гг. XIX в., когда у правительства отсутствовали точные данные о населении пострадавших местностей¹⁵. К сожалению, как в литературе, так и в тексте закона о переписи отсутствует упоминание о дате поступления проекта из МВД в Госсовет. Из текста самого закона о переписи следует, что этот проект рассматривался в Государственном совете в соединенных департаментах законов, государственной экономии, гражданских и духовных дел, а затем в Общем собрании Госсовета в 1895 г.¹⁶

Госсовет высказал такое мнение: «1) Всеобщая перепись населения империи имеет целью привести в известность его численность, состав и местное распределение. 2) Всеобщей переписи подлежат все жители империи, обоего пола, всякого возраста, состояния, вероисповедания и племени, как русские подданные, так и иностранцы»¹⁷. Госсовет предусматривал, что «...перепись

---

¹² Очерк развития вопроса о всеобщей народной переписи в России. С. 87.

¹³ Проекты положения о всеобщей народной переписи // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. № 16. С. 1—32.

¹⁴ Там же. С. 4—5.

¹⁵ Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909. С. 9.

¹⁶ ПСЗРИ. Собр. 3. СПб., 1899. Т. 15, № 11803. С. 397.

¹⁷ Там же.

производится от времени до времени, на основании особого Положения, издаваемого законодательным порядком», дата переписи объявляется высочайшим указом. Таким образом, Госсовет предполагал систематическое проведение переписей в стране, но периодичность их не устанавливал, как это уже делалось в большинстве стран Западной Европы и предлагалось в проекте П. П. Семенова. Госсовет предлагал на покрытие расходов переписи выделить в распоряжение министра внутренних дел из средств государственного казначейства в 1896 г. — 1 591 155 руб., в 1897 г. — 1 530 057 руб. и в 1898 г. — 795 470 руб., что в общей сумме составляло 3 916 682 руб.¹⁸

5 июня 1895 г. Николай II своей резолюцией утвердил это мнение Общего собрания Государственного совета и Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи¹⁹. Таким образом, летом 1895 г. проведение переписи получило силу закона.

Положение состояло из трех разделов: 1. Общие положения; 2. Учреждения и лица, заведовавшие переписью; 3. Порядок производства переписи (всего 43 пункта). Положение распространялось на всю империю, но в губерниях с «инородческим населением», в том числе Оренбургской, оно применялось с «...отступлениями, указываемыми министром внутренних дел».

Перепись должна была зафиксировать о каждом лице сведения по 14 признакам: «а) имя, отчество и фамилию или прозвище; б) семейное положение (холост, женат, вдов, разведен); в) отношение к хозяину (родственник, свойственник, приемыш или жилец, прислуга, работник и т. п.), а равно взаимные семейные отношения лиц, не принадлежащих к семейству хозяина; г) пол; д) возраст; е) состояние или сословие; ж) вероисповедание; з) место рождения; и) место постоянного жительства или место приписки, а для иностранцев, сверх того, и подданство; й) место постоянного пребывания; к) родной язык; л) грамотность; м) занятие, ремесло, промысел и н) важнейшие физические недостатки, как то: слепоту, немоту, глухонемоту, душевную болезнь»²⁰.

---

¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 397—398.

¹⁹ Там же. С. 397.

²⁰ Там же. С. 398.

Во втором разделе Положения определялись учреждения и лица, заведовавшие переписью. Общее руководство переписью возлагалось на министра внутренних дел, который мог привлекать к ее организации и представителей других ведомств, лиц, не состоявших на государственной службе. В Петербурге учреждалась Главная переписная комиссия, члены которой назначались царем, возглавлял ее министр внутренних дел, его ближайшим помощником являлся председатель Статистического совета, управлял ее делами директор Центрального статистического комитета МВД.

На местах должны были создаваться губернские (областные), уездные (окружные) переписные комиссии и особые комиссии в городах: Петербурге, Москве, Варшаве, Николаеве, Кронштадте, Одессе, Севастополе и Керчи. Министр внутренних дел мог создавать комиссии в других значительных по числу населения городах, в особо крупных посадах, фабрично-заводских и других поселениях²¹. Забегая вперед, отметим, что такие особые переписные комиссии были созданы на Урале в поселках Нижнетагильского, Ижевского и Камско-Воткинского заводов²².

Председателями губернских комиссий назначались губернаторы, членами — губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий казенной палатой, представитель военного ведомства, председатель губернской земской управы, один из гласных губернского земского собрания по его выбору, член губернского или уездного по крестьянским делам присутствия, помощник председателя статистического комитета и его секретарь. При необходимости могли назначаться представители от министерств внутренних дел, военного, финансов и др.²³

Председателями уездных переписных комиссий должны были стать уездные предводители дворянства, членами — уездный исправник, уездный воинский начальник, податной инспектор, председатель земской управы, один из гласных уездного земского собрания, городской голова или городской староста. В состав ме-

---

²¹ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 399.

²² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 6 об.; Д. 172. Л. 7.

²³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 399.

стных комиссий с разрешения губернатора могли включать лиц, «могущих быть полезными делу переписи».

Особо оговаривались вопросы ведения делопроизводства. По Главной переписной комиссии ответственность за него возлагалась на Центральный статистический комитет, в прочих комиссиях — на одного из избранных ею членов. Для ведения делопроизводства в местных комиссиях губернаторы назначали подведомственных им чиновников, а также чиновников МВД и других ведомств по соглашению с их начальниками. Председателям комиссий разрешалось приглашать и лиц, не состоящих на государственной службе, в уездные и городские комиссии таковые приглашались с разрешения губернатора²⁴.

Особое внимание уделялось вознаграждению делопроизводителей. Чиновникам, назначенным в переписные комиссии, полагались прогонные, суточные и квартирные деньги в размере, определенном Уставом о службе; не имеющим чинов деньги должны были выдаваться в размере, установленном для чиновников обер-офицерского ранга, прочим же вознаграждение выдавалось «по соглашению с ними».

В Положении определялись обязанности всех комиссий. На Главную переписную комиссию возлагалось: руководство подготовкой к переписи, составление плана ее проведения, форм переписных листов, инструкций, относящихся к переписи; «соединение губерний и областей в переписные районы», командирование в каждый из них лиц для «объединения действий местных переписных комиссий»; руководство деятельностью переписных комиссий на местах, разрешение недоразумений и вопросов по производству переписи, возникших в губернских и особых переписных комиссиях, рассмотрение жалоб на их действия. Главная переписная комиссия распределяла суммы из кредита, ассигнованного на перепись²⁵.

В обязанности губернских переписных комиссий входило формирование уездных и городских переписных комиссий, руководство их деятельностью, надзор за своевременной рассылкой переписных листов, учет расходов средств, выделенных на про-

---

²⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 399.

²⁵ Там же. С. 400.

ведение переписи в губернии, наблюдение за поступлением и приведением в порядок «всего переписного материала» по окончании переписи. Губернские комиссии должны были разрешать недоразумения и вопросы, возникавшие в уездных и городских комиссиях, рассматривать жалобы на их действия.

Уездные переписные комиссии, в свою очередь, должны были разделить уезды и города (в которых не образовывались особые городские комиссии) на переписные участки, назначить заведующих ими, определить число счетчиков на каждом участке, распределить между участками суммы на проведение переписи. На особые переписные комиссии на подведомственных им территориях возлагались все обязанности губернских и уездных переписных комиссий, на городские комиссии — обязанности уездных²⁶.

Особо оговаривался порядок решения вопросов в переписных комиссиях. В Главной переписной комиссии дела должны были решаться с соблюдением порядка, установленного для Совета министров, в местных переписных комиссиях — большинством голосов. В случае несогласия председателя комиссии с решением большинства он имел право, приостановив исполнение решения, вынести вопрос на рассмотрение высшей инстанции. В случаях, не терпящих отлагательства, председатель мог делать распоряжения по делу переписи от своего лица. О всех таких распоряжениях председатели должны были сообщать в свою комиссию и вышестоящую.

Для проведения переписи в уездах и городах должны были создаваться переписные участки. В местностях, где действовали земские начальники, эти участки по возможности должны были приурочиваться к этим участкам. В состав переписных участков входили города, села, отдельные усадьбы, хутора и прочие поселки на владельческих, казенных, удельных, церковных и прочих землях.

Заведование переписными участками предлагалось возлагать преимущественно на земских начальников, а в местностях, где земство отсутствовало, на мировых посредников, чиновников по крестьянским делам, непременных членов уездных по крестьянским делам присутствий, комиссаров, земских заседателей, по-

---

²⁶ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 400.

датных инспекторов и других знакомых с местными условиями лиц²⁷.

Третий раздел Положения о порядке производства переписи регламентировал само проведение переписи населения. Перепись должна была проводиться по отдельным хозяйствам.

Предполагалось, что переписные листы будут заполняться: 1) в селах — счетчиками при содействии волостных, сельских старшин и старост; 2) во владельческих усадьбах, хуторах, на церковно-монастырских землях, на фабриках и заводах, на станциях, пристанях, судах — владельцами или заведующими; 3) на арендованных землях — арендаторами; 4) в городах — хозяевами квартир. В казенных, общественных, благотворительных учреждениях, учебных заведениях, приютах, богадельнях, в тюрьмах и больницах переписные листы заполнялись их начальниками и заведующими. Сведения о военнослужащих в городах и уездах заполнялись в отношении нижних чинов — военным или морским начальством; в отношении офицеров — квартирохозяевами²⁸.

По завершении переписи заведующие переписными участками должны были произвести поверку переписных листов и представить их в особые, уездные, городские комиссии, которые, в свою очередь, «по их поверке» представляли переписные листы в губернскую комиссию с приложением подсчитанных ими итогов переписанного населения, распределенного на мужской и женский пол. В течение месяца со дня предоставления переписных листов в губернскую комиссию уездные и городские комиссии должны были подать отчет о своих действиях. На всю работу по поверке материалов переписи низовыми комиссиями отводилось 4 месяца со дня проведения переписи²⁹.

Губернские и особые переписные комиссии должны были удостовериться, что переписные листы доставлены им полностью, после чего представляли в Главную переписную комиссию один полный экземпляр переписных листов вместе с итогами численности населения по городам, уездам и губерниям с распределением на мужской и женский пол. Второй экземпляр листов

---

²⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 400—401.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 402.

подлежал передаче для хранения в одно из местных учреждений МВД, указанных министром, — это были «страховые» копии на случай, если с первым экземпляром что-либо случится по пути в столицу. В месячный срок со дня представления материалов в Главную переписную комиссию губернские и особые комиссии должны были представить туда отчеты о своих действиях.

Местные переписные комиссии, выполнив свои обязанности, не позднее 6 месяцев со дня проведения переписи подлежали закрытию. Статистическая разработка данных, содержащихся в переписных листах, возлагалась на Центральный статистический комитет в соответствии с планом, составленным Главной переписной комиссией. Запрещалось разрабатывать и публиковать сведения переписи на местах, использование их мог разрешить министр внутренних дел³⁰.

По мнению В. Пландовского, Положение о Первой всеобщей переписи по своему объему соответствовало положениям большинства западноевропейских государств, оно намечало лишь общий план переписи, предоставляя разработку деталей Главной переписной комиссии³¹. При этом автор указывал на неудачно выбранную форму объявления о предстоящей переписи — именно указ вместо манифеста: «Наш народ относится с большим доверием к манифестам, которые объявляли ему в последнее время, главным образом, о разных “милостях”; указание на отсутствие фискальных целей у переписи, объяснение ее истинного значения и важности для блага народного, сделанное в торжественной форме манифеста, было бы в значительной степени воспринято нашим темным крестьянством и могло бы оказать переписи большую услугу». Такого же мнения придерживался и Статистический совет, рассматривая проект Положения о переписи в 1894 г.³²

Как отмечал А. Котельников, в то время «...официальная статистика в России находилась в состоянии крайнего упадка, в русской литературе совершенно не было популярных книг или брошюр». Правительство России, не имея «специальных статистиче-

---

³⁰ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 15, № 11803. С. 402.

³¹ Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898. С. 328.

³² Там же. С. 331.

ских органов, сколько-нибудь способных справиться с организацией и производством переписей на местах», не захотело воспользоваться и «живыми общественными силами», первая перепись в стране не получила «значения общественного дела... которым отличаются переписи в Пруссии», ее организация и проведение были возложены на бюрократию в лице Главной переписной комиссии³³. Умолчание закона 1895 г. о представителях науки, специалистах-статистиках, например, о профессорах статистики университетов, отмечал как недостаток в подходе к переписи и В. Пландовский³⁴.

В литературе отсутствуют конкретные данные о составе Главной переписной комиссии. В РГИА в фонде Центрального статистического комитета нами выявлен документ, в котором перечислены лица, вошедшие в ее состав и подтверждающие справедливость мнения А. Котельникова и В. Пландовского о бюрократическом характере Главной комиссии. Во главе ее стоял министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, вице-председателем был назначен сенатор П. П. Семенов, членами — сенатор И. И. Вильсон и представители от различных министерств и ведомств: от МВД — три человека (в том числе Н. А. Тройницкий, управляющий делами комиссии); по одному — от министерств: императорского двора, иностранных дел, военного, морского, финансов, путей сообщения, юстиции, госконтроля, ведомства православного исповедания и учреждений императрицы Марии. По два представителя вошли от Министерства земледелия и госимуществ и Министерства народного просвещения³⁵.

Согласно записям в журналах Главной переписной комиссии, первое ее заседание состоялось 18 ноября 1895 г. под председательством П. П. Семенова, который произнес речь об особенностях предстоящей переписи, последнее — 30 мая 1897 г., всего на протяжении полутора лет комиссия провела 98 заседаний. На них обсуждались вопросы о программе переписи, распределении финансов, печати переписных бланков и другие текущие вопросы.

---

³³ Котельников А. Указ. соч. С. 21—22.

³⁴ Пландовский В. Указ. соч. С. 329.

³⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 44. Л. 1.

Комиссия расширила программу переписи, установленную законом 1895 г.: был добавлен вопрос о положении по воинской повинности (забегая вперед, отметим, что ответы на него так и остались необработанными, а население восприняло его как чисто полицейский). Вопросы о грамотности и занятиях населения были разбиты на два подвопроса: «умеет ли читать» и «где обучается»; занятия «главные» и «побочные». Была введена отметка об отсутствии человека в день переписи. Таким образом, сведения должны были собираться по 18 признакам.

По мнению А. Котельникова, такая программа была слишком широка для России, и Главной переписной комиссии следовало бы «посоветоваться с русскими статистиками, прежде чем она приступит к своим подготовительным работам», созвать съезд статистиков, который мог бы дать комиссии массу ценных указаний; в Европе съезды статистиков стали практикой, в условиях огромных пространств России, при наличии больших местных особенностей, такие съезды были еще более необходимы³⁶.

Для координации действий местных переписных комиссий и разрешения множества мелких вопросов, возникавших в процессе подготовки и проведения переписи, Главной переписной комиссией были назначены особые уполномоченные — чиновники, чином не ниже статского советника. Вся территория страны была разделена на 27 районов. Таким образом, на одного уполномоченного приходилось несколько губерний. Уральские губернии образовывали два района: Вятская и Пермская — 20-й район, Уфимская и Оренбургская — 18-й³⁷. Уполномоченным по Вятской и Пермской губерниям был назначен С. С. Додонов, по Оренбургской и Уфимской — Фесенко (28 ноября 1896 г. на заседании Главной переписной комиссии заслушивался его отчет)³⁸.

Комиссия занималась множеством организационных вопросов. Ею было заказано свыше 40 тыс. пудов бумаги для бланков, 60 тыс. чернильниц и 60 тыс. портфелей для сельских счетчиков (кстати, портфель входил в экипировку каждого счетчика пере-

---

³⁶ Котельников А. Указ. соч. С. 15—16.

³⁷ Журналы Главной переписной комиссии... С. 105.

³⁸ Там же. С. 203.

писи России-2010). Летом 1896 г. был решен вопрос об аренде здания в Санкт-Петербурге, где должна была производиться обработка переписного материала. Наиболее подходящим вариантом оказался дом № 11 в Казачьем переулке общей площадью 1 500 кв. сажен, арендная плата за него была определена в размере 28 тыс. руб. в год сроком на 4 года³⁹. В октябре 1896 г. на заседании Комиссии решено было ввиду важности работ провести в здание электричество и смонтировать лифт. На это выделялась значительная сумма в 6 200 руб.⁴⁰

Собранный при переписи материал Главная комиссия предполагала подвергнуть машинной обработке, для чего было решено приобрести табуляторы Голлерита, предназначенные для суммирования и сортировки специальным образом подготовленных карточек. В пользу этих машин свидетельствовало их успешное применение при двух переписях в США, относительная простота в обслуживании и обучении персонала работе с ними. Владелец фирмы брал на себя обязательство при покупке у него 35 новых машин бесплатно предоставить в пользование 35 табуляторов, бывших в употреблении, но пригодных к использованию. Доставка из Вашингтона и обратно должна была проводиться за счет Центрального статистического комитета. Стоимость одной машины составила \$1 700 без учета транспортных расходов. Кроме того, было приобретено 500 шт. пробойников с целью подготовки специальных карточек для обработки на голлеритовских машинах по цене \$12,35 за штуку⁴¹.

На заседании 10 марта 1897 г. обсуждался вопрос об оплате счета за печать переписных бланков, общий тираж их составил 57 899 200 экз., за них было уплачено 28 949 руб. 60 коп. (без учета стоимости бумаги)⁴².

Согласно инструкции заведующим переписными участками, размер счетных участков устанавливался для уездов приблизительно в 400 хозяйств или 2 000 жителей, а в городах — в 150 квартир или до 750 жителей. Для сравнения: в Пруссии на одного

---

³⁹ Журналы Главной переписной комиссии... С. 53, 84.

⁴⁰ Там же. С. 156.

⁴¹ Там же. С. 205—206.

⁴² Там же. С. 302.

счетчика приходилось не более 40 хозяйств, во Франции — 50 домов или 1 500 жителей⁴³. За работу счетчика решено было давать вознаграждение: в сельской местности — 12 руб., в городах — 7 руб., что многими воспринималось как несоответствие объему работы счетчиков, особенно на селе.

Главная переписная комиссия проявила достаточную гибкость в решении проблемы привлечения счетчиков. Так, был расширен круг лиц, из которых они могли набираться. Синод позволил участвовать в переписи духовенству. Осенью 1896 г. Синод и Министерство народного просвещения позволили учителям подведомственных им школ работать в качестве счетчиков. Поскольку большинство учителей составляли женщины, Главная переписная комиссия разрешила брать в счетчики учительниц народных школ⁴⁴. Учителям-счетчикам продлевалось каникулярное время в счет потраченного на работу счетчиком⁴⁵. В сентябре 1896 г. Главная переписная комиссия уведомила губернаторов, что привлечение в счетчики лиц еврейской национальности (одних из наиболее грамотных) нежелательно; 20 ноября предлагалось использовать в городах в качестве счетчиков учащихся старших классов средне-специальных учебных заведений с разрешения местного начальства⁴⁶.

17 ноября 1896 г. Главная переписная комиссия своим циркуляром разрешила образовывать счетные участки в соответствии с числом лиц, способных и желающих выполнять обязанности счетчиков. Одновременно разрешалось на одном и том же участке устанавливать различные суммы вознаграждения⁴⁷. Решением от 25 ноября 1896 г. позволялось остатки от сумм, предназначенных на вознаграждение счетчикам, использовать на местах по своему усмотрению, увеличивать суммы некоторым счетчикам с

---

⁴³ Миклашевский И. Н. Указ. соч. С. 245.

⁴⁴ Новое время. 1896. 5 нояб.

⁴⁵ Плющевский-Плющик Я. А. Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // Временник Центрального статистического комитета МВД. № 45. СПб., 1898. С. 17.

⁴⁶ Журналы Главной переписной комиссии... С. 114, 190—191.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 244. Л. 5—5 об.

условием, чтобы они не превышали в два раза средние суммы вознаграждения по переписному участку⁴⁸.

Но самой действенной мерой по привлечению счетчиков оказалось награждение особой медалью лиц, согласившихся работать бесплатно. Это, с одной стороны, позволило заполнить оставшиеся вакансии счетчиков, увеличить число счетных участков, заменить некомпетентных счетчиков, а с другой — увеличить размер вознаграждения «платным» счетчикам. Бронзовые медали для счетчиков были отчеканены на Санкт-Петербургском монетном дворе в количестве 50 тыс. шт., каждая медаль обошлась казне в 9 коп.⁴⁹

Проведение переписи Главная комиссия назначила на 28 января 1897 г. Этот год не был удобен, так как не совпадал с годами иностранных переписей, не позволял проводить прямых сопоставлений с ними⁵⁰. В отчете уполномоченного по верхневолжским губерниям приводились отзывы заведовавших переписными участками и о неудобстве выбранного дня переписи: у крестьян подавляющего большинства населения страны это время праздников, свадеб, когда приезжают десятки гостей из ближних и дальних деревень. Свадебные гуляния серьезно затрудняли работу счетчиков. Предлагалось при проведении переписи в будущем «заблаговременно оповестить население через местных священников о том, что в воскресенье, предшествующее дню, к которому приурочена перепись, свадеб не будет; при проверке весь народ был бы трезв, что очень повлияло бы на более благоприятный ход дела». Высказывались пожелания в будущем проводить перепись в первые недели Великого поста «как времени, когда крестьяне в гости не ездят, на отхожие промыслы отправиться еще не успеют; состав семей в это время установится и пришлого люда будет мало, счетчикам же это будет удобнее»⁵¹.

Отмечали неудобство выбранного для переписи времени и на Урале. Так, в отчете Яранской уездной переписной комиссии Вятской губернии отмечалось, что зимой работа счетчиков ос-

---

⁴⁸ Журналы Главной переписной комиссии... С. 198.

⁴⁹ Там же. С. 198, 200.

⁵⁰ Пландовский В. Указ. соч. С. 330.

⁵¹ Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 173—174.

ложнялась коротким световым днем, в деревнях приходилось заполнять листы при плохом искусственном освещении, зачастую в избах, топившихся «по-черному», отчего многие счетчики угорали, «у крестьян к этому времени принаравливались свадьбы. Нередко счетчик наткался на пьяную компанию и возился с ней часа 2–3»⁵².

Главная переписная комиссия разработала ряд важных документов по организации переписи: сами формы переписных листов, ряд инструкций (отдельно для губернских, уездных, городских переписных комиссий), инструкции заведующим переписными участками (наставления городским и сельским счетчикам).

Перепись строилась не по системе личных листов, а по списочной системе. Каждый переписной лист составлялся на хозяйство и представлял собой лист бумаги укрупненного формата, на лицевой стороне которого вписывалась адресная часть, а внутренняя часть листа отводилась характеристике признаков по каждому отдельному члену хозяйства или семьи. Всего было три основных формы переписных листов: 1) форма *А* — для переписи крестьянских хозяйств сельских обществ, 2) форма *Б* — для переписи владельческих хозяйств, а также для частных домов и домов внутри селений и 3) форма *В* — для переписи городского населения. На лицевой стороне каждой формы кратко указывалось, на кого эти листы составляются, и давались извлечения из правил по заполнению переписных листов.

Лицевая сторона формы *А* содержала наименование переписного и счетного участка; наименование волости, гмины или станицы; имя, отчество, фамилию хозяина двора; указание, живет ли хозяин в собственном дворе или на квартире в чужом дворе. Те же вопросы имелись и на лицевой стороне формы *Б*, но они относились к характеристике поселка, а в форме *В* — к дворовому месту городских поселений. В последней, кроме характеристики строений, требовалась отметка о числе квартир по каждому строению. Каждый лист предназначался для записывания сведений о десяти лицах в сельских местностях и о восьми — в городах.

Кроме этих листов использовались и другие, адаптированные к особенностям конкретной местности. Так, переписной лист

---

⁵² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 209 об.

формы Г был предназначен для переписи инородческого бродячего населения. На первой его странице, кроме адреса, должно было отмечаться только число мужчин и женщин, находящихся в составе хозяйства. Заголовки граф, предназначенных для заполнения, были значительно упрощены. В Привисленском крае и некоторых других местах использовались листы формы А|Б для всего внегородского населения, так как там волость-гмина являлась всеобщей территориальной единицей.

Для национальных окраин переписные листы были переведены более чем на 20 языков и диалектов, но с обязательным сохранением и русского текста: эстонский, немецкий, латышский, марийский, чувашский, арабский, польский, литовский, грузинский, армянский, азербайджанский, узбекский, татарский «казанского» наречия и крымско-татарского наречия, турецкий, туркменский и др.

В переписном листе содержалось 14 граф с вопросами. Рассмотрим их формулировки.

1. «Фамилия (прозвище), имя и отчество или имена, если их несколько. Отметка о тех, кто окажется: слепым на оба глаза, немым, глухонемым или умалишенным». Переписной лист заполнялся в следующем порядке: 1) глава хозяйства; 2) его жена и дети; 3) родители хозяина и жены; 4) братья и сестры хозяев; 5) все остальные родственники; 6) служащие, прислуга; 7) жильцы, постояльцы, гости и т. д. О слепых и умалишенных нужно было дополнительно отметить, от рождения у них инвалидность или с определенного возраста. Фактически в первой графе учитывались два разнородных признака.

2. «Пол. М – мужской, ж – женский». Для обозначения мужского пола в этой графе ставилось большое «М», женского — малое «ж». Это облегчало последующие подсчеты, так как малые буквы «м» и «ж» могли быть похожи друг на друга при неаккуратном написании.

3. «Как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи». В этой графе о главе хозяйства писалось «хозяин», а про других указывалось, в каких родственных отношениях с хозяином состоит. Если родства не было, отмечалось, в качестве кого проживает (работник, прислуга); если же в состав хозяйства вхо-

дили другие семьи, то записывалось отношение каждого лица к главе собственной семьи.

Этот вопрос также состоит из двух подвопросов, которые, по мнению специалистов, целесообразнее было вынести в отдельные пункты (а, б) третьей графы. Неопределенность формулирования вопроса иногда вынуждала счетчиков при заполнении листа повторять его: «главе хозяйства — служащий; главе своей семьи — брат», причем многим просто не хватало для этого места в небольшой графе⁵³.

4. «Сколько минуло лет или месяцев от роду». Возраст в месяцах указывался для детей младше года, для тех, кому не исполнилось и месяца, записывалось: «менее 1 м-ца».

5. «Холост, женат, вдов или разведен». Семейное положение можно было вписывать сокращенно: *х* — холост, *д* — девица, *жс* — женат и т. д. Против малолетних предписывалось проводить черту, без указания о том, до какого возраста считать малолетним.

6. «Сословие, состояние или звание». В наставлениях счетчикам были перечислены следующие сословия: 1) дворяне потомственные; 2) дворяне личные; чиновники, не принадлежащие к потомственному дворянству, и дети таких чиновников; 3) потомственные почетные граждане; 4) личные почетные граждане; 5) духовенство, т. е. священно- и церковнослужители и их дети, если последние не приписаны уже к другим сословиям, а также и монашествующие; 6) купцы и торговые казаки; 7) казаки, не принадлежащие к дворянству или торговому сословию; 8) отставные солдаты, поступившие на службу до введения общей воинской повинности, и их семьи, если они не приписаны к другим сословиям; 9) мещане и городские граждане; 10) крестьяне; 11) инородцы; 12) финляндские уроженцы.

Иностранцам при ответе на этот вопрос следовало указывать свое гражданство. Крестьяне должны были указывать свой разряд: «из бывших владельческих (монастырских, государственных, удельных)». Однако вскоре после начала переписи выяснилось, что большинство из них уже не помнят, какого они «разряда», и Главная переписная комиссия разрешила счетчикам не от-

---

⁵³ Котельников А. Указ. соч. С. 31.

мечать этот признак⁵⁴. Неправославное духовенство должно было указывать и свое вероисповедание. При этом запрещалось записывать в духовное сословие лиц, исполнявших церковные обряды у раскольников, их следовало обозначать теми сословиями, к которым они были приписаны (крестьяне, мещане) или принадлежали по своим правам (купцы и пр.).

Двенадцать выделенных переписью сословных групп уже не могли отразить сложную социальную структуру Российского государства конца XIX в. Поэтому, если человек не считал себя принадлежащим ни к одному из перечисленных сословий, разрешалось обозначать его тем сословием, к которому он сам себя причислял (свободный художник, фельдшер, женщина-врач и пр.).

7. «Родился ли здесь, а если не здесь, то где именно?» Если человек родился в городе или волости, где проходила перепись, то в графе указывалось: «здесь». В случае отрицательного ответа указывалось место рождения (губерния и город — для родившихся в городе, губерния и уезд — для родившихся на селе).

8. «Приписан ли здесь, а если не здесь, то где именно?» Эта графа заполнялась только для тех лиц, которые подлежали приписке к сельским, волостным или городским обществам. Так же как и в отношении предыдущего вопроса, если человек был приписан не там, где он проходил перепись, в эту графу заносились сведения о волости, уезде и губернии для сельских жителей, а для приписанных к городским обществам — название города и губернии. О необязанных припиской (дворян, чиновников, духовенства и др.) в этой графе проводилась черта.

Следующие две графы были связаны друг с другом:

9. «Где обыкновенно проживает: здесь ли, а если не здесь, то где именно? (губерния, уезд, город)».

10. «Отметка об отсутствии, отлучке и о временном здесь пребывании».

В 9-й графе должно было отмечаться место постоянного проживания человека независимо от приписки. При этом могли быть следующие варианты заполнения: а) человек постоянно проживал в данном месте и находился там в момент проведения переписи — в этом случае в 9-й графе писалось: «здесь», а в 10-й ста-

---

⁵⁴ Пландовский В. Указ. соч. С. 339.

вился прочерк; б) человек постоянно проживал в данном месте, но находился во временной отлучке (в гостях, на ярмарке и т. д.) — в этом случае в 9-й графе писалось: «здесь», в 10-й графе: «во временной отлучке», по возможности с указанием его местонахождения; в) человек постоянно не проживал в данном месте, а прибыл сюда на короткий срок — в 9-й графе заносились сведения о месте обычного проживания (о состоящих на действительной военной службе указывалось просто: «на военной службе»), в 10-й ставилась отметка: «врем. преб.»; г) если человек не жил постоянно на одном и том же месте (бродячие торговцы, нищие и пр.), то в 9-й графе должно было обозначаться местожительство его семьи, а если семьи не было, указывалось место получения вида на жительство.

11. «Вероисповедание». Исповедуемую религию можно было указывать сокращенно: «прав.», «римск.-кат.», «мусульм.» с разделением на суннитов и шиитов (при обработке материалов переписи это разделение учитывать не стали), «язычн.» и т. д. В наставлении счетчикам оговаривалось: «Лица русского происхождения, не считающие себя православными, должны быть обозначены тем толком или исповеданием, к какому сами себя причисляют»⁵⁵. В данном случае имелись в виду раскольники и сектанты.

12. «Родной язык». В этой графе отмечался язык, который человек считал для себя родным. Русский обозначался в переписных листах буквой «Р», украинский — «М. Р.», белорусский — «Б. Р.», остальные языки также сокращенно: «польск.», «нем.» и т. д.

13. «Грамотность». Эта графа включала в себя два вопроса: «а) умеет ли читать?»; «б) где обучается, обучался или кончил курс образования». Поскольку грамотность является предметом нашего изучения, прокомментируем этот пункт переписного листа ниже.

14. «Занятие, ремесло, промысел, должность или служба.

а) Главное, то есть то, которое доставляет главные средства для существования.

б) 1) Побочное или вспомогательное.

2) Положение по воинской повинности».

---

⁵⁵ Наставление сельским счетчикам. СПб., 1896. С. 30.

В столбце «а» этой графы необходимо было указать не только род занятий человека, но и положение, которое он занимал: «земледелец-хозяин», «земледелец при муже», «земледелец-работник». В отношении чиновников и духовенства указывалась должность, в отношении купцов, фабрикантов отмечался род торговли, производства. Определение главного занятия не было до конца продумано и в ряде случаев могло дать неверный результат. Так, А. Котельников, принимавший участие в разработке материалов переписи, приводит следующий пример: «Офицер, живущий доходом с большого денежного капитала, должен показать себя в главном занятии: “доход с капитала”, а в побочном: “военная служба”. Между тем для выяснения социального положения лица гораздо характернее его служба, чем доход с капитала»⁵⁶. В графе «Побочное или вспомогательное занятие» должны были отмечать студентов и воспитанников учебных заведений, хотя обучение и побочное занятие — понятия совершенно разные.

В графе б 2 «Положение по воинской повинности» делались отметки в отношении чиновников, офицеров и «нижних чинов» в запасе, казаков, ратников ополчения 1-го разряда и отставных офицеров.

Как отмечал В. Пландовский, ряд вопросов переписи имел не совсем четкую формулировку, и правильный ответ на них был невозможен без тщательного изучения правил заполнения листа. Ряд заголовков (№ 1, 3, 7–10 и 14) содержал по несколько вопросов, а для ответа оставлял одну графу; некоторые графы были слишком малы и неудобны для записей; правила для заполнения листа были очень пространны, сокращения и условные обозначения могли с трудом усваиваться «малообразованными лицами». Пландовский считал, что если бы вертикальные клетки были заменены на горизонтальные, а вопросы размещены сбоку, как в хозяйственной ведомости ценза североамериканских штатов, вопросы разбиты на 2–3, то это значительно облегчило бы заполнение переписных листов⁵⁷.

Главная переписная комиссия заказала изготовление переписных листов Печатне С. П. Яковлева, общий тираж составил

---

⁵⁶ Котельников А. Указ. соч. С. 34.

⁵⁷ Пландовский В. Указ. соч. С. 348.

57 899 700 экз.⁵⁸ Заполненные в ходе переписи листы со всей территории России по окончании переписи присылались в Главную комиссию, как и отчеты о ее проведении местных комиссий. Отсюда они передавались в Центральный статистический комитет, который осуществлял разработку переписи и ее публикацию с 1897 по 1905 г.

Таким образом, потенциал специалистов-статистиков был слабо задействован в подготовке переписи, программа ее была очень широкой, но не все вопросы были четко и удачно сформулированы, ответы на некоторые были затруднительны, графы для ответов слишком малы. То есть уже на стадии подготовки переписи закладывались условия для получения не совсем точной информации по некоторым вопросам, характеризующим население.

1.2. Проведение переписи на Урале

Осенью 1896 г. стали формироваться губернские переписные комиссии. Пермская губернская комиссия, согласно журналу ее заседаний, начала работать 12 сентября 1896 г., за четыре с лишним месяца до дня переписи. Состав комиссии соответствовал закону о переписи: председатель — губернатор, действительный статский советник Н. Г. Погодин; члены — за вице-губернатора советник Пермского губернского правления Токарев; управляющий казенной палатой Иверенов; председатель Пермской губернской земской управы Попов; непременный член губернского присутствия Назарьев; помощник председателя губернского статистического комитета Красноперов; секретарь этого комитета Попов⁵⁹. Подобный состав комиссии был и в Уфимской губернии, отметим лишь, что здесь от гласных губернского земского собрания вошел татарин или башкир К. П. Тевкелев, а все должностные чины были русскими⁶⁰.

Вслед за губернской переписной комиссией начали открываться уездные комиссии, причем с некоторым разрывом во вре-

---

⁵⁸ Журналы Главной переписной комиссии... С. 302.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 16.

⁶⁰ Там же. Д. 244. Л. 27.

мени: например, в Пермской губернии Шадринская открылась 18 сентября, Нижнетагильская городская — только 18 октября⁶¹.

Как уже отмечалось, в состав местных комиссий с разрешения губернатора могли включать лиц, «могущих быть полезными делу переписи». В Уржумскую уездную переписную комиссию включили инспектора народных училищ Уржумского уезда и уездного наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты, поскольку им проще было привлечь в счетчики духовенство и учительский персонал⁶². В Пермскую уездную комиссию включили полицмейстера, что очень пригодились впоследствии при обработке материалов переписи⁶³.

Уездные переписные комиссии первым делом начали проводить деление городов и уездов на переписные участки и назначать их заведующих. Переписные участки в уездах Пермской губернии формировались по предложениям уездных комиссий в октябре-ноябре 1896 г. и в основном соответствовали земским участкам. Одновременно проводилось и распределение финансовых средств между переписными участками⁶⁴.

Законом о переписи 1895 г. заведующими участками рекомендовалось назначать преимущественно из числа земских начальников, на Урале так и поступили. Пермская губернская переписная комиссия отмечала, что участие земских начальников в организации переписи — дело не только полезное, но и прямо необходимое. Кроме них для заведования переписными участками «на тех условиях, которые были предложены, найти подходящих лиц было бы невозможно ввиду той большой и сложной работы, какая выпала на их долю»⁶⁵. Это отмечалось и в отчетах уездных комиссий Вятской губернии⁶⁶.

Уфимская губернская комиссия видела в лице земских начальников наиболее подходящие кандидатуры на должность заведующих, поскольку они пользовались «доверием и авторитетом среди местного населения, особенно же среди местного воло-

---

⁶¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 6 об.

⁶² Там же. Д. 172. Л. 353 об.

⁶³ Там же. Д. 211. Л. 70 об. — 71.

⁶⁴ Там же. Л. 15—16.

⁶⁵ Там же. Л. 8 об.

⁶⁶ Там же. Д. 172. Л. 58 об.

стного и сельского начальства», а содействию последних в проведении переписи комиссия придавала особое значение. Поэтому при формировании переписных участков в Уфимской губернии за основу взяли участки земских начальников, несмотря на то, что многие из них превышали норму, указанную в инструкциях, — 30 тыс. человек. На дробление земских участков не пошли, учитывая не только авторитет земских начальников, но и то, что они имели «хорошо обставленные канцелярии», работников которых можно было в той или иной мере использовать при проведении переписи⁶⁷.

В Пермской же губернии состав заведующих переписными участками был разнообразен. Так, в Пермском уезде был образован 21 участок, из них только 7 возглавили земские начальники, 6 — горные инженеры, 4 — железнодорожные служащие, по одному участку — техник и отставной чиновник, на два участка были назначены врачи⁶⁸.

Уполномоченный В. В. Додонов объезжал уездные комиссии в Пермской губернии в ноябре 1896 — январе 1897 г. и по многим вопросам давал разъяснения уездным комиссиям⁶⁹. В заседании Вятской губернской переписной комиссии он участвовал 22 октября 1896 г.⁷⁰

Уездные переписные комиссии в своих отчетах Пермской губернской комиссии отмечали, что территории переписных и особенно счетных участков, установленных инструкциями, «были велики и несоизмеримы со сроками исполнения обязанностей. Сроки же для самой переписи слишком коротки и на деле не могли быть соблюдены». Указывалось на нечеткости как в листах и ведомостях подсчета, так и в правилах их заполнения и составления, и других инструкциях⁷¹. Мензелинская уездная комиссия Уфимской губернии отмечала, что малограмотным счетчикам трудно было понять наставление из-за сложности текста, а такие счетчики в уезде преобладали⁷².

---

⁶⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 244. Л. 3.

⁶⁸ Там же. Д. 211. Л. 70 об.

⁶⁹ Там же. Л. 7 об. — 8.

⁷⁰ Там же. Д. 172. Л. 11.

⁷¹ Там же. Д. 212. Л. 11 об. — 12.

⁷² Там же. Д. 245. Л. 434 об.

В отчете Пермской губернской комиссии отмечались неблагоприятные условия деятельности местных переписных органов. Так, централизованное печатание переписного материала и пересылка его с центральных складов на места вызывали большие затруднения. Только в середине ноября 1896 г. выяснилось, что бланков недостаточно. Выслано было листов формы А — 1 млн 295 тыс., формы Б — 100 тыс. и формы В — 120 тыс. Дополнительно было затребовано 200, 190 и 10 тыс. листов соответственно⁷³. В ходе переписи порча бланков в Пермском уезде составляла до 10 %⁷⁴. Уездным комиссиям приходилось посылать людей за дополнительными бланками в губернский центр. Обоз, посланный из Красноуфимска в Пермь за получением переписных листов, привез 75 пудов. На проезд туда и обратно (400 км) ушло 10 дней⁷⁵.

Перебоек с переписными листами, по мнению Пермской губернской комиссии, можно было избежать, если бы разрешили печатать бланки на местах⁷⁶. На недостаток бланков указывали и другие комиссии. Так, Уфимская уездная комиссия жаловалась на затруднения при распределении переписных бланков между участками⁷⁷. В отчете Стерлитамакской уездной комиссии отмечалось, что переписной материал приходилось рассылать по частям уже во время самой переписи⁷⁸.

Стерлитамакская уездная комиссия в числе препятствий к проведению переписи указала и на отсутствие подробного плана города. Заведующему участком пришлось обходить все кварталы, наносить на план все дворы и составлять особые примерные ведомости по каждому двору и кварталу⁷⁹.

Особые трудности на местах возникли с подбором счетчиков, на плечи которых должна была лечь основная работа по проведению переписи. Правда, были и исключения: Екатеринбургская уездная переписная комиссия отмечала уникальное положение

---

⁷³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 51 об.

⁷⁴ Там же. Л. 76.

⁷⁵ Там же. Л. 245.

⁷⁶ Там же. Л. 8 об. — 9 об.

⁷⁷ Там же. Д. 244. Л. 213 об.

⁷⁸ Там же. Д. 245. Л. 429.

⁷⁹ Там же. Л. 428 об.

уезда «с большим количеством заводов и приисков, давших значительный контингент счетчиков из лиц более-менее интеллигентных»⁸⁰. В этом уезде в состав счетчиков были привлечены служащие заводов и приисков, народные учителя, волостные и сельские писари, священники, дьяконы, псаломщики. По отзывам заведующих переписными участками, лучше всего отнеслись к делу переписи счетчики-учителя и волостные писари, наиболее слабыми оказались псаломщики⁸¹. Жителей Екатеринбурга (43 тыс.) переписывало 62 счетчика, из них только 3 платных, каждый счетчик в среднем переписал около 700 человек⁸².

В Красноуфимском же уезде Пермской губернии в деревнях оказалось невозможным подобрать счетчиков из местных жителей, поэтому пришлось приглашать их из более крупных населенных центров. В отчете Красноуфимской уездной переписной комиссии указывался состав счетчиков: 173 крестьянина, 55 сельских учителей, 43 священно- и церковнослужителя, 22 мещанина, 11 почетных граждан, 7 чиновников, 5 «запасных» воинских чинов, 3 купца. Из 319 счетчиков было 10 женщин, 140 счетчиков работали бесплатно⁸³.

Если в городе Вятка желающих быть бесплатными счетчиками оказалось так много, что появилась возможность отбора лучших, то в уезде возникли трудности: духовенство шло неохотно, подавляющее большинство учителей составляли женщины, но их до самого начала переписи использовать не разрешали. В основном привлекали в счетчики сельских и военных писарей, в том числе и бывших⁸⁴.

В Уфимской губернии в связи с несвоевременным началом переписи во многих селениях пришлось увеличить состав счетчиков — заранее назначенные не могли уложиться в установленные сроки⁸⁵. Белебеевская уездная комиссия отмечала, что немало затруднений возникало на участках с татарским населением, где был небольшой процент грамотных. Здесь приходилось при-

---

⁸⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 212. Л. 11.

⁸¹ Там же. Л. 15.

⁸² Там же. Л. 4.

⁸³ Там же. Л. 240—242 об.

⁸⁴ Там же. Д. 172. Л. 59 об.

⁸⁵ Там же. Д. 244. Л. 6.

глашать в села счетчиками городских жителей. Всего счетчиками работали в уезде 241 человек, из них 113 безвозмездно⁸⁶. Как сообщалось в отчете Пермской губернской комиссии, во многие селения из-за незнания жителями русского языка приходилось подыскивать переводчиков⁸⁷. Вероятно, это вынуждены были делать и в других уральских губерниях.

В некоторых уездах счетчиков готовили к переписи заранее. Так, в Вятскую уездную переписную комиссию счетчиков созывали несколько раз — знакомили с законом о переписи и инструкциями, учили заполнению листов. Благодаря этому счетчики здесь приступили к заполнению листов «весьма подготовленными»⁸⁸.

В сельской местности к переписи приступили с первых чисел января 1897 г. В городах раздача материала (в соответствии с приложением к закону о переписи⁸⁹) началась примерно за две недели до 28 января⁹⁰.

Нормы, установленные Главной переписной комиссией для одного счетчика, были высокими: в селениях счетчик должен был переписать 400 дворов или 2 тыс. человек, в городах 150 квартир или 750 человек. На деле они оказались невыполнимы. Так, в Пермском уезде в селениях в среднем переписывали до 1 тыс. жителей, в городах — до 500, т. е. примерно в 1,5–2 раза меньше⁹¹. В Котельническом уезде Вятской губернии реальные нормы на селе установили в два раза ниже — 200 хозяйств или 1 тыс. человек⁹². Такая же картина, судя по отчету уполномоченного, была и в верхневолжских губерниях (Тверской, Костромской, Ярославской)⁹³.

---

⁸⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 244. Л. 274, 277.

⁸⁷ Там же. Д. 211. Л. 56.

⁸⁸ Там же. Д. 172. Л. 58 об. — 59.

⁸⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи... Конечные сроки, установленные положением, инструкциями и др. правилами для действий местных учреждений. СПб., 1896.

⁹⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 212. Л. 245; Д. 244. Л. 8 об.

⁹¹ Там же. Д. 211. Л. 74 об.

⁹² Там же. Д. 243. Л. 394.

⁹³ Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 94—97.

В сельской местности счетчикам приходилось преодолевать большие расстояния. Как выясняется из отчетов Пермской и Уфимской губернских переписных комиссий, местные земства оказали неоценимую помощь в оплате этих разъездов. На передвижения счетчиков в Пермской губернии уездные земские собрания выделили следующие суммы: Соликамское — 2 400 руб., Шадринское — 2 150, Верхотурское — 2 000, Екатеринбургское, Красноуфимское, Оханское, Осинское — по 1 000, Ирбитское — 850, Чердынское — 800 руб. Полностью покрыли все расходы на территории своих уездов Пермское, Кунгурское и Камышловское земства. При этом все земства выделили деньги безвозвратно, только Кунгурское уездное земское собрание ходатайствовало о возмещении сумм⁹⁴.

В Уфимской губернии уездные земские собрания таких решений не принимали, и земские управы «на собственный страх» постановили «принять разъезды сельских счетчиков на средства местных уездных земств, так как не было никаких других альтернатив»⁹⁵.

Из журнала заседаний Вятской губернской комиссии следует, что она обязала земских начальников и заведующих переписными участками назначать домохозяев, обязанных во время переписи поставлять подводы для должностных лиц. Вечером 27 января сельский староста с подводой должен был прибыть на квартиру счетчика, чтобы 28 января выехать с раннего утра⁹⁶. О привлечении средств уездных земств в журналах заседаний и отчетах уездных переписных комиссий не упоминается.

В ходе проведения первой всеобщей переписи населения возникла еще одна большая проблема, связанная с недостаточной подготовкой народа к этому важному событию. Уже 4 января 1897 г. на 70-м заседании Главной переписной комиссии управляющий ее делами, председатель Центрального статистического комитета Н. А. Тройницкий сделал сообщение «О недоразумениях, возникших в некоторых привисленских губерниях при начальных действиях по производству переписи, и о мерах, приня-

---

⁹⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 11—11 об.

⁹⁵ Там же. Д. 244. Л. 7 об.

⁹⁶ Там же. Д. 172. Л. 29 об.

тых... министром внутренних дел к устранению этих недоразумений»⁹⁷. На 71-м заседании 9 января 1897 г. снова было «доложено о замешательствах», произошедших не только в привисленских губерниях, но и приволжских, и о мерах, предпринятых Министерством внутренних дел⁹⁸.

В связи с волнениями народа, охватившими ряд мест Российской империи по случаю переписи, появились донесения губернаторов министру внутренних дел, донесения начальников жандармских управлений в Департамент полиции МВД. В последних имеется информация об отрицательном, по сути — враждебном, отношении народа некоторых территорий к проведению переписи. Поскольку эти материалы представляют большой интерес, неизвестны в литературе, остановимся на них подробнее.

Прежде всего отметим, что столь масштабная перепись проводилась в России впервые, исходила от самой верховной власти, круг сведений, собираемый о каждом жителе, был необычайно широк: интересовались семьей, вероисповеданием, кругом занятий и т. п. Неудивительно, что проведение переписи породило в народной среде невероятные слухи, толки, опасения, как всякое непривычное дело. Впервые перепись затрагивала всех, от старика до младенца, мужчин и женщин. Это, безусловно, усиливало ее необычность.

Сами власти осознавали предстоящие трудности. В специальной брошюре, подготовленной Главной переписной комиссией и изданной в 1896 г. под названием «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», предсказывалось: «О всеобщей переписи, конечно, будут много расспрашивать и толковать в народе. Толковать и прямо, и криво, потому что везде найдутся отдельные люди, которые готовы объяснять все, а с пушей охотой как раз то, что они меньше всего понимают»⁹⁹. Эта брошюра была напечатана в Санкт-Петербурге большим тиражом — 60 тыс. экземпляров, допечатывалась и на местах, в губернских типографиях. Так, в фонде Туринской областной комиссии в Государственном архиве Свердловской области имеется брошюра, издан-

---

⁹⁷ Журналы Главной переписной комиссии... С. 251.

⁹⁸ Там же. С. 259.

⁹⁹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

ная в 1896 г. в Тобольске¹⁰⁰. По ходатайству казанского губернатора Главная переписная комиссия разрешила перевести текст этой брошюры «на местные наречия», чтобы лучше донести ее смысл до нерусских народов¹⁰¹. Но, как отмечалось в отчете Пермской уездной переписной комиссии, народ к переписи не был подготовлен: газет не читал, брошюр было роздано очень мало¹⁰². Переписная комиссия Яранского уезда Вятской губернии предлагала в будущем задолго до переписи и возможно шире публиковать во всеобщее известие сведения о назначении и цели переписи¹⁰³.

В связи с первыми известиями о «замешательствах», произошедших в привисленских и приволжских губерниях в ходе переписи, 4 января 1897 г. Главной переписной комиссии был представлен проект Объявления от имени министра внутренних дел, «имеющий целью ознакомить население со значением предстоящей переписи»¹⁰⁴. В спешном порядке текст Объявления от Министерства внутренних дел на крупном листе был отпечатан в типографии МВД и разослан по губерниям, оттуда — по губернским переписным комиссиям. В деле Туринской окружной комиссии отложилось это отпечатанное в столице Объявление, подписанное министром внутренних дел шефом жандармов И. Л. Горемыкиным и директором Центрального статистического комитета, управляющим делами Главной переписной комиссии Н. А. Тройницким, но сам текст подавался от лица министра¹⁰⁵.

И. Л. Горемыкин отмечал, что перепись «повелеть соизволил произвести... по всей России» сам государь император. Предпринимается она «для пользы самого населения», это «новое проявление все милостивейшего попечения о нем государя императора». Чтобы пресечь слухи в народе о чисто фискальных целях мероприятия, министр прямо заявлял: «Всеобщая перепись не походит нисколько на прежние ревизии, считавшие только плательщиков подушной подати, которая теперь почти по всему го-

---

¹⁰⁰ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

¹⁰¹ Журналы Главной переписной комиссии... С. 9.

¹⁰² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 72.

¹⁰³ Там же. Д. 172. Л. 214—214 об.

¹⁰⁴ Журналы Главной переписной комиссии... С. 259.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 2. Л. 24.

сударству уже отменена; предстоящая всеобщая перепись не будет служить ни для каких новых налогов или повинностей, а равно каких-либо новых льгот».

Народу разъяснялось, что перепись проводится «только для того, чтобы было точно известно, как велико число населения государства, как распределяется это население по возрасту, полу, сословию, вероисповеданию, родному языку, занятиям, как оно расселено по городам, селам и деревням и сколько между ним грамотных, сколько слепых, глухонемых и проч.».

Министр обращался к населению с призывом правильно ответить на все поставленные вопросы: «...чем толковее, полнее и добросовестнее будет отвечать каждый из жителей на вопросы переписных листов, тем вернее будет счет населения, а значит, тем пригоднее он будет, когда правительству придется позаботиться о той или другой нужде населения или направить как следует какое-либо государственное дело».

Население успокаивалось: «Вопросы в переписных листах таковы, что откровенный ответ на них никоим образом не может навлечь на отвечающего или его близких никакой неприятности или ответственности. Уклоняться от правильных и точных ответов при переписи нет причин, потому что никаких документов при переписи не спрашивают и не проверяют; никаких преследований за проживание без письменных видов со стороны полиции при переписи предпринимается не будет».

Министр выражал уверенность, что «священная воля его величества будет исполнена всем населением с должным старанием и по доброй совести».

Но это Объявление появилось на свет слишком поздно, когда перепись уже шла полным ходом, и вряд ли оно успело сыграть какую-либо роль в успокоении умов.

Слухи, надежды и опасения в связи с предстоящей переписью ходили среди жителей многих губерний России. Они были характерны и для населения Урала. Уполномоченный по Тверской, Ярославской и Костромской губерниям Я. А. Плющевский-Плющик в свое время разделил их на три основные группы¹⁰⁶:

---

¹⁰⁶ Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 35.

1) Ожидания прирезки и передела земли отмечались у большинства крестьян. Грядущую перепись они воспринимали «... как подготовительную работу к ревизии, предвещающую наделение крестьян землею по числу наличных душ»¹⁰⁷.

2) Среди городского и сельского промышленного населения ходили слухи, что главной целью переписи должен стать сбор фискальной информации для установления новых налогов. Источником этих слухов послужил подробный сбор счетчиками сведений о главных и побочных занятиях и ремеслах (графа 14 переписного листа).

3) Толки религиозного характера. Непонимание целей переписи подвигало многих, особенно в раскольниковой среде, давать свое толкование переписным мероприятиям. По данным Я. А. Плющевского-Плющика, «...взгляд на перепись, как на “антихристову”, и на счетчиков, как на служителей антихриста, прикладывающих его печать» отмечался во всех трех верхневоложских губерниях¹⁰⁸.

Автор отчета справедливо связывал отношение к переписной кампании с уровнем образованности людей: «...сравнительно развитостью и грамотностью населения Ярославской губернии следует объяснить то, что в ней встречалось всего меньше нелепых толков, которые преобладали во многих местах Костромской губернии, где крестьяне даже Костромского уезда, ужасаясь количеству работ по переписи, удивлялись, как можно тратить целый лист бумаги на записку одного или двух лиц». Отмечали интерес в народе к проведению переписи и некоторые сельские счетчики, «всегда, впрочем, связывая такой интерес с распространением грамотности в той или другой местности»¹⁰⁹.

Подобную связь отмечали счетчики и в других губерниях России. В газете «Биржевые ведомости» в обзорной статье, посвященной проведению переписи, подчеркивалось: «По наблюдениям счетчиков видно, что везде охотно давали всякие объяснения те крестьяне, которые могли читать поданный им печатный переписной лист. Они ничуть не сомневались в прямой настоя-

---

¹⁰⁷ Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 55.

¹⁰⁸ Там же. С. 52.

¹⁰⁹ Там же. С. 34.

щей цели великого государственного дела. Но как только переписные листы попадали в неграмотные семьи и к темным мужикам, начинались самые дикие расспросы, мужики бледнели, бабы дрожали, пугаясь счетчиков, дети с ревом удирали»¹¹⁰.

В отдельных местностях, где ожидания народа в связи с переписью были положительными (ждали прирезки земли), перепись встречали с воодушевлением. В газете «Народ», отложившейся в делах Центрального статистического управления в РГИА, курский корреспондент сообщал: «...В общем население охотно давало сведения о себе, а у многих из простонародья рвение к переписи было столь велико, что они просили счетчиков записать и их покойничков. А одна баба, рыдая перед счетчиком, приговаривала: “Три дня только как сыночка похоронила, и его бы записали; может быть, и ему прирезка землицы была”»¹¹¹.

Большую тревогу, боязнь, полное отвержение предстоящая перепись вызывала у неправославного населения России — раскольников, униатов, мусульман. Как справедливо писал Я. А. Плющевский-Плющик, все вопросы переписи, в особенности о вероисповедании, раскольниками «обсуждались и истолковывались, главным образом, с точки зрения интересов вероучения, как и всякое новое событие в жизни народной, в котором они всегда видят новшество»¹¹².

Поскольку в графе 11 переписного листа должны были указываться сведения, к какому толку принадлежат раскольники, многие из них целью переписной кампании посчитали сбор сведений о «вероотступниках» и ожидали возобновления репрессий. Среди раскольников пошли толки о том, что «перепись знаменует возобновление гонений против их учения и назначена для его искоренения, что все староверы будут после переписи наказаны. Посредством ее-де приведены будут в известность все сектанты для обращения их в православие и ссылки непокорных в Сибирь... и на Кавказ»¹¹³.

---

¹¹⁰ Биржевые ведомости. 1897. № 46, 16 февр.

¹¹¹ Народ. 1897. 16 февр.

¹¹² Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 52.

¹¹³ Там же. С. 53.

Счетчики в Костромском уезде сообщали, что православные крестьяне приносили весть об антихристе, конце мира, будто бы предвещавшемся переписью, с базаров от староверов. «Странники и женщины, среди которых распространялись и поддерживались такие рассказы, решили, что народившийся и уже ходящий в народе белый с русой бородой антихрист (Угличский уезд) сам орудует переписью в Москве, а народ переписывать послал счетчиков, своих приближенных чиновников, снабдив их листами с печатью антихриста (антиева печать — государственный герб на первой странице) и обязав накладывать на всех переписываемых печать с таким знаком. В Ростовском уезде ходил слух, что какая-то женщина-монахиня прилетела в столицу на воздушном шаре и там, «где следует, объявила рождение антихриста»¹¹⁴.

Интересны показания счетчиков о том, что грамотные раскольники «иногда умалчивали о своей грамотности, будучи убеждены, что их будут понуждать подписывать листы, на коих они видели печать антихриста»¹¹⁵.

По словам одного из счетчиков, «раскольники при входе к ним в дом были очень встревожены, испуганы. Некоторые из них даже отказывались от принадлежности к расколу, не признавая себя в то же время и православными. Наоборот, являлись и такие фанатики, которые, предупреждая вопрос о вероисповедании заявлением о принадлежности их к какой-нибудь раскольничьей секте, прибавляли, что, несмотря ни на какие гонения и притеснения, несмотря даже на ссылку в Сибирь, они никогда не изменят своей вере».

Среди раскольников Тверской, Ярославской и Костромской губерний в связи с подготовкой переписи начали распространяться апокалиптические настроения. Первой они считали перепись, проведенную при царе Давиде в Иудее, второй — в Римской империи при рождении Христа, а грядущую перепись России расценивали как третью и последнюю перед концом света¹¹⁶.

Даже в самих переписных листах формы А и Б наиболее фанатичные старообрядцы видели соответственно листы «*Антихри-*

---

¹¹⁴ Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 52—53.

¹¹⁵ Там же. С. 53—54.

¹¹⁶ Там же. С. 55.

стовы» и «Боговы», счетчиков усиленно упрашивали и молили записать не в лист формы А, а в форму Б¹¹⁷. В Херсонской губернии такой фанатизм привел к трагедии: «...несколько старообрядцев заживо погребли себя, чтобы не быть записанными антихристу», поэтому позже, при подготовке второй переписи населения России в 1909 г., председатель Херсонской губернской земской управы предлагал отказаться от использования букв в формах переписных листов¹¹⁸.

В Сибири, в Бирском округе Томской губернии, как отмечал в донесении в Департамент полиции начальник губернского жандармского управления, старообрядцы отказались отвечать на вопросы счетчиков, боясь, что будут «налагать на них печать антихриста, пригонят к церкви и тогда они будут люди не Божии, а антихристовы». После «увещеваний и разъяснений» перепись все-таки состоялась, однако 53 семьи так и не решились принять в ней участие, а 9 семей «скрылись неизвестно куда»¹¹⁹. 23 января 1897 г. на заседании Главной переписной комиссии слушали статью из газеты «Енисей» об отношении раскольников Енисейской губернии к переписи. Часть их уклонялась от переписи, уходила «в самые отдаленные места», но основная масса, «несмотря на несочувственное отношение» к переписи, уклоняться не намеревалась¹²⁰.

Перепись вызвала большие волнения и среди жителей западных губерний России. В феврале 1897 г. Министерство народного просвещения сообщало министру внутренних дел: «...Причины волнений среди крестьян Седлецкой губернии по случаю всенародной переписи обусловлены многими обстоятельствами, но повод для сих волнений везде один и тот же: крестьяне из среды бывших униатов, наклонных к католицизму, убеждены в том, что если они на переписи заявят себя католиками, то за ними будет признано право на сие вероисповедание. Поэтому они крайне интересовались знать, как они записаны в переписных списках, и в

---

¹¹⁷ Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 53.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 119. Л. 10.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 336—336 об.

¹²⁰ Журналы Главной переписной комиссии... С. 271.

тех случаях, когда таковые листы не были им показываемы, они прибегали к насилиям для отобрания этих листов»¹²¹.

Особые трудности возникли при проведении переписи среди татарского населения Казанской губернии. Еще на стадии первого обхода счетчики столкнулись с серьезным сопротивлением: люди отказывались давать о себе сведения, не пускали счетчиков и представителей власти в деревни, угрожали и избивали последних.

Начальник Казанского губернского жандармского управления 3 января 1897 г. сообщал в Департамент полиции: 31 декабря 1896 г. в ходе кампании по распределению переписных участков в деревню Усали Нижнесунской волости Мамадышского уезда прибыли заведующий переписным участком, волостные старшины и писари, сельские старосты и счетчики. Их приезд вызвал возмущение местных жителей, съехавшихся из разных деревень на базар. «Татары, мусульмане... узнав, что должностные лица прибыли по поводу всеобщей переписи, толпою ворвались в волостное правление и избили находившихся там старост, счетчиков и в числе их священника села Владимировки Самсона Гаврилова и псаломщика Захарова».

Православный священник пытался урезонить толпу именем царя, взялся за висевший на стене портрет Николая II и, указывая на него, сказал, что он священник, прибыл сюда не по своей воле, а воле государя императора. Но это не подействовало: как доносил начальник Казанского губернского жандармского управления, «крестьянин деревни Нижний Сунь Садык Исмагилов выхватил портрет и со словами: "...твою мать, ты кресты носишь" — ударил им об стол так, что корона, скипетр и держава, бывшие наверху рамки портрета, разлетелись и сама рамка частью испортилась»¹²².

Через шесть дней после этого события, 9 января 1896 г., казанский губернатор сообщал министру внутренних дел: «...распространившееся по поводу всеобщей переписи волнение среди татарского населения в настоящее время усиливается, в особенности в Казанском, Мамадышском и Чистопольском уездах, несмотря на разосланное мною успокоительное извещение о

¹²¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 368—368 об.

¹²² Там же. Л. 107—108.

том, что после переписи никаких изменений в татарских школах и мечетях не будет»¹²³. Из этой оговорки следует, что татары боялись закрытия своих мечетей и магометанских школ в результате проведения переписи.

Возмущение предстоящей переписью среди татар Казанской губернии было столь сильным, что переросло в общее противостояние: «В некоторых местностях... татары, оказывая полное неуважение местным властям, не только не допускают производства переписи, но отказываются исполнять требования начальства и по другим предметам, не выпуская из деревень своих мулл и должностных лиц сельского управления». Поэтому казанский губернатор вынужден был запросить у командующего войсками Казанского военного округа воинские команды. Две роты были отправлены в Мамадышский уезд и три роты — в Казанский¹²⁴.

Волнения из этих уездов быстро перекинулись и на остальные. В донесении об итогах переписи 28 марта 1897 г. казанский губернатор писал министру внутренних дел: «Волнением было охвачено почти все свыше 600-тысячное татарское население десяти уездов Казанской губернии, хотя в Свияжском и Чебоксарском уездах движение это выразилось лишь в отказе принятия брошюр о переписи и временном недопущении счетчиков»¹²⁵.

В этом донесении ярко характеризовались случаи народной агитации, проводившейся в деревнях против проведения переписи: «В татарских деревнях днем и ночью собирались самовольные сходы, на которых обсуждались волнующие население вопросы и принимались решения быть твердыми к недопущению у себя переписи, в обществах стали пользоваться влиянием лица весьма неблагонадежные, большей частью отбывшие уже наказание в тюрьмах и арестантских ротах, или же не имеющие прочной оседлости отставные солдаты, не стеснявшиеся открыто заявлять о том, что войско для них не страшно, так как стрелять в народ нельзя, как нельзя и наказывать татар розгами, и даже о том, что в случае надобности к ним (татарам. — А. С.) на помощь придут войска из Турции»¹²⁶.

¹²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 154.

¹²⁴ Там же. Л. 154—155.

¹²⁵ Там же. Л. 346.

¹²⁶ Там же. Л. 346 об.

Губернатор сообщал, что из Казани были высланы на подводах военные команды: 9 января — три роты в город Арск Казанского уезда, 10 января — две роты в Лагилевский и Мамадышский уезды, 13 января — две роты в город Чистополь¹²⁷. Ясно, что в Казанской губернии волнения в связи с проведением переписи охватили не только жителей деревень, но и горожан. Было арестовано «до 600 подстрекателей, из коих наказано по основательном возбуждении степени виновности каждого из них 68 человек, в отношении же остальных предложено было местным властям привлечь виновных к ответственности в общем порядке»¹²⁸.

Казанские татары пытались подстрекать против проведения переписи и мусульман соседней Симбирской губернии. Начальник Симбирского губернского жандармского управления 16 января 1897 г. доносил в Департамент полиции: «Еще в конце декабря месяца стали распространяться слухи, что татары не будут допускать счетчиков для переписи, действительно в Симбирском уезде в начале января появились татары-посланцы из Казанской губернии с целью убедить татарское население того уезда не допускать счетчиков, но вскоре были открыты приставом 1-го стана и высланы обратно в пределы Казанской губернии».

Однако отрицательное отношение татар Симбирской губернии к переписи имело место; правда, его удалось переломить. В этом же донесении начальник жандармского управления сообщал: «...В некоторых деревнях, населенных татарами, таковые оказали противодействие счетчикам... туда немедленно отправилась становой пристав и земский начальник, и когда им была внушена цель переписи, то они успокоились и допустили счетчикам продолжать перепись. Пока все спокойно. О чем имею довести до сведения Департамента полиции»¹²⁹.

Наряду с Симбирской губернией волнения имели место и в Самарской. Здесь пришлось задействовать войска — четыре роты в Бугульминском и одну — в Самарском уездах. Председатель Саратовской судебной палаты сообщал министру юстиции,

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 341.

¹²⁸ Там же. Л. 349.

¹²⁹ Там же. Л. 232.

что причинами брожений среди татар Бугульминского уезда стали опасения о переводе их в результате переписи в православную веру¹³⁰. Начальник Самарского губернского жандармского управления 17 января 1897 г. доносил в Департамент полиции: губернатор совершил специальную поездку в татарскую деревню Карлигач, где были волнения, рассказал о значении предпринимаемой переписи, потребовал выдачи зачинщиков и подстрекателей. Татары встретили губернатора хлебом и солью, стоя на коленях. Они выдали 11 человек, «благодарили губернатора за разъяснение пугавшего их вопроса о переписи и объяснили, что теперь они препятствовать исполнению переписи не станут, но раньше препятствовали и волновались по примеру соседней деревни Кувакдаш, а также и потому, что никто будто бы им толком значение переписи не объяснил»¹³¹. Старшины и старосты из соседних деревень в этот же день доложили губернатору «о прекращении волнения в своих деревнях» и также представили зачинщиков. Всего было выдано 33 человека, девятих приговорили к наказанию — по 100 ударов розгами¹³².

Информация губернаторов уральских губерний и начальников губернских жандармских управлений в Департамент полиции о ходе переписи, отчеты уездных и губернских переписных комиссий свидетельствуют, что различные слухи и толки, тревожные настроения в связи с проведением переписи имели место и на Урале. Свидетельства об ожидании малоземельными крестьянами прирезки земли, торговцами и ремесленниками — введения новых налогов имеются в отчетах Яранской уездной переписной комиссии Вятской губернии, Бирской и Стерлитамакской комиссий в Уфимской губернии. Председатель Бирской уездной комиссии сообщал в Уфимскую губернскую: «Некоторые, ожидая нарезки земли, прибавляли мнимых членов семьи, и наоборот, другие, опасаясь подушных налогов, убавляли мужской состав семьи, не записывая мальчиков»¹³³.

---

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 111.

¹³¹ Там же. Л. 233 об.

¹³² Там же.

¹³³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 212; Д. 245. Л. 11 об., 433.

Среди раскольников отмечались апокалиптические настроения. В отчете Осинской уездной переписной комиссии Пермской губернии сообщалось, что некоторые из сектантов «раздавали имущество, предвидя кончину мира, ходили босыми ногами по снегу»¹³⁴. В Вятской губернии Яранская уездная переписная комиссия отмечала: «...перепись в понятиях простонародья имеет мистический оттенок, доходивший до нелепостей...»¹³⁵, правда, конкретных данных об этом не приводилось. В Ювинской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии татары деревни Усть-Баяки заявили земскому начальнику, что не позволят провести перепись, так как «не хотят быть крепостными господина министра финансов, которому государь-император подарил четыре губернии со всем их населением, в том числе Пермскую, и с этой целью изволил привести в известность число будущих крепостных господина министра финансов»¹³⁶.

Особенно много слухов проведение переписи породило среди татар и башкир Уфимской губернии. Причиной многих из них стал неверный перевод отдельных слов из брошюры «Первая всеобщая перепись». Призванная растолковать народу необходимость проведения переписи, эта брошюра, напротив, привела в смущение многие тысячи мусульман. Прокурор Уфимского окружного суда 25 января 1897 г. представлял прокурору Казанской судебной палаты: «...на второй странице переписного листа формы “А” слово глухонемой переведено “чукрак”, оно в Уфимской губернии не употребляется. Слово “глухонемой” обычно переводится как “сизсангроу”. Слово же “чукрак” сходно со словом “чукниак”, означающее “крещеный”». Это «...крайне смущало башкир и татар, и в нем они усматривали намек на будущее крещение магометан».

Указание брошюры, что сведения о точном количестве населения имеют большое значение при устройстве школ, истолковывалось мусульманами в том смысле, что «правительство имеет намерения открыть в магометанских селениях школы и путем

---

¹³⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 212. Л. 392 об.

¹³⁵ Там же. Д. 172. Л. 212.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148. ч. 1. Л. 247—247 об.

воспитания детей в направлении, соответствующем правилам православной веры, подготовить их к крещению».

Подобные настроения подогревались тем, что в 1888 г. правительство потребовало от мулл непрямого знания русского языка, а в 1892 г. запретило употребление в мусульманских школах книг, напечатанных вне России и не пропущенных цензурой. «Такое изъятие из магометанских школ книг, которым магометане придают столь важное в смысле укрепления юношества в магометанской вере значение, в связи с требованием от мулл непрямого знания русского языка» оказало, по мнению прокурора Уфимского окружного суда, очень негативное воздействие на мусульман, расценивших их как шаги к обрусению и крещению в православие.

Указание в брошюре на предстоящее будто бы открытие в магометанских селениях школ служило, по мнению магометан, прямым доказательством намерения правительства в недалеком будущем окрестить всех их в православную веру¹³⁷.

Судя по донесению начальника Вятского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 22 января 1897 г., волнения прошли и среди мусульман Вятской губернии: «Причинами волнения магометанского населения были слухи, пришедшие из смежных уездов Казанского и Мамадышского Казанской губернии о том, что правительство будто бы намерено приписать магометан к русским и затем, последовательно закрывая в селениях мечети, учреждая вместо татарских училищ русские школы и крестя обучающуюся молодежь, в конце концов достигнуть полного уничтожения татарской народности, ассимилируя их с православными»¹³⁸. Ясно, что слухи, родившиеся среди казанских татар, наиболее активных противников переписи, распространились на татар не только Симбирской губернии, но и Вятской.

Начальник Вятского губернского жандармского управления раскрывает обстоятельства появления подобных опасений в среде мусульман. Во-первых, «на перекрестках дорог поставлены столбы с дощечками с надписью селения и нарисована рука с указа-

---

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 317.

¹³⁸ Там же.

тельным пальцем, последнее обстоятельство, изображая собой благословение, как бы указывало священникам, куда они должны идти крестить магометан и что на это им дается благословение; во-вторых... на короне государственного герба, находящегося на значках счетчиков и на переписных бланках, имеется крест, и в-третьих, самым важным указанием на грядущую опасность» явилось то, «что даже в брошюре, изданной по поводу переписи, прямо сказано, что правительство будет учреждать вместо магометанских училищ русские школы».

Действительно, в брошюре «Первая всеобщая перепись» русское слово «школа» не было переведено на татарский словом «медресе», что означало училище, где преподают муллы. Слово «школа» было оставлено без изменений, лишь русские буквы заменялись однозвучными татарскими. Мусульмане школой называли училище, где преподают православное духовенство и русские учителя¹³⁹.

По этим причинам на Урале выступления отмечались в Вятской губернии в Малмыжском уезде, в Пермской губернии в ряде волостей Красноуфимского уезда, где проживали мусульмане, в Уфимской губернии в пяти из шести уездов: Златоустовском, Уфимском, Бирском и особенно в Белебеевском и Мензелинском.

В представлении прокурора Уфимского окружного суда прокурору Казанской судебной палаты приводится обобщенное описание протеста мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии: «Как только в деревню приезжали счетчики с намерением приступить к производству переписи, все мужское население выбегало на улицу и собиралось в толпу; к ней очень часто присоединялись и жители соседних деревень, так что собравшаяся толпа состояла иногда из тысячи и более человек. Эта толпа всегда встречала счетчика очень враждебно, объявляя ему, что не допустит переписи, и советовала ему немедленно уезжать, грозя в противном случае насилием и даже лишением жизни. При более настойчивом требовании допустить производство переписи толпа набрасывалась на счетчика и сопровождавших его должностных лиц крестьянского управления, наносила им побои и изгоняла из деревни. Почти все магометанские селения Мензелинского уезда

¹³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 305 об. — 306.

отказались допустить производство переписи и старались всеми средствами противодействовать ее производству»¹⁴⁰.

Отчет Малмыжской уездной переписной комиссии, адресованный Вятской губернской комиссии, содержал показания избитого татарами деревни Ново-Мерзянки счетчика: «...Кричали: “Не дадишь переписывать! Ты хочешь всех крестить, лохматый голова! Приходи хоть с урядником, хоть со становым, хоть сам земский начальник приезжай, не пустим, убьем!”»¹⁴¹

В донесениях местных властей подчас можно найти весьма колоритные описания противодействия местного населения переписной кампании. Таков, например, случай с земским начальником Тараборским, приехавшим разобраться в ситуации в деревне Ахметьевой Мензелинского уезда, где накануне выгнали и избили счетчиков. Начальник Уфимского губернского жандармского управления сообщал в центр, что разговор с возбужденной толпой татар у земского начальника не получился и ему самому пришлось спастись бегством: «[Он] вбежал в комнату и, видя, что она настолько мала, что в ней ему нельзя будет обороняться, если только туда ворвутся хотя бы несколько человек, бросился к окну... Лишь только он высунул голову, как несколько татар подбежало к окну, и Ситдик Зарифов ударил его жердью по голове. Хотя на голове Тараборского была меховая шапка, но удар был настолько силен, что Тараборский потерял на мгновение сознание, в это время несколько человек схватили его за руки и за плечи и потащили через окно, но ему удалось вырваться. Перед окном собралась целая толпа с жердями и палками, и как только Тараборский хотел высунуть голову, чтобы начать говорить с толпой, стоявшие подле стены ударяли жердями, но не попадали по голове, так как Тараборский быстро скрывался в комнату. При этом толпа кричала, ругала и грозила его убить и утопить, если он только пойдет в какую-либо деревню производить перепись»¹⁴².

Начальник Пермского губернского жандармского управления сообщал, что к жителям этой деревни «примкнули татары дерев-

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 317 об.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 259.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 321—321 об.

ни Каянкова и, несмотря на долгие увещевания земского начальника, счетчиков не пускали. Муллы вели себя крайне двусмысленно. Но угроза земского начальника, обращенная непосредственно к ним, имела своим последствием то, что на следующий день волнение стихло и все татары были внесены в переписные листы»¹⁴³.

В Красноуфимском уезде из Агафоновской волости волнение передалось в соседнюю Молебскую волость. В деревне Бырма на старосту Сергеевых и счетчика Холиных напала толпа татар более чем в сорок человек. Нападение не имело для них роковых последствий только благодаря тому, что Сергеевых вынул из кармана револьвер и угрожал застрелить того, кто подступит близко.

В других волостях возбуждение выражалось ропотом и недружелюбным отношением к счетчикам, что, однако, не помешало последним заполнить переписные листы¹⁴⁴.

Подобная реакция мусульман края застала врасплох представителей власти. Так, в уже упоминавшемся представлении прокурора Уфимского окружного суда находим: «Волнения (в Мензелинском уезде. — А. С.) проявились столь внезапно, что зав. переписными участками земские начальники сначала даже не поверили доходившим до них слухам о том, что магометане откажутся допустить производство переписи, и в конце декабря послали счетчиков во все магометанские селения, но счетчики почти повсюду не были допущены к начатию переписи»¹⁴⁵.

Даже после этого местная власть недооценивала или, может быть, пыталась скрыть действительные масштабы протеста. В фонде Департамента полиции есть донесение уфимского губернатора М. Б. Богдановича министру внутренних дел от 2 января 1897 г., в котором говорилось о «нескольких единичных случаях недоразумений по поводу предстоящей переписи». Сообщалось о предпринятых мерах: специальных указаниях Оренбургского муфтия муллам, указаниях и распоряжениях губернской власти, разъяснительной работе земских чиновников и др.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 247 об.

¹⁴⁴ Там же. Л. 248.

¹⁴⁵ Там же. Л. 316.

Заканчивался документ словами: «...успех принятых мер дает мне ручательство, что и впредь удастся без особого труда избежать сих нежелательных явлений»¹⁴⁶. А следующим документом в деле идет посланная М. Б. Богдановичем через два дня (4 января 1897 г.) зашифрованная телеграмма: «В пределах Мензелинского уезда возникли по поводу переписи среди магометан беспорядки, требующие, по заключению местных властей, приглашения военных команд»¹⁴⁷.

Позднее, на заседании Главной переписной комиссии 28 января 1897 г., было оглашено представление уфимского губернатора М. Б. Богдановича с просьбой о выделении дополнительной суммы Мензелинской уездной комиссии на покрытие непредвиденных расходов: на отправку телеграмм в связи с волнениями было выделено 50 руб.¹⁴⁸

В секретном донесении, отправленном 23 января 1897 г. уфимским губернатором министру внутренних дел, сообщалось: «...Волнение в западных волостях Белебеевского уезда вполне улеглось, и к переписи удалось повсеместно вновь приступить с прибытием уже первой (Златоустовской) роты, вторую же (Борисовскую) вследствие сего оказалось возможным немедленно по прибытии передвинуть в Мензелинский уезд в распоряжение г. вице-губернатора... К оружию нигде прибегать не пришлось... сопротивление прекращалось зачастую еще до появления команд»¹⁴⁹.

Губернатор сообщал, что в ходе следствия установлено «пока два выдающихся случая насилия. В селах Ахметьево, где толпа побила земского начальника Тараборского, и Мелитамак, где насилию подвергся становой пристав. В остальных местах сопротивление выражалось главным образом или в простом отказе давать ответы счетчикам, или в том, что последние были прогоняемы, иногда и с насилием над ними, и уничтожением переписных листов».

---

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 127—128.

¹⁴⁷ Там же. Л. 129.

¹⁴⁸ Журналы Главной переписной комиссии... С. 274.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 251.

В донесении уфимского губернатора содержится развернутая характеристика условий, способствовавших волнениям татар и башкир: «Имеющиеся пока данные доказывают, что причины всех волнений главным образом коренятся в исторически сложившемся недоверии магометан ко всякой новизне, в которой они всегда склонны видеть опасность для своей веры, в невежестве и легковёрности магометанских сельских масс, готовых поверить всякому самому вздорному слуху, раз он связывается, хотя бы совершенно неверно, с вопросом о их религии.

Каких-либо происков извне, каких-либо особых агитаторов пока не обнаружено, и таковых, вероятно, совсем не было; было много самых вздорных фантастических рассказов, много неуместных или неосторожных шуток со стороны христиан, даже со стороны самих счетчиков, и всякий такой случай при недоверчивом и возбужденном настроении магометан был достаточен, чтобы вызвать в данной местности волнение.

Несомненно, что в иных случаях возникновению беспорядков способствовала и недостаточная энергия или тактичность некоторых земских начальников. Там же, где последние своевременно и умело ознакомили население с предстоящей переписью, всяких волнений удалось избежать.

Губернатор ставил в пример земского начальника 8-го участка Мензелинского уезда Хирьякова. Если в соседних 6, 7 и 9-м участках того же уезда «волнения были особенно сильны», то на участке Хирьякова благодаря его «энергии и тактичности перепись не вызвала ни одного недоразумения, все население, его знающее и любящее, слушалось как один человек, и команде не пришлось вступать в границы его участков...»¹⁵⁰.

Из донесения губернатора следует, что высшее мусульманское духовенство — ахуны с оренбургским муфтием во главе — рассматривали перепись как важнейшее государственное мероприятие и старались помочь ее проведению. Они прилагали все усилия к устранению возникавших недоразумений, взвизгивали волновавшихся единоверцев, и им удавалось прекратить эти волнения. Низшие же представители духовенства — муллы, хатыпы и имамы — относились к беспорядкам неодинаково, некоторые,

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 254—254 об.

наиболее невежественные, сами принимали в них деятельное участие¹⁵¹.

«Земский начальник 10-го участка Белебеевского уезда Моллесон, осажденный в Куручевской волости толпой буйствовавших башкир в несколько сот человек, мог спастись от насилия и спокойно уехать за полицией и командой лишь благодаря помощи, оказанной ему двумя местными муллами, успокоившими толпу и уговорившими ее дать дорогу земскому начальнику», — сообщал губернатор. По его словам, «деятельность магометанского духовенства в минувших беспорядках проявилась в успокоении и вразумлении населения, увлечения же противоположного рода... были лишь единичными, исключительными явлениями...»¹⁵².

Из отчета Бирской уездной комиссии следует, что муллы привлекались там счетчиками мусульманского населения, и это способствовало успешному проведению переписи. Например, на одном из переписных участков (шестом) муллы трех мечетей «много способствовали прекращению начинавшегося брожения в районе»¹⁵³.

В первой половине января 1897 г. беспорядки по поводу подготовительных работ к переписи происходили в Малмыжском уезде Вятской губернии — в селениях волостей Нолинской, Янгуюловской, Арбаревской, Сардыкбашской, Кошкинской и Вятско-Полянской. Об этом сообщил в Департамент полиции начальник Вятского губернского жандармского управления 22 января 1897 г. Беспорядки выражались в «шумных сходках, парализовавших действия земских начальников и полиции»¹⁵⁴.

Определенную роль в успокоении вятских татар сыграл сам губернатор: 11 января он прибыл в город Малмыж, объехал места, охваченные волнением, опровергал ходившие в народе нелепые слухи. Но в деревне Уры татары на сходе заявили, «что желают жить по-старому и переписи не допустят». Полиция вытащила зачинщиков из толпы, «им дали по 20 ударов розог, и пере-

---

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 254 об.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245. Л. 6.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 254 об.

пись состоялась в тот же день»¹⁵⁵. Начальник Вятского губернского жандармского управления считал, что на этом «татарские волнения в настоящее время можно считать законченными»¹⁵⁶.

В Уфимской губернии судебными властями на 23 января было арестовано около 100 человек. Губернатор отмечал, что часть арестованных можно было бы и освободить, «но в видах обеспечения успеха переписи по соглашению с прокурором Уфимского окружного суда решено было продержать всех обвиняемых под стражей до конца переписи»¹⁵⁷. Как ясно из донесения губернатора министру внутренних дел от 18 сентября 1897 г., Уфимский окружной суд приговорил к заключению «по делам о сопротивлении при производстве переписи» 28 человек на срок от двух месяцев до года и четырех месяцев. Остальных обвиняемых оправдали¹⁵⁸.

В Стерлитамакском уезде Уфимской губернии перепись прошла спокойно, иногда мужики говорили: «Народу много стало, и счет потеряли, вот и считают»¹⁵⁹. В отчете переписной комиссии этого уезда отмечалось: «Башкиры, несмотря на то, что не имеют школ мектебе и медресе, относились к переписи с большим доверием, чем татары... имеющие их. Были случаи, когда без всякого распоряжения в день переписи, 28 января, жители сами делали заставу и не выпускали никого из деревни до тех пор, пока счетчик не окончит переписи»¹⁶⁰.

В Уржумском уезде Вятской губернии, судя по отчету уездной комиссии, «татарское население к переписи относилось вообще недоверчиво, но и тут перепись была произведена тихо и спокойно», несмотря на то, что в пограничной Казанской губернии среди татар происходили волнения. Удачное производство переписи татарского населения в Уржумском уезде было отнесено на счет «тактичности и распорядительности заведующих (переписными участками. — А. С.) и к дружному солидарному содействию им в этом духовных лиц магометанского вероиспове-

---

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 53. Д. 148, ч. 1. Л. 306 об. — 307 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 308.

¹⁵⁷ Там же. Л. 255 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 389 — 389 об.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245. Л. 433.

¹⁶⁰ Там же.

дания, чинов полиции и должностных лиц волостного и сельского управления»¹⁶¹.

В отчете Уфимской губернской переписной комиссии констатировалось: «Во всех местностях с русским населением, не исключая и раскольников, а также в огромном большинстве местностей с инородческим населением перепись совершалась беспрепятственно, большей частью относительно равнодушно. Только в немногих местностях Уфимского, Златоустовского, Бирского уездов, больше в Белебеевском и почти повсеместно в Мензелинском уезде магометанское население по невежеству и религиозному фанатизму отнеслось к переписи недоверчиво или же прямо враждебно вследствие убеждения, что после переписи будет предпринято насильственное обращение магометан в христианство»¹⁶².

Таким образом, недостаточная подготовительная работа по проведению переписи в России в 1897 г., отсутствие своевременных четких разъяснений, особенно в среде мусульман, осложнили ее проведение, вызвали много смятений, волнений среди некоторых слоев населения. Проведение переписи полностью опровергло мнение вице-председателя Главной переписной комиссии П. П. Семенова, высказанное им на первом заседании комиссии в 1895 г. П. П. Семенов считал, что перепись в селах России, несмотря на новизну дела, может пройти даже с большим успехом, чем во многих других государствах, так как «наше сельское население дисциплинированнее и более привыкло подчиняться требованиям власти, чем население многих других государств»¹⁶³.

Помимо отрицательного настроения населения к проведению переписи, счетчикам порою приходилось преодолевать немалые трудности, чтобы получить правильные сведения в некоторых селениях удмуртов, татар, чувашей, башкир из-за их малоразвитости и незнания русского языка. На это указывалось в отчете Малмыжской уездной комиссии Вятской губернии¹⁶⁴. Уржумская уездная комиссия той же губернии отмечала, что «при переписи

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 364.

¹⁶² Там же. Д. 244. Л. 8 об. — 9.

¹⁶³ Журналы Главной переписной комиссии... С. 8.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 247 об. — 248.

инородческих семей вотяков и черемисов случалось, что глава хозяйства не мог назвать имени своей жены и ходил об этом справляться у соседей»¹⁶⁵. Заведующий одним из участков Бирского уезда Уфимской губернии заявлял, что «...не видел ни одного башкира или черемиса, который бы точно знал свои лета, тем более возраст семьи»¹⁶⁶.

Предполагалось, что счетчики будут заполнять переписные листы только формы А, предназначенные для крестьянских хозяйств, а формы Б и В (для владельческих хозяйств и городского населения) будут заполнять домохозяева. На деле же заполнение этих листов, особенно формы Б, легло на плечи самих счетчиков «по неграмотности и малограмотности хозяев». Это отмечалось в отчетах всех комиссий, причем не только на Урале, но и в Центральной России¹⁶⁷.

Счетчикам пришлось мучиться с заполнением листов и из-за плохих чернил, неудачных чернильниц. Уфимская губернская переписная комиссия сообщала в отчете: 12 ноября 1896 г. было получено 840 чернильниц для счетчиков, но 190 из них совершенно не закрывались из-за слабости пружины, соединенной с крышкой. Остальные 550, хотя и закрывались, но не удерживали чернил из-за слабости уплотнителя¹⁶⁸.

Пермская уездная переписная комиссия жаловалась не только на плохое качество чернильниц, но и на непригодность портфелей. Они были малы размером, переписные листы в них не входили¹⁶⁹. А в корреспонденции газеты «Биржевые ведомости» добавлялось, что класть в портфели листы было опасно: они выкрашены черной клеевой краской, которая от снега растворялась и пачкала документы. Из чернильниц чернила выливались¹⁷⁰.

К тому же следует добавить и короткий световой день, заполнение документов зачастую в свете лучины, в угарной избе, где содержался и скот, на грязных тесных столах. Бирская комиссия

---

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 362 об.

¹⁶⁶ Там же. Д. 245. Л. 12 об.

¹⁶⁷ Там же. Д. 244. Л. 10; Д. 172. Л. 213; Д. 212. Л. 165, 246; Плющевский-Плющик Я. А. Указ. соч. С. 164.

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 244. Л. 97—97 об.

¹⁶⁹ Там же. Д. 212. Л. 15.

¹⁷⁰ Биржевые ведомости. 1897. 16 февр.

отмечала, что в мусульманских селах счетчикам порой приходилось заполнять листы и на полу, так как в избах не было ни столов, ни стульев¹⁷¹.

Работа по заполнению переписных листов на всей территории страны завершалась к 28 января. В этот день счетчики совершали так называемый «второй обход» своих участков, в ходе которого проводилась корректировка переписных листов: учитывались сведения о только что родившихся, умерших и т. д.

В некоторых отчетах имеются сведения о том, как «приводилось население к наличному состоянию». В Уфимской губернии почти везде сверка листов проходила на сходах¹⁷². В Камышловском уезде Пермской губернии село делилось на группы, от 10 до 50 дворов. Представители от каждой группы собирались в избе, куда приходил счетчик в сопровождении сельского старосты¹⁷³. Кое-где сходы признавались лучшей формой не только для проверки материалов переписи, но и для первичного составления переписных листов. Так, Елабужская уездная переписная комиссия предлагала: «В будущем желательно, чтобы перепись производилась на сельских сходах», чтобы «все добытые сведения могли... считаться верными»¹⁷⁴.

После окончательного составления переписных листов, проведенного 28 января, каждая уездная переписная комиссия, согласно Положению о переписи, проводила проверку собранного материала. Не во всех отчетах отмечалась форма проверки. Ясно, что Красноуфимская уездная комиссия проверяла переписной материал выборочно, при этом обнаружила существенные ошибки в заполнении переписных листов, а также в подсчетах населения, для исправления приглашала заведующих переписными участками¹⁷⁵. Вятская уездная комиссия весь собранный материал проверяла полностью, 14 дней с утра до вечера выправлялись все ошибки¹⁷⁶.

---

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 245. Л. 15.

¹⁷² Там же. Д. 244. Л. 10.

¹⁷³ Там же. Д. 212. Л. 165.

¹⁷⁴ Там же. Д. 172. Л. 131.

¹⁷⁵ Там же. Д. 212. Л. 246 об.

¹⁷⁶ Там же. Д. 172. Л. 62.

Хотя материалы переписи из уездов полагалось отправлять в губернскую переписную комиссию, а оттуда в Петербург, в Центральный статистический комитет, большая часть уездных комиссий Пермской губернии — Нижнетагильская городская, Екатеринбургская, Верхотурская, Ирбитская, Камышловская, Соликамская, Чердынская, Шадринская отправили переписной материал сразу в столицу «во избежание порчи листов»¹⁷⁷.

Вятская уездная переписная комиссия констатировала: «По отзыву всех счетчиков, обязанности их были не легки, так что многие счетчики по окончании переписи высказывались, что если бы они знали хорошо тот труд, который им пришлось выполнить во время и после переписи, то едва ли бы приняли на себя эти обязанности»¹⁷⁸.

В отчете Бирской уездной переписной комиссии Уфимской губернии приводится яркий отзыв учителя-счетчика, который писал инспектору народных училищ: «...не чаял я совсем такой трудности переписи, и теперь все настолько беспокоит меня, что почти постоянно и во сне вижу одно и то же: то пишу, то складаваю листы и т. п. Постоянная тревога и труд повлиял вредно на мое здоровье, похудел я и потерял силы до неузнаваемости»¹⁷⁹.

Местные власти схитрили и сэкономили на оплате счетчиков. Газета «Биржевые ведомости» сообщала: «Счетчикам объявили, что награда будет — 3 рубля или бронзовая медаль, только после производства переписи узнали, что заведующие схитрили, а 12 руб. — это месячное жалованье». Многие счетчики решили, видимо, работать бесплатно за медаль, чем за 3 руб.¹⁸⁰ Не отказавшиеся же от оплаты за перевыполнение норм получили двойную оплату. Так, в Вятском уезде наибольшее вознаграждение получил счетчик А. Малых — 24 руб., ясно, что он выполнил двойную норму¹⁸¹.

Пермская губернская комиссия в списки к представлению медали включила 925 счетчиков, трудившихся бесплатно, и 551 че-

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 58 об.

¹⁷⁸ Там же. Д. 172. Л. 61.

¹⁷⁹ Там же. Д. 245. Л. 14.

¹⁸⁰ Биржевые ведомости. 1897. 16 февр.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 60.

ловека «трудами или содействием способствовавших успеху переписи» (руководителей и исполнителей)¹⁸².

Большие проблемы возникли на местах с составлением вторых экземпляров переписных листов, подлежащих хранению на местах. В Вятском уезде и городе эти вторые экземпляры готовили сами счетчики. В Глазовском уезде на некоторых участках пришлось приглашать платных переписчиков. Переписной материал (вторые экземпляры) закончил поступать лишь в октябре (от Верхотурской — 24 октября)¹⁸³.

Вятская уездная переписная комиссия констатировала в своем отчете: «В целом перепись прошла без упущений или неправильных действий счетчиков, произведена она неспешно, людьми вполне осведомленными, под умелым и внимательным руководством заведующих»¹⁸⁴. Ей вторила Верхотурская уездная комиссия Пермской губернии: «В общем перепись была произведена, несмотря на несколько затруднения, сравнительно успешно, без всяких более-менее ярких недоразумений, встречающихся в каждом новом деле благодаря доверчивости и обычному спокойствию местного крестьянского населения»¹⁸⁵.

Местные переписные комиссии подлежали закрытию после отсылки переписного материала и отчетов. Известно, что Екатеринбургская уездная комиссия закрылась 28 июля 1897 г., Верхотурская отправила вторые экземпляры переписи в центр только 24 октября (т. е. и закрылась не ранее этого времени), Нижнетагильская городская закрылась 4 ноября. Пермская же губернская переписная комиссия свернула работу только 23 ноября 1897 г.¹⁸⁶ То есть работа местных переписных комиссий растянулась на гораздо большие сроки, чем предполагалось законом: за полгода, к концу июля, они не смогли завершить работу.

¹⁸² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 211. Л. 59—62.

¹⁸³ Там же. Д. 172. Л. 61, 173 об.; Д. 211. Л. 7.

¹⁸⁴ Там же. Д. 172. Л. 62 об. — 63.

¹⁸⁵ Там же. Д. 211. Л. 111.

¹⁸⁶ Там же. Л. 6 об. — 7.

Выводы

Если в других странах Европы к концу XIX в. всеобщие переписи населения проводились уже периодически, то в России вопрос о проведении Первой всеобщей переписи был выдвинут на повестку дня в результате буржуазных реформ в связи с введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности — государство нуждалось в точных данных о народонаселении, подлежащем ежегодному призыву, и его семейном положении. Более 20 лет ушло на разработку проекта ее проведения. Только в 1895 г. он получил силу закона.

Подготовкой и организацией переписи занималась специально созданная в Петербурге Главная переписная комиссия во главе с министром внутренних дел, состоящая из высших чиновников. На местах действовали губернские (областные), уездные (окружные) переписные комиссии, особые — в нескольких городах, городские — в наиболее крупных городских центрах, крупных посадах и фабрично-заводских поселениях. В уездах и городах создавались переписные участки во главе с земскими начальниками, мировыми посредниками, чиновниками. Уже первая перепись проводилась по широкой программе, включавшей 14 граф с вопросами, некоторые из них были сформулированы нечетко.

Основная тяжесть проведения переписи легла на счетчиков, их было привлечено около 150 тыс. Переписные участки были слишком велики, сроки переписи короткими, в некоторых уездах возникли трудности и с подбором счетчиков. В сельской местности им приходилось преодолевать большие расстояния.

Низкий культурный уровень населения, слабая разъяснительная работа центральных и местных властей породили в ходе переписи в народной среде многочисленные слухи, толки в основном негативного характера. Мусульмане опасались насильственного обращения в православную веру, обучения детей в русских школах; многие старообрядцы воспринимали переписную кампанию как очередную попытку власти притеснить их веру, у некоторых возникали апокалиптические настроения. В ряде уездов с мусульманским населением (Мензелинском, Белебеевском) дело дошло до открытого противодействия переписи, и властям пришлось применить войска.

Сверка листов с наличным населением 28 января во многих уездах проводилась на сходах населения. В Камышловском уезде Пермской губернии образовывали группы от 10 до 50 дворов в каждой. Затем уездные переписные комиссии проводили проверку собранного материала, некоторые выборочно, другие полностью. Часть городских и уездных комиссий Пермской губернии отправили материалы переписи сразу же в столицу, минуя губернскую переписную комиссию.

Хотя предполагалось завершить всю работу на местах к концу июля 1897 г., на деле возникли большие проблемы с копированием вторых экземпляров переписных листов из-за нехватки средств, рабочих рук. Только в октябре-ноябре 1897 г. работа некоторых местных переписных комиссий была свернута.

Дальнейшая разработка и публикация материалов переписи проводились Центральным статистическим комитетом в Санкт-Петербурге на протяжении восьми лет. Впервые в России для обработки были использованы 70 машин Голлерита, закупленные в США. Какое-либо использование первичного материала переписи, хранившегося на местах, запрещалось. Весь первичный материал, как в центре, так и на местах, впоследствии был уничтожен.

Глава 2

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ 1897 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

2.1. Разработка данных о грамотности населения и их информационный потенциал

Как уже отмечалось, разработка материалов переписи и публикация ее итогов Центральным статистическим комитетом началась в 1897 г. и завершилась в 1905 г. В трех кратких первых выпусках были опубликованы данные, оформленные в виде таблиц, характеризующие население Российской империи сначала по уездам, затем по городам, отдельно — по четырем крупнейшим городам: Санкт-Петербургу, Москве, Варшаве и Одессе¹. В двух выпусках публиковались окончательно установленные данные о наличном населении уездов и городов². Отдельный выпуск посвящался характеристике наличного населения по вероисповеданиям и сословиям³. В специальном выпуске публиковались данные, представляющие национальный состав населения

---

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 8 вып. Вып. 1 : Население империи по переписи 28-го янв. 1897 года по уездам. СПб., 1897; Вып. 2 : Население городов по переписи 28-го янв. 1897 года. СПб., 1897; Вып. 3 : Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го янв. 1897 г. СПб., 1898.

² Там же. Вып. 4 : Окончательно установленное при разработке переписи наличное население империи по уездам. 1905; Вып. 5 : Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905.

³ Там же. Вып. 6 : Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб., 1905.

(за основу при этом был взят родной язык)⁴. Последний, восьмой выпуск характеризовал население страны с точки зрения главных занятий⁵.

Помимо этих восьми выпусков с 1897 по 1906 г. вышло 14 томов, характеризующих население уездов, городов, в том числе городов и поселений в уездах, имеющих небольшое число жителей; распределение населения по видам главных занятий, в том числе в увязке с сословной принадлежностью, вероисповеданиями, родным языком. Специальные тома посвящались характеристике рабочих, старообрядцев и сектантов.

Наряду с этими 22 общими выпусками и томами с 1899 по 1905 г. было издано 89 отдельных томов с подробной разработкой данных по каждой губернии, некоторым крупным городам (Петербургу, Москве, Одессе, Варшаве) и острову Сахалин. В каждом из томов содержалось 25 однотипных таблиц, характеризующих население по тем или иным признакам. По уральским губерниям это тома 10, 21, 28, 45⁶.

На первой странице в томах погубернской разработки данных переписи приводилась таблица без указания номера, в которой давались сведения о площади каждого из уездов, численности наличного и постоянного населения, иностранных подданных, плотности населения по каждому из уездов. Разработчики переписи придавали столь большое значение показателям грамотности в характеристике населения, что в последней колонке привели уже вычисленные общие показатели грамотности населения в процентах — причем по каждому уезду, городу, затем по всем городам губернии, по губернии в целом.

---

⁴ Первая всеобщая перепись населения... Вып. 7 : Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905.

⁵ Там же. Вып. 8 : Процентное распределение наличного населения империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как составляющие главнейшие средства существования. СПб., 1905.

⁶ Там же : Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1904. Т. 10 : Вятская губерния; Т. 21 : Пермская губерния.; Т. 28 : Оренбургская губерния; Т. 45 : Уфимская губерния.

Таблица I более подробно характеризовала состав наличного и непостоянного населения каждой губернии на январь 1897 г. (названия этой таблицы по губерниям имели некоторые отличия). Таблица II называлась «Распределение населения по хозяйствам и состав таковых», таблица III-а — «Численность населения по десятилетним возрастным группам».

В таблице III-а выделялись дети младше 1 года, от года до 9 лет, 10–19, 20–29, ... 100–109, заканчивая группой «110 и более», отдельно указывалось число лиц неизвестного возраста, возраст иностранных подданных. В материалах переписи по Уфимской губернии это таблица III, в которой разбивка данных по населенным пунктам приводилась очень подробно, выделялись все поселения в уезде от 500 душ и более, в том числе заводские поселки, села, деревни. Таблица занимала 155 страниц⁷, поэтому материалы по Уфимской губернии были изданы в виде двух тетрадей, в первую вошли шесть таблиц.

Таблица III-б под названием «Распределение населения по полу, возрасту (по годам) и грамотности» специально посвящалась грамотности населения (по Уфимской губернии это таблица IV). Число грамотных и неграмотных мужчин, женщин связывалось с возрастом населения и территорией их пребывания. В первом столбце выделялись возрастные группы: дети моложе 1 года, 1, 2, 3-х лет и т. д. с шагом в один год до 109 лет включительно, последние группы — «110 лет и более», «неизвестного возраста». В следующих столбцах приводилась общая численность мужчин и женщин, в том числе грамотных, по губернии в целом, затем по всем городам губернии, по всем уездам (без городов), т. е. сельской местности, затем по каждому из уездов, каждому городу уезда, по каждому уезду (без городов). В томе по Уфимской губернии по каждой из территорий приводились данные как о наличном населении, так и временно пребывавшем здесь в момент проведения переписи.

Таким образом, данные таблицы III-б (IV по Уфимской губернии) позволяют изучать уровень грамотности населения отдельных возрастных групп, проживавших на конкретных терри-

---

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : Общий свод... Т. 45 : Уфимская губерния. С. 8—163.

ториях — городов, уездов, в сельской и городской местности каждой губернии. Следует отметить, что данные только этой таблицы позволяют детально рассмотреть вопрос о раннем обучении детей в возрасте до 10 лет. Они позволяют определить, какой процент детей начинал обучаться грамоте с 5, 6, 7, 8, 9 лет, выяснить соотношение мальчиков и девочек, обучавшихся грамоте в раннем возрасте, привязать эти данные к конкретной территории. Но поскольку в этой таблице разработчики материалов переписи не дали увязки данных о грамотности с сословной, национальной принадлежностью, эти данные не столь информативны, как аналогичные, имеющиеся в таблицах IX и XV. Последние дают возможность увязать раннее обучение грамоте детей с их сословной и национальной принадлежностью, правда, в отношении всей группы до 10 лет.

Таблицы IV–VII называются: «Дети моложе одного года по месяцам возраста», «Распределение населения по семейному состоянию и возрастным группам», «Распределение населения по сословным группам и месту рождения», «Распределение неместных уроженцев по месту рождения». Они не содержат каких-либо сведений, касающихся грамотности, но могут быть полезными для углубленной характеристики владеющего грамотой населения губерний, так как показывают, откуда прибыли те или иные группы населения в каждый город, уезд.

В таблице VIII «Распределение населения по сословиям» (по Уфимской губернии это таблица VI) содержались наиболее подробные данные о сословном составе населения. Выделялись: «дворяне потомственные и их семьи», «дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи», «лица духовного звания всех христианских вероисповеданий и их семьи», «потомственные и личные почетные граждане и их семьи», «купцы и их семьи», «мещане, крестьяне, войсковые казаки; «иностранцы», «финляндские уроженцы без различия сословий»); «лица, не принадлежавшие к этим сословиям», «лица, не указавшие сословия», выделялись и иностранные подданные. Данные о каждой из этих групп приводились по губернии в целом, по всем уездам губернии в целом (без городов), в целом по всем городам, затем по каждому уезду (без городов), городу уезда.

Хотя эта таблица не содержит каких-либо показателей грамотности населения, она может быть полезной при изучении уровня грамотности населения в увязке с сословной принадлежностью, поскольку ни в каких таблицах, составленных разработчиками переписи специально для изучения грамотности, нет такой сравнительно подробной разбивки населения по сословиям.

Особый интерес представляет таблица IX «Распределение населения по грамотности, образованию, сословным и возрастным группам» (рис. 1). Она гораздо более информативна по сравнению с таблицей III-б (IV), так как содержит большее число показателей, увязывает грамотность не только с полом и десятилетними возрастными группами, но и с сословиями, уровнем их образования. Цифровые данные в ней разбиты на 126 столбцов. В первом население группируется по десятилетним возрастным группам, сначала в масштабе всей губернии, затем всех уездов губернии без городов (т. е. сельской местности), затем всех городов губернии в целом. Далее по каждому городу и каждому уезду губернии (без городов) отдельно.

IX. Распределение населения по грамотности, обра

Уезды и города. Возрастные группы.	Сословные группы. Грамотность и степень образования.		Дворяне потомственные и личные, чиновники не из дворян и их семьи														Лица духовного зва				
			Въ томъ числѣ участвовавшихъ:														Неграмот- ные.		Грамотные.		
			Неграмотные.		Грамотные.		Вышшесредн. и высш. др. высш. уч. завед.		Въ спеціальн. высш. учебн. завед.		Въ спец. средн. учебн. заведен.		Въ средн. учебн. завед.		Въ высш. воен. уч. завед.						Въ средн. воен. уч. завед.
			м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19			
по ГУБЕРНИ.	1.543	2.133	6.638	7.168	701	46	411	2	451	63	1.771	3.029	12	233	1.113	1.924	4.253	5.003			
менше 10 лѣтъ	1.434	1.432	459	483	—	—	—	—	—	—	25	69	—	—	1.082	1.143	300	313			
10—19	30	41	1.426	1.614	1	—	2	—	38	2	606	1.009	—	—	1	5	27	1.093	1.333		
20—29	14	62	1.236	1.628	121	10	66	1	99	18	345	904	—	—	33	9	40	939	1.173		
30—39	14	96	1.418	1.369	291	26	135	1	141	23	273	647	3	—	74	5	84	717	745		
40—49	12	108	1.041	957	174	7	114	—	96	14	218	277	5	—	58	5	139	511	581		
50—59	8	141	649	592	75	1	64	—	45	5	151	82	3	—	49	3	184	357	435		
60 л. и болѣе	10	252	408	505	35	2	30	—	22	1	72	41	1	—	18	6	305	333	422		
Ненав. возраста	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	3	1		

Рис. 1. Заголовки столбцов таблицы IX материалов переписи

В следующих столбцах таблицы в отношении каждой возрастной группы приводятся сведения о числе неграмотных (мужчин и женщин) и грамотных (мужчин и женщин) по их сословной принадлежности: 1) «дворяне потомственные и личные, чиновники не из дворян и их семьи»; 2) «лица духовного звания всех христианских вероисповеданий и их семьи»; 3) «почетные граждане,

купцы, мещане и другие городские сословия»; 4) «лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностранные поселенцы)»; 5) «иностранцы»; 6) «не принадлежащие к вышеназванным сословиям». В отдельные группы были выделены «финляндские уроженцы» и иностранные подданные.

Поскольку в таблице IX группировка по социальным группам четко выделяет лишь одно сословие — духовное, а дворяне объединены с чиновниками; в группу «городских сословий» вошел целый ряд социальных категорий (почетные граждане, купцы, мещане, к последним отнесены и работники заводов); к «лицам сельского состояния» наряду с крестьянами причислены казаки и другие социальные группы, не представляется возможным вычислить точные показатели грамотности этих отдельных социальных групп.

Следует учитывать, что к духовенству в таблице IX отнесены лишь «лица духовного звания всех христианских вероисповеданий и их семьи». В ней не приводятся данные о других конфессиях, в частности о мусульманах. Поэтому мы не можем судить о грамотности мусульманского духовенства, составлявшего значительную часть духовенства Урала, и тем самым лишены возможности сопоставить удельный вес грамотных среди христиан и мусульман внутри духовного сословия (отсутствуют данные о духовных наставниках мусульман и в специальной таблице сословий).

Далее в таблице IX в отношении грамотных указывались сведения об их образовании, отдельно для мужчин и женщин. Они шли под рубрикой «В том числе учившиеся»:

- в университетах и других высших учебных заведениях;
- в специальных или технических высших учебных заведениях;
- в специальных средних учебных заведениях;
- в средних учебных заведениях;
- в высших военных учебных заведениях;
- в средних военных учебных заведениях.

Последние две группы сведений относились только к мужчинам.

Таблицы X–XIV не содержали сведений о грамотности. Таблица X характеризовала «Распределение населения по сословным группам и семейному состоянию», таблица XI — «Распределение

иностранных подданных по государствам», XII — «Распределение населения по вероисповеданиям», XIII — «Распределение населения по родному языку», XIV — «Распределение населения по верованиям и родному языку».

Особое значение для изучения грамотности населения имеет таблица XV под названием «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам» (рис. 2.). За основу группировки сведений в ней взяты не возрастные группы, как в таблицах III-б (IV), не сословная принадлежность, как в таблице IX, а «родные языки». Данные именно этой XV таблицы, единственные в своем роде, позволяют изучать грамотность отдельных народов, увязывать уровень грамотности с национальной принадлежностью.

XV. Распределение населения

Уезды и главнѣйшіе города. Группы языковъ.	Возрастныя группы. Грамотность.		Дѣти моложе 1 года.		1—9 лѣтъ.						
							Въ томъ числѣ:				
			Всѣхъ.		Всѣхъ.		Грамотныхъ по русски.		Грамотныхъ на др. язы.		Получив- шихъ обра- зованіе выше начальнаго.
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
ПО ГУБЕРНІИ	54.631	55.415	324.456	339.550	19.832	9.922	1.023	764	67	280	
I. Русскіе.	49.219	49.978	290.126	304.928	19.049	9.682	—	—	60	271	
въ томъ числѣ: { великорусскій	49.199	49.917	289.953	304.558	19.026	9.674	—	—	60	271	
{ малорусскій	55	52	338	334	23	8	—	—	—	—	
{ белорусскій	5	9	35	36	—	—	—	—	—	—	
II. Польскій	17	16	128	130	31	37	—	1	3	2	
III. Остальные славянскіе	1	—	10	4	1	—	1	—	—	—	

Рис. 2. Заголовки столбцов таблицы XV материалов переписи

Разработчики материалов переписи выделили общие для всех уральских губерний 13 групп языков: 1) «русские», с делением на «великорусский», «малорусский» (т. е. украинский) и белорусский языки; 2) польский язык; 3) группа «остальных славянских языков»; 4) «литовско-латышские языки»; 5) романские языки; 6) немецкий язык; 7) группа «остальных германских языков»; 8) группа «остальных индоевропейских языков»; 9) еврейский язык; 10) группа «картвельских» языков; 11) языки «кавказских

горцев»; 12) группа «финских» языков; 13) группа «турецко-татарских» языков.

В отдельных губерниях были выделены дополнительные языки. Так, в Уфимской губернии в группе литовско-латышских языков отдельной строкой представлен латышский. Различным было содержание группы «финских» языков.

В Оренбургской губернии внутри «финских» выделялся мордовский, в Вятской — вотяцкий (удмуртский), пермяцкий и черемисский (марийский); в Уфимской — эстонский, вотяцкий, мордовский и черемисский; в Пермской — вотяцкий, вогульский (манси), пермяцкий, зырянский и черемисский.

В группе «турецко-татарских» языков в Вятской губернии выделялись татарский, башкирский и тептярский языки; в Пермской — дополнительно к ним еще и мещеряцкий; в Оренбургской — наряду с четырьмя вышеназванными еще и чувашский, киргизский (казахский), в таблице по Уфимской губернии отсутствовал киргизский, но присутствовали туркменский и турецкий.

В Оренбургской губернии в особую группу были выделены «монголо-бурятские (калмыцкие)» языки, в Пермской — китайский язык и в обеих из них группа «остальных языков». В Вятской и Уфимской губерниях отдельной группой были представлены «наречия северных племен». Завершался перечень языков строкой: «Не указавшие языка».

По каждой из отдельных групп населения, различавшихся по родному языку, выделялись десятилетние возрастные группы (с подгруппой детей младше 1 года), а внутри них: общее число мужчин и женщин, в том числе грамотных по-русски, грамотных на других языках и получивших образование выше начального. Эта таблица содержит данные о грамотности народов по губернии в целом, по уездам губернии без городов, всем городам, а также по каждому уезду и важнейшим городам губернии отдельно.

Сравнительное изучение таблиц, представленных в отдельных томах погубернской разработки материалов переписи, показало, что наиболее содержательные, широкие в информационном плане данные о грамотности (благодаря увязке с наибольшим числом других признаков, характеризующих население) содержатся в таблицах IX и XV. В случае необходимости, для более полной характеристики грамотности детей в самом младшем воз-

расте до 10 лет и отдельных поколений старше 60 лет может использоваться таблица III-б (IV), которая содержит данные о грамотности населения с разбивкой его по годам, до 109 лет включительно. И как уже отмечалось, для дополнительной увязки характеристики грамотности с сословиями могут привлекаться данные таблицы VIII «Распределение населения по сословиям», для характеристик грамотности отдельных народов можно использовать таблицу XI «Распределение иностранных подданных по государствам». Данные последней позволяют определить число иностранцев, временно оказавшихся в момент проведения переписи на Урале.

Такую же вспомогательную роль могут сыграть и таблицы XVII «Распределение лиц, одержимых физическими недостатками, по возрастным группам» и XVIII «Распределение лиц, одержимых физическими недостатками, по родному языку», XIX «Распределение лиц, одержимых физическими недостатками, по сословиям». Данные этих таблиц могут дополнительно использоваться при изучении причин неграмотности отдельных групп населения из-за физических недостатков — слепоты, глухоты и пр. Данные остальных таблиц вряд ли могут пригодиться для изучения уровня грамотности населения⁸.

В 1905 г. вышел двухтомный «Общий свод по империи результатов разработки данных»⁹. В нем содержатся 25 сводных таблиц, повторяющих названия таблиц отдельных томов погубернской разработки материалов переписи. В этих таблицах сведены воедино те же самые данные. В них сначала приводятся итоговые данные по Российской империи в целом, затем — по всем уездам империи в целом (в отношении всей массы сельского

---

⁸ Названия этих таблиц следующие: XVI «Распределение населения по семейному состоянию и родному языку»; XX «Распределение населения по занятиям и возрастным группам»; XXI «Распределение населения по группам занятий»; XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка»; XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям»; XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям»; XXV «Распределение населения по вероисповеданиям и десятилетним возрастным группам».

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 1—2. СПб., 1905.

населения), затем в целом по всем городам (в отношении всего городского населения).

Далее те же самые сведения даются по пяти регионам страны: Европейской России, Привисленским губерниям, Кавказу, Сибири, Средней Азии. Затем внутри каждого региона идут данные в разбивке по отдельным губерниям. Названия губерний выстраиваются в алфавитном порядке (уральские числятся среди 50 губерний Европейской России). Следует отметить, что разбивка данных по губерниям имеется далеко не во всех таблицах, там, где она есть, выделяются сведения о населении всех городов губернии в целом, в ряде случаев — и всех уездов в целом.

Если в томах погубернской разработки данные о грамотности даются по губернии в целом, затем по ее более мелким административным подразделениям [для сельской местности, жителей всех городов, каждому уезду (без города), по каждому городу (в таблице IX) или важнейшим городам (в таблице XV)], то в «Общем свode по империи» данные о грамотности приводятся в обобщенном виде. Так, в таблице III-б, содержащей показатели грамотности годичных возрастных групп, они даются в отношении всего населения губернии, населения всех городов губернии в целом и уездов в целом (без городов)¹⁰.

В таблицах IX-а и IX-б «Распределение населения по грамотности, образованию, сословным и возрастным группам» данные о грамотности населения отдельных губерний отсутствуют, наиболее мелким подразделением в этих таблицах является регион¹¹.

В таблице XV «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам» приводятся данные о населении каждого из пяти регионов в целом, городских жителей в целом по каждому региону¹². Перечень языков очень краток по сравнению с томами погубернской разработки. Выделено всего 6 групп языков: «русский», «польский», «остальные славянские», «романские», «турецко-татарские», «финские». К «русскоязычным» наряду с русскими отнесены украинцы и белорусы, поэто-

¹⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 1. С. 36—67.

¹¹ Там же. С. 188—215.

¹² Там же. Т. 2. С. 134—175.

му даже в отношении самого многочисленного русского народа подсчеты грамотности невозможны, не говоря уже об остальных народах. Напомним, в томах погубернской разработки выделено 13 общих для Урала групп языков и еще ряд дополнительных для каждой губернии.

Ясно, что из-за слишком крупной группировки данных, представленных в таблицах «Общего свода» материалов переписи 1897 г., происходит значительная утечка информации о населении отдельных губерний, что не позволяет использовать эти таблицы для изучения уровня грамотности населения Урала. А поскольку Уральский регион разработчиками переписи не выделялся, то и итоговые данные о населении Урала в целом в этих томах отсутствуют.

Как уже отмечалось во введении, к первому тому «Общего свода» дается 44 приложения. Четыре приложения касаются грамотности, каждое из них сопровождается диаграммой¹³. В готовом виде в приложениях представлены такие общие показатели грамотности по каждой губернии России, в том числе и уральским, как процент грамотного населения; процент грамотных горожан в губернии, затем — жителей сельской местности (отдельно для мужчин и женщин); процент грамотных мужчин; процент грамотных женщин.

Кроме общего свода данные о грамотности содержатся в томе, характеризующем рабочий класс России¹⁴. Здесь данные приводятся в масштабах страны, наиболее детальные ограничиваются территорией губернии. В таблицах приводятся данные о численности рабочих и работниц, числе грамотных среди них, о распределении грамотных по возрастам, по отдельным отраслям хозяйства, отдельным производствам внутри отраслей.

Так как эти данные специфичны, единственные в своем роде, представлены в масштабе губерний, не поддаются сравнению с данными о других социальных группах внутри «городских со-

---

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 1. С. 38—45, 88—89.

¹⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. Т. 1.

словий», а главное, сравнительно хорошо изучены в литературе, в монографии они не рассматриваются.

Поскольку данные о грамотности населения наиболее информативно представлены в томах погубернской разработки, все вычисления показателей грамотности населения Урала автором делались на основе данных, опубликованных в томах по Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерниям.

Так как данные таблицы III-б (IV) характеризуют связь грамотности населения с возрастом, причем за каждый год, а таблицы IX и XV наряду с возрастом (по поколениям с шагом в 10 лет) учитывают и такие важные показатели, как принадлежность к сословиям и родной язык, данные последних двух таблиц и были положены в основу работы¹⁵.

Благодаря наличию точно таких же таблиц в томах, посвященных другим губерниям, имеется возможность проводить в дальнейшем сравнительное изучение уровней грамотности отдельных сословных групп уральского населения, народов Урала (татар, мордвы, марийцев, чувашей и др.) с населением других губерний страны с целью выяснения различий в их уровнях грамотности.

Для того чтобы правильно интерпретировать данные о грамотности, имеющиеся в материалах переписи, необходимо учитывать содержание понятия «грамотность», принятое при ее проведении в 1897 г.

Вопрос о том, в какой форме фиксировать сведения о грамотности, впервые обсуждался на втором заседании Главной переписной комиссии 25 ноября 1895 г. Было предложено включить в переписной лист два вопроса: «1) умеет ли читать, 2) умеет ли читать и писать». Однако большинство членов переписной комиссии признало такое разделение излишним, считая, что это «повлекло бы за собой спутанность ответов, тем более что под

---

¹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 10 : Вятская губерния. С. 52—81, 122—147; Т. 21 : Пермская губерния. С. 60—89, 122—157; Т. 28 : Оренбургская губерния. С. 28—51, 72—95; Т. 45 : Уфимская губерния. С. 18—35, 58—79.

понятие “грамотного” подходит всякое лицо, умеющее хотя бы только читать»¹⁶.

Эта установка вызвала справедливую критику со стороны современников переписи, считавших необходимым эту графу дополнить вопросом «умеет ли читать и писать»¹⁷. В 1909 г., когда председатели губернских земских управ и председатели губернских дворянских собраний вносили свои предложения по подготовке Второй всеобщей переписи населения, председатель Черниговской земской управы критически отзывался об учете лиц только читающих и предложил различать две категории грамотных: 1) только читающих и 2) умеющих читать и писать. Подобное мнение высказал и предводитель Лифляндского губернского дворянства¹⁸.

В графу 13 «Грамотность» переписного листа включили два вопроса: «а) умеет ли читать?», «б) где обучается, обучался или кончил курс образования». На том же втором заседании Главной переписной комиссии отмечалось, что ответ на вопрос об образовании не является новым, а только расширяет понятие о грамотности¹⁹. Формулировка вопроса о грамотности не была до конца продумана. Из ответов оставалось неясным, закончил курс обучения человек или нет, учится ли в момент проведения переписи или учился ранее. Вятская уездная переписная комиссия критиковала такую постановку вопроса в переписи: лица, ответившие о себе, что учились, могут считаться окончившими курс, хотя большинство учащихся оставляло учебные заведения до их окончания, особенно уездные²⁰.

Поскольку население Российской империи являлось многонациональным, часть народов умела читать только на родном языке, а некоторые — на родном языке и русском, порядок заполнения графы «грамотность» для народов России, согласно настав-

---

¹⁶ Журналы Главной переписной комиссии, 18 ноября 1895—30 мая 1897 г. СПб., 1898. С. 12.

¹⁷ Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб., 1909. С. 32; см. также: Пландовский В. Народная перепись. СПб., 1898. С. 344.

¹⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 119. Л. 31; Д. 120. Л. 7 а.

¹⁹ Журналы Главной переписной комиссии... С. 12.

²⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 172. Л. 64.

лению счетчикам, был следующим: о тех, кто умел читать по-русски, вписывалось «да», кто не читал ни на каком языке — «нет».

Об умевших читать только на другом языке ставилось «да» с отметкой, на каком именно; например, «да, по-татарски». Как справедливо отмечал А. И. Гозулов, «национальная грамотность регистрировалась лишь тогда, когда опрашиваемый не владел русской грамотностью. При столкновении же русской грамотности с национальной всегда и категорически предпочтение отдавалось русской грамотности»²¹.

Против фамилии детей моложе 5 лет полагалось провести черту. Последнее вызвало критику со стороны некоторых местных переписных комиссий. Так, Красноуфимская уездная комиссия в своем отчете подчеркивала: в уезде «...не только сельское, но и городское население отдает детей в школу не ранее 7–8 лет. Грамотные дети моложе этого возраста — редкое исключение в семьях интеллигентов, и отметка о грамотности с 5 лет, значительно увеличив процент безграмотных, не давала правильного понятия о степени распространения грамотности среди местного населения»²².

В литературе отсутствует оценка информационного потенциала материалов переписи как источника для изучения грамотности населения. Имеются лишь оговорки, что перепись позволяет судить только об удельном весе населения, умевшего читать.

Исходя из программы переписи, попытаемся охарактеризовать потенциальные возможности материалов переписи для изучения грамотности населения.

Поскольку грамотными решено было записывать лиц, умевших хотя бы читать, мы не имеем возможности по переписи 1897 г. проследить наличие у населения навыков письма, выделить категории населения, умевших только читать и владевших как чтением, так и письмом, т. е. настоящей грамотностью. На основе переписи мы можем говорить только о полуграмотности — так расценивается умение читать. Само качество чтения

---

²¹ Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М., 1936. С. 202.

²² РГИА. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 212. Л. 244 об. — 245.

могло быть различным — среди многомиллионных масс крестьян могли быть как бегло читавшие, так и едва умевшие читать по складам.

Порой историки, оперируя данными переписи 1897 г., не вникают в ее программу и неправомерно расценивают термин «грамотность», встречающийся в таблицах переписи, как умение народа читать и писать. Например, М. Н. Фархшатов, выстраивая показатели о грамотности народов Уфимской и Оренбургской губерний по переписи 1897 г. в виде таблицы, дает им такие подзаголовки: «Умели читать и писать»; «В том числе по-русски»²³.

Так как грамотность на родном языке регистрировалась лишь в случаях, если опрашиваемый не умел читать по-русски, мы не имеем возможности судить о точной численности национальных меньшинств, владевших грамотой на двух языках одновременно, не можем установить удельный вес лиц, умевших читать на своем родном языке. Вследствие этого наши возможности для изучения состояния грамотности народов Урала резко сужаются.

Разработки материалов переписи позволяют получить разносторонние данные о грамотности народов Урала — русских, татар, башкир, удмуртов, пермяков, марийцев, тептярей и др. Заметим, в ходе переписи 1897 г. впервые были получены данные по этническому составу населения. Хотя Петербургский международный конгресс статистиков 1872 г. рекомендовал использовать в переписи прямой вопрос о национальной (этнической) принадлежности, в переписи 1897 г. этническая принадлежность населения выявлялась с помощью вопроса о родном языке.

Конечно, это не одно и то же, но, по мнению таких авторитетных исследователей, как С. И. Брук и В. М. Кабузан, в условиях царской России, когда подавляющая часть населения была неграмотной, вряд ли можно было получить на прямой вопрос более надежный ответ. «Опыт других стран показывает, что значительная доля населения вместо этнической указывает племенную, религиозную, сословную или любую другую принадлежность»²⁴.

²³ См.: *Фархшатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60—90-е годы XIX в. М., 1994. С. 69.

²⁴ *Брук С. И., Кабузан В. М.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 87.

При этом С. И. Брук и В. М. Кабузан справедливо отмечают, что при обработке переписи 1897 г. было выделено меньше языков и наречий, а следовательно и народов (146), в то время как переписью 1926 г. учтены 194 этнические единицы и свыше 150 языков, не считая наречий и диалектов²⁵.

Соотнесение данных о грамотности с национальностью дает возможность вывести показатели общей грамотности всех народов Урала на 1897 г., мужчин, женщин, сословных групп, выявить различия в грамотности каждого народа в городах и селах. Можно вычислить подобные данные по каждому народу в отдельности и внутри отдельных губерний, провести сопоставления по этим показателям; выявить, в каких губерниях была выше грамотность того или иного народа, выше грамотность горожан, сельчан, мужчин, женщин, сословий, отдельных поколений и т. д. Возможности комбинаций чрезвычайно широки, и каждый раз мы будем получать все новые данные, новую информацию.

К сожалению, данные о грамотности в отношении национальностей имеются только для крупнейших городов Урала и каждого уезда в целом, поэтому не представляется возможным анализ грамотности по национальному признаку населения небольших городов. Но благодаря тому, что имеются сводные данные по всем городам губернии и уездам (без городов), могут быть прослежены различия в грамотности городского и сельского населения по губернии в целом.

При изучении грамотности можно взять за основу и признак пола. Поскольку грамотность женщин значительно отставала в XIX в. от грамотности мужчин, особенно на селе, вопрос женского образования был чрезвычайно актуальным, вполне обоснованно рассмотрение уровня грамотности женщин Урала и выяснение зависимости этого уровня от сословной принадлежности, национального происхождения, местности (город—уезд), возраста.

Объектом изучения по всем этим признакам может являться население каждой из уральских губерний. При этом возможны сопоставления уровней грамотности населения губерний Урала с другими губерниями России по признакам: общая грамотность населения губернии, отдельно мужского и женского, сельского и

---

²⁵ Брук С. И., Кабузан В. М. Указ. соч. С. 87.

городского — эти пять признаков выведены в «Общем свод» для населения всех губерний России.

Можно сравнивать по этим показателям уровень грамотности населения каждой из уральских губерний и таким образом выявить, в какой из них были выше уровни грамотности населения в целом, мужчин, женщин, горожан, жителей уездов и т. д. Подобные же сравнения можно провести в отношении населения уездов (без городов), городов, выявить административно-территориальные единицы с наиболее высоким уровнем грамотности (город—уезд) по губернии и по Уралу в целом.

Благодаря тому, что разработчики материалов переписи 1897 г. провели группировку данных о грамотности поколений или, как говорят, генерационной грамотности (лиц менее 10 лет, 10–19, 20–29, 30–39, 40–49, 50–59, 60 и старше, а в таблице III-б вплоть до 110 лет и старше), появляется возможность выявить динамику развития грамотности от поколения к поколению, раскрыть эволюцию грамотности по меньшей мере на протяжении столетия. Поскольку мы не располагаем каким-либо другим источником, дающим срез грамотности в широких масштабах за предшествующий период, показатели генерационной грамотности переписи 1897 г. могут быть использованы в целях получения срезов грамотности 10 поколений жителей Урала.

Специальный интерес представляет и изучение вопроса о грамотности детей и молодежи в возрасте 10–19 лет. Забегая вперед, отметим, что это было самое грамотное поколение уходящего столетия, а также за всю предшествующую историю России. На его примере мы можем судить о том, как далеко ушла молодежь от своих отцов и дедов, насколько велики были темпы роста грамотности. Полученные данные впоследствии могут послужить основой для проведения сравнений с данными переписи 1926 г., в которой рассматриваемое нами поколение 10–19-летних перейдет в разряд 40–50-летних и появится возможность сопоставления его с новым поколением 10–19 лет, рожденным в 1907–1916 гг. и получавшим основы грамоты уже после Октябрьской революции.

Особый интерес представляет вопрос о грамотности детей в возрасте до 10 лет. Возможны сравнения удельного веса детей, научившихся читать в этой возрастной группе, по отдельным условиям (дворяне-чиновники, духовенство, «городские сосло-

вия», «лица сельского состояния»), полу, месту жительства (город—уезд) и т. д. В конечном счете, материалы переписи позволяют определить, в каких городах, уездах Урала уделялось наибольшее внимание обучению детей грамоте в раннем возрасте.

Дополнительные возможности получения информации открываются нам в случае сопоставления показателей грамотности населения по переписи 1897 г. с результатами городских переписей предшествующих годов. Например, известно, что такая перепись в 1873 г. проводилась в Екатеринбурге²⁶. Возможны сопоставления и с результатами земских подворных переписей, но для этого должна быть разработана своя методика, необходимо выяснить наличие сопоставимых показателей.

Полученные нами в результате обработки переписи 1897 г. данные могут быть сопоставлены и с последующими переписями населения 1920, 1926, 1937, 1939 гг. В результате можно получить дополнительные данные о динамике развития грамотности жителей отдельных городов, районов в случае, если последние совпадали в своих границах с территориями уездов.

В ходе переписи учитывалось как наличное население, так и постоянно проживавшее в том или ином населенном пункте. Сверка данных об общей численности населения губерний, приводившихся в таблицах, характеризующих грамотность населения, с данными таблицы I «Население наличное и население постоянное» показала, что данные о грамотности относятся к наличному населению. Это необходимо иметь в виду при изучении грамотности населения.

Важным является вопрос о достоверности данных переписи как исторического источника, т. е. о том, насколько они соответствуют действительности. Можно выделить несколько моментов, обеспечивавших соответствие полученных в ходе переписи данных действительности. Прежде всего следует отметить, что основной целью проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. являлось получение достоверных данных о населении. В этих данных нуждалось само государство, чтобы правильно планировать призывные кампании, собирать налоги.

---

²⁶ Результаты однодневной переписи, произведенной 26 марта 1873 г. : материалы для статистики г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 1873.

Материалы переписи рассматривались и как важный источник изучения населения страны. В конце XIX в. со стороны властей не ставилось каких-либо политических задач, преследовавших целью получение определенных показателей и тем самым способствовавших искажению данных на стадии их сбора или последующей разработки.

На достоверность данных, полученных в ходе переписи, влияет и то, как перепись была организована: насколько четко были проведены подготовительные работы, полно ли было охвачено переписью все население, правильно ли заполнялись переписные листы. Изучение истории подготовки и проведения переписи 1897 г. показывает, что, несмотря на огромные пространства, отсутствие предшествующего опыта проведения столь масштабных кампаний, недостаточную просветительную работу среди народа, первая перепись в России была организована на достаточно высоком уровне. Даже факты вынужденного вмешательства властей, привлечения военных сил свидетельствуют о том, что местные власти прилагали все усилия для полного охвата населения переписью.

Были проведены работы по сверке списков населения. В городах и посадах проверялась нумерация домов и дворов, составлялись их списки с распределением по участкам, улицам. Волостные правления обязывались по установленной форме и на основании обновленных посемейных списков делать выписки о приписанных к сельским обществам лицах, родившихся после десятой ревизии 1858 г., и передавать их для последующей сверки с метрическими книгами приходским священникам всех конфессий²⁷.

В ходе переписи, когда отдельные семьи отказывались давать сведения для заполнения переписных листов, такую информацию с готовностью давали соседи. Практиковалась проверка сведений на сходах жителей, когда зачитывалось содержание переписных листов, и ближайшие соседи, знавшие друг о друге все, с особой ревностью следили за правильностью внесенных в переписные листы сведений.

---

²⁷ Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. № 16. С. 7—8.

Последующая проверка правильности заполнения переписных листов с участием волостных старшин, старост, заведующих казенными, частными и прочими заведениями, проверка данных заведующими участков, жалоб на неправильные действия участников переписи также способствовали получению достоверных данных.

Безусловно, имелись случаи неверного заполнения отдельных листов, в том числе и относительно грамотности. Например, в ходе всех переписей, в том числе и в годы советской власти, были случаи, когда женщины стремились убавить себе возраст, сообщали, что состоят в браке, в то время как мужчины заявляли о себе как о холостых, и в результате число замужних женщин превышало число женатых мужчин. Так и во время первой переписи отдельные лица, не умевшие читать или едва знавшие буквы, могли представить себя грамотными, чтобы придать себе большую значимость. При этом в среде раскольников могли быть противоположные случаи сокрытия знания грамоты. Не совсем верно мог указываться возраст, в сторону занижения или завышения на ряд лет, особенно пожилыми людьми — не все могли точно помнить год своего рождения. Вследствие этого могло несколько искажаться число лиц, относящихся к конкретному поколению. Но в конечном случае эти ошибки уравнивались и не могли приводить к большим искажениям.

Характерно, что Пермское губернское земство отдавало предпочтение данным Первой всеобщей переписи населения о числе лиц школьного возраста, проживавших на подведомственной им территории, как более точным по сравнению с данными, полученными уездным земством в ходе подготовки вопроса о введении всеобщего обучения детей на территории губернии в 1896 г. Так, Комиссия при Пермской губернской земской управе, заслушав доклад директора народных училищ Пермской губернии А. Раменского «по разработке вопроса о введении всеобщего обучения в губернии», просила на XXVIII чрезвычайной сессии Пермское губернское земское собрание ходатайствовать перед правительством о разрешении «уездным земским управам воспользоваться теми точными статистическими данными, какие

будут собраны в январе 1897 г. при всеобщей переписи населения»²⁸.

Правда, следует отметить, что постоянное население Российской империи, показанное в переписи, оказалось выше наличного на 946 504 человек. Как отмечалось в предисловии к «Общему своду» данных переписи, столь «значительного превышения в действительности быть не может». Количество постоянного и наличного населения должно либо совпадать, либо немного разниться в связи с эмиграцией за границу, возможными случайными пропусками. Вероятно, в ходе переписи были смешаны понятия о постоянном населении как населении приписном и как населении, проживавшем постоянно в месте записи. Возможно, не были своевременно исключены из числа постоянного населения умершие или окончательно переселившиеся в другие местности, отчего получились двойные показания об одних и тех же лицах. В день переписи временно отсутствовали 3 041 225 человек (2,4 %), а временно пребывавших оказалось 2 104 751 человек, или 1,7 %²⁹. Поскольку все данные о грамотности приводились в материалах переписи относительно наличного населения, «накладки» с данными о постоянном населении их не касались.

2.2. Методика обработки данных о грамотности

Особенность итоговых данных переписи как объекта исследования заключается в том, что это тысячи числовых показателей, оформленных в виде многостраничных таблиц. В таблицах данные о числе неграмотных и грамотных приводятся в параллельных колонках, до 350 чисел на каждый лист. Сведения об удельном весе грамотных отсутствуют. Их приходится вычислять самостоятельно.

Первоначально для вычислений применялся обычный калькулятор, но почти сразу стало ясно, что при огромном объеме расчетов необходимо использовать компьютер и соответствующее программное обеспечение.

---

²⁸ Сборник Пермского земства. 1897. № 3. С. 2.

²⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод... Т. 1. С. V.

Имея определенные навыки программирования, автор данной работы еще в 1996 г. написал программу на языке Quick Basic. Предпосылкой этому послужило приобретение кафедрой архивоведения персонального компьютера, который был тогда единственным на всем историческом факультете УрГУ (сейчас их более 100). Исходные данные для программы содержал специально подготовленный файл, куда заносились данные из таблиц переписи. Результаты вычислений программа направляла в простой текстовый файл. Несмотря на существенное ускорение ввода информации, подсчетов, этот метод на практике себя все же не оправдал, так как требовал отдельной работы по подготовке файла для программной обработки и кропотливой проверки правильности его заполнения числовым материалом переписи.

Поэтому для обработки информации, содержащейся в материалах переписи, в качестве наиболее подходящего был избран табличный процессор Microsoft Excel. Аргументами в пользу Excel послужили сравнительная легкость оформления табличных данных и правил их обработки в среде этого спредшита, развитые средства визуального представления результатов вычислений (возможности построения различных типов графиков и диаграмм) и простота переноса информации в текстовый редактор Word. Незаменимыми оказались возможности Excel в определении удельного веса грамотных лиц в возрасте от 10 лет и старше. А это более 10 тыс. обработанных чисел, которые при ручном подсчете пришлось бы фактически вводить дважды.

В среде этого табличного процессора были сделаны два шаблона. Первый — для обработки данных из таблицы IX материалов переписи, чтобы рассчитать показатели грамотности основных сословных групп, городов и уездов Урала. Второй — для обработки таблицы XV и получения данных по грамотности основных национальных групп.

На основе первого шаблона в Microsoft Excel были созданы четыре рабочих книги (для Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний), в которых по отдельному листу было отведено для каждого города и уезда. Кроме того, три листа отводилось на сводные данные: по всем городам, всем уездам без городов, губернии в целом. Дополнительно была скомпонована рабо-

чая книга, содержащая сведенные воедино данные об удельном весе грамотных для всего Урала.

На рис. 3 показан фрагмент листа с обработанными данными о грамотности населения Екатеринбурга. Для каждой возрастной группы вычислялись три показателя: удельного веса грамотных мужчин, женщин и общей грамотности. Под строкой, содержащей данные о грамотности сословной группы или населения административного образования в целом, расположены ячейки с показателями грамотности населения в возрасте от 10 лет и старше (выделены курсивом).

Екатеринбург

Дворяне

	Неграмотные		Грамотные				
	муж.	жен.	муж.	жен.			
< 10 лет	207	220	99	84	32,4	27,6	30
10-19	3	4	425	437	99,3	99,1	99,2
20-29	1	8	188	287	99,5	97,3	98,1
30-39	0	19	210	263	100	93,3	96,1
40-49	0	15	185	212	100	93,4	96,4
50-59	1	24	97	129	99	84,3	90
60 лет и >	3	44	75	108	96,2	71,1	79,6
Всего	215	335	1 279	1 520	85,6	81,9	83,6
					10 лет и >	99,3	92,6
							95,5

Духовенство

	Неграмотные		Грамотные				
	муж.	жен.	муж.	жен.			
< 10 лет	24	33	10	20	29,4	37,7	34,5
10-19	0	1	155	265	100	99,6	99,8
20-29	0	0	33	45	100	100	100
30-39	1	0	30	33	96,8	100	98,4
40-49	0	5	23	35	100	87,5	92,1
50-59	0	6	8	28	100	82,4	85,7
60 лет и >	0	8	13	43	100	84,3	87,5
Всего	25	53	273	469	91,6	89,8	90,5
					10 лет и >	99,6	95,7
							97,1

Городские сосл.

	Неграмотные		Грамотные				
	муж.	жен.	муж.	жен.			
< 10 лет	1 833	1 821	297	290	13,9	13,7	13,8
10-19	204	446	1 732	1 763	89,5	79,8	84,3
20-29	232	611	1 125	1 040	82,9	63	72
30-39	319	798	1 036	759	76,5	48,7	61,6
40-49	365	835	729	407	66,6	32,8	48,6
50-59	267	671	444	246	62,4	26,8	42,4
60 лет и >	346	887	348	206	50,1	18,8	31
Всего	3 568	6 075	5 712	4 711	61,6	43,7	51,9
					10 лет и >	75,8	51
							62,2

Лица сельского состояния

	Неграмотные		Грамотные				
	муж.	жен.	муж.	жен.			
< 10 лет	1 284	1 372	106	131	7,6	8,7	8,2
10-19	428	1 006	1 414	1 157	76,8	53,5	64,2
20-29	797	1 198	1 367	803	63,2	40,1	52,1
30-39	703	1 092	924	415	56,8	27,5	42,7
40-49	563	797	449	184	44,4	18,8	31,8
50-59	286	532	145	82	33,6	13,4	21,7
60 лет и >	235	581	92	70	28,1	10,8	16,6
Всего	4 299	6 585	4 499	2 842	51,1	30,1	40,3
					10 лет и >	59,3	34,2
							46,4

24,11% гор. нас.

Всего		43 239
мужчин	46,70%	20 183
женщин	53,30%	23 046
Распр. по возрастам		
< 10 лет	18,4%	7 971
10-19	22,2%	9 591
20-29	18,1%	7 830
30-39	15,5%	6 690

Рис. 3. Фрагмент листа из рабочей книги MS Excel, составленной автором для обработки данных таблицы IX материалов переписи

Кроме сведений о грамотности в правой части таблицы рассчитывались некоторые демографические показатели: удельный вес мужчин и женщин, удельный вес каждой возрастной и словесной группы в общей массе населения, а также общая численность жителей в данном городе или уезде.

На основе второго шаблона были созданы рабочие книги для расчетов показателей грамотности народов Урала (рис. 4). Обработке были подвергнуты данные о грамотных по 16 национальным группам, по всем уральским губерниям, городской и сельской местности.

Татары

Вятская губерния									
	Всех		Гр. по русски		Гр. на др. яз.		Образование > на		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
< 1 года	2 252	2 133							
1-9	14 451	14 417	153	56	871	813	0	0	
10-19	15 207	14 880	975	273	4 302	4 230	2	0	
20-29	9 236	10 028	481	82	2 118	2 615	2	0	
30-39	7 334	7 403	305	49	1 610	1 735	8	0	
40-49	6 589	5 469	193	41	1 459	1 242	2	0	
50-59	4 181	3 893	78	22	877	959	2	0	
60 лет и >	4 142	4 123	48	20	880	852	0	0	
Всего	63 399	62 155	2 234	543	12 118	12 447	14	0	
10 лет и >									
Грамотных по-русски									
	муж.	жен.	Всего						
1,1	0,4	0,7							
6,4	1,9	4,2							
5,2	0,8	2,9							
4,2	0,7	2,4							
2,9	0,7	1,9							
1,9	0,6	1,2							
1,2	0,5	0,8							
3,5	0,9	2,2							
4,5	1,1	2,8							
Грамотных на др. яз.									
	муж.	жен.	Всего						
6	5,6	5,8							
28,3	28,8	28,5							
22,9	26,1	24,6							
22	23,4	22,7							
22,1	22,7	22,4							
21	24,6	22,7							
21,2	20,7	21							
19,1	20	19,6							
24,1	25,5	24,9							
Итого грамотных									
	муж.	жен.	Всего						
7,1	6	6,6							
34,7	30,7	32,7							
28,2	26,9	27,5							
26,2	24,1	25,1							
25,1	23,5	24,4							
22,9	25,2	24							
22,4	21,1	21,8							
22,7	20,9	21,8							
26,6	26,6	27,6							

Пермская губерния									
	Всех		Гр. по русски		Гр. на др. яз.		Образование > на		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
< 1 года	753	769							
1-9	5 221	4 992	22	18	258	178	0	0	
10-19	5 436	4 048	202	45	1 400	948	2	0	
20-29	6 398	3 225	393	45	1 185	827	3	1	
30-39	4 223	2 118	305	16	821	376	3	1	
40-49	2 931	1 530	153	10	658	261	0	1	
50-59	1 638	1 014	71	6	432	223	1	0	
60 лет и >	1 414	1 073	23	5	369	203	1	0	
Всего	27 941	18 770	1 172	145	5 102	2 816	10	3	
10 лет и >									
Грамотных по-русски									
	муж.	жен.	Всего						
0,4	0,4	0,4							
3,7	1,1	2,6							
6,2	1,4	4,6							
7,2	0,8	5,1							
5,2	0,7	3,7							
4,3	0,6	2,9							
1,6	0,5	1,1							
4,2	0,8	2,8							
5,2	1	3,6							
Грамотных на др. яз.									
	муж.	жен.	Всего						
4,9	3,6	4,3							
25,8	23,4	24,8							
18,8	19,4	19							
19,4	17,8	18,9							
22,4	17,1	20,6							
26,4	22	24,7							
24,6	18,9	22,2							
18,3	15	17							
22,1	20,3	21,4							
Итого грамотных									
	муж.	жен.	Всего						
5,4	3,9	4,7							
29,5	24,5	27,4							
25,1	20,9	23,6							
26,7	18,6	24							
27,7	17,8	24,3							
30,8	22,6	27,4							
28,3	19,4	23,3							
22,5	15,8	19,8							
27,3	21,3	25,1							

Оренбургская губерния									
	Всех		Гр. по русски		Гр. на др. яз.		Образование > на		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
< 1 года	1 709	1 715							
1-9	10 713	9 716	138	78	690	638	0	0	
Грамотных по-русски									
	муж.	жен.	Всего						
1,3	0,8	1,1							
Грамотных на др. яз.									
	муж.	жен.	Всего						
6,4	6,6	6,5							
Итого грамотных									
	муж.	жен.	Всего						
7,7	7,4	7,6							

Рис. 4. Фрагмент листа рабочей книги MS Excel, составленной автором для обработки данных таблицы XV материалов переписи

Формулы на этом листе (см. рис. 4), по сравнению с предыдущим, имеют более сложную структуру. Здесь для расчета общего показателя грамотности народа приходится учитывать данные восьми столбцов: общей численности мужчин и женщин, грамотных по-русски, на других языках и имевших образование выше начального. Следует отметить, что для более удобного восприятия данные о числе грамотных в возрастных группах заполнялись по столбцам, в то время как в материалах переписи они расположены по строкам (см. рис. 2). В отдельной рабочей книге

были подсчитаны удельный вес каждого народа в общей массе населения, удельный вес городских жителей среди представителей каждого народа.

Вычисленные показатели автоматически округлялись до одного десятичного знака после запятой. Возможность создания средствами Microsoft Excel графиков и диаграмм позволила автору для большей наглядности представить часть результатов в графическом виде.

С каждой страницы таблицы в программу приходилось вводить 320–350 чисел. Из-за неудовлетворительного качества текста автоматизировать процедуру ввода данных в компьютер, используя сканер и программы оптического распознавания символов, оказалось невозможным. Все данные приходилось заносить вручную.

Всего по четырем губерниям Урала из таблиц IX и XV было внесено в компьютер около 20 770 чисел. Ввод исходных данных занял многие дни. Но эта работа оправдывает себя. Перевод материалов переписи на машиночитаемый носитель дает возможность неоднократного обращения к этой информации для анализа, исключая необходимость повторного ввода данных — самой трудоемкой операции.

Программа обработки электронных таблиц произвела с ними около 90 тыс. арифметических операций. Интересно заметить, что микропроцессору, который установлен в компьютере автора, потребовалось в сумме менее 1 секунды для выполнения этих вычислений.

При вводе числовых показателей переписи была также проведена проверка результатов обработки данных переписи, имеющих в таблицах. Так как сведения об общем числе грамотных и неграмотных для каждого объекта изучения слагаются из данных по 7 возрастным группам (плюс особая группа лиц неизвестного возраста), то, просуммировав эти 8 чисел, можно проверить правильность подсчета итоговой цифры разработчиками переписи. Эту процедуру удалось практически автоматизировать благодаря наличию в Excel так называемой «функции автосуммирования». После заполнения рабочих книг данными из материалов переписи последовательно выделялись столбцы, содержащие сведения по возрастным группам. Полученное значение складывалось с

счеты проводились по 11 уездам и 12 городам, в Пермской — 12 уездам и 15 городам, в Оренбургской — 5 уездам, 6 городам; в Уфимской — по 6 уездам и 6 городам. В исследовании по территории уральских губерний получены показатели грамотности по 39 городам, 34 уездам без городов. По каждой из четырех губерний отдельно обрабатывались суммарные показатели о грамотности городского населения в целом, жителей всех уездов (без городов).

Для каждого города и уезда вычислялись общие показатели грамотности для всех семи возрастных групп, выделенных организаторами переписи, от новорожденных до 60 лет и старше, а также отдельно для мужчин и женщин. Вычислялись показатели грамотности по каждой возрастной группе и отдельно по четырем основным сословным группам — дворян и чиновников, духовенства, «городских сословий», «лиц сельского состояния» (также с учетом возрастов). В общей сумме были привлечены показатели грамотности, касающиеся 9 млн 822 тыс. человек.

Расчет удельного веса грамотных производился для всех административно-территориальных единиц Урала без исключения. Выборка отдельных территорий для изучения уровня грамотности, на взгляд автора, недопустима, так как в конце XIX в. были довольно сильны различия в показателях грамотности отдельных территорий. Учет данных по всем административно-территориальным единицам, выделенным при группировке материалов (губерния, уезд, город), позволил выделить территории с наиболее высокими показателями общей грамотности, учесть различия в грамотности по возрастному, половому, сословному признакам.

Специальным объектом изучения являлась и грамотность отдельных народов Урала. Показатели по ней, как уже отмечалось, содержались в таблице XV в томах погубернской разработки данных переписи. Подсчеты производились по 16 наиболее крупным национальным группам, последняя — манси (вогулы) — составляла всего 0,03 % от всего населения Урала. Для каждого народа вычислялись общие показатели грамотности по губернии, отдельно по городам и сельской местности, для мужчин и женщин и по каждой из 7 возрастных групп. Одновременно вычисля-

лись и общие показатели грамотности для каждого народа по Уралу в целом.

Для изучения уровня грамотности населения Урала нами применялся метод группировки данных, увязывавших показатели грамотности со всеми другими показателями, имевшимися в таблицах IX и XV. Это позволило наиболее полно использовать информационный потенциал опубликованных итогов переписи.

В результате компьютерной обработки данных было составлено 136 рабочих таблиц, которые не фигурируют в исследовании, но являются главной информационной базой данных, полученной автором. Эти рабочие таблицы, в свою очередь, послужили основой для составления 74 таблиц, приводимых в тексте книги. В таблицы включались как сами обрабатываемые данные, так и результаты полученных подсчетов. Табличный метод организации материала позволил достичь большой наглядности, в каждом случае становится ясно, как получены те или иные показатели удельного веса грамотных, эти показатели можно легко перепроверить.

Включение в таблицы сопоставимых данных позволило широко использовать метод сравнительного анализа данных о грамотности, выявить наиболее высокие и самые низкие показатели, проследить изменения в распространении грамотности в зависимости от тех или иных факторов. Все сравнения проводились по сходному набору дополнительных признаков (в отношении мужчин и женщин, отдельных поколений, городской и сельской местности, конкретных городов и уездов и т. д.).

Следует отметить, что в дореволюционной и советской историографии показатели грамотности по переписи 1897 г. вычислялись по отношению ко всему населению в целом, начиная с новорожденных. Эта методика была предложена самими разработчиками переписи. Так вычислялся общий показатель грамотности населения каждой губернии, фигурировавший в первой нумерованной таблице каждого тома погубернской разработки материалов переписи. По этой же методике вычислялись те или иные общие показатели грамотности (мужчин, женщин, сословий и т. д.), приводившиеся в предисловиях к этим томам переписи. Точно так же, по отношению ко всей массе населения, включая младенцев, были вычислены показатели грамотности мужчин,

женщин, жителей городов, сельской местности в приложениях к «Общему своду» — в таблицах и диаграммах. Такая же методика продолжала использоваться на протяжении столетия всеми исследователями уровня грамотности населения по материалам переписи.

Между тем, как уже отмечалось во введении, в международной статистической практике из-за значительных различий систем школьного обучения в отдельных странах и различий в возрастах поступления в школу общий показатель грамотности по всем странам рекомендовалось считать относительно населения в возрасте от 10 лет и старше. В сводках статистических органов ЮНЕСКО этот показатель по всем странам стал исчисляться по отношению к населению от 15 лет и старше³⁰.

На наш взгляд, необходимо и в отношении населения России конца XIX в. вычислять общие показатели грамотности только грамотнспособного населения, начиная с 10 лет. Термин «грамотнспособное население» в настоящее время широко используется как в отечественной, так и в зарубежной литературе и практике.

Десятилетний возраст как начальный для вычисления общих показателей грамотности населения очень удобен — во всех таблицах, как погубернской разработки переписи, так и в «Общем свode», группировка данных о грамотности проводилась в отношении отдельных поколений с 10-летним шагом (младше 10 лет, 10—19 лет, ... 50—59 лет, 60 лет и старше). Это дает возможность использовать единый подход к вычислению общих показателей грамотности в отношении любого объекта изучения — населения губерний, городов, уездов, сословий и т. д.

Необходимость исключения детей из общей массы населения при подсчетах любых общих показателей грамотности (всего населения губернии, города, уезда, мужчин, женщин, отдельной сословной группы, отдельного народа) диктуется тем, что дети уже в силу своего малого возраста не могли овладевать грамотой ранее 5—7 лет.

---

³⁰ См.: Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (историко-статистические очерки). М., 1964. С. 13—14.

Возраст начального школьного обучения детей в России в конце XIX в. считался от 7 до 14 лет. В ходе статистических исследований именно он принимался в расчет. Поскольку крестьяне составляли большинство населения в конце XIX в. и тем самым оказывали определяющее влияние на общий показатель грамотности населения, потери некоторых овладевших грамотой детей 7–9 лет при вычислениях общих показателей грамотности населения не столь значительны. Данные таблицы IX (о грамотности детей до 10 лет по сословиям) и таблицы XV (о грамотности детей до 10 лет отдельных народов) позволяют отдельно изучать вопрос о детской грамотности по всем тем же признакам, что и взрослых.

Исключение из подсчетов детей младше 10 лет дает возможность избежать искусственного занижения уровня грамотности населения и получить более объективные данные в отношении общих показателей грамотности тех или иных групп. Обратим внимание, в условиях высокой рождаемости того времени на Урале дети до 10 лет составляли 2 млн 682,4 тыс. из 9 млн 821,9 тыс. населения Урала, или 27,3 %. У отдельных народов Урала удельный вес детей был еще выше, у башкир, например, — 29,1 %, у немцев — 30,1 %.

При изучении грамотности населения в зависимости от национальности необходимо учитывать особенности компоновки данных в таблице XV. Здесь имеется три главных столбца: «Грамотных по-русски», «Грамотных на др. языках», «Получивших образование выше начального».

По логике, сведения об образовании должны дополнять данные о числе грамотных и неграмотных, поскольку грамотность и образование — это совершенно разные характеристики. Разработчики материалов переписи, составляя таблицу IX, так и поступили — показали дополнительно лиц, обучавшихся в университетах, технических вузах, средних учебных заведениях и т. д. При составлении же таблицы XV, в которой показывалось в сумме число лиц, «получивших образование выше начального», разработчики применили иную компоновку. Они исключили этих лиц из числа грамотных. Тем самым еще раз усекли возможности исследователей судить о степени распространения грамоты среди народов на родном языке, как, впрочем, и на русском. Вследствие

выделения из числа грамотных особой группы необходимо суммировать число лиц с образованием выше начального с числом грамотных на русском и родном языках, чтобы не уменьшить общие показатели грамотности отдельных народов.

Но не все исследователи, обращавшиеся к этой таблице, вникали в тонкости ее составления. Например, не учли этого Ю. Н. Серебренников, Д. В. Гаврилов, автор данной работы (в статьях о грамотности башкир и немцев Урала)³¹. В результате занижение показателей переписи о национальной грамотности для наиболее образованных народов (немцев, евреев, поляков и др.) весьма существенно. Лишь авторы, пользовавшиеся вычислениями самих разработчиков переписи, представленными в предисловиях к отдельным томам погубернской разработки, невольно «учли» лиц с образованием, исключенных из числа грамотных.

Ряд уральских народов — татары, чуваша, мордва — мигрировали на Урал из Поволжья. Важно представлять, обгоняли или отставали народы, проживавшие на Урале, от своих собратьев в Поволжье по уровню грамотности. Чтобы выяснить это, проводились сравнения уровня грамотности татар уральских губерний с татарами Казанской губернии, чувашей Урала — с чувашами, проживавшими в Казанской, Симбирской, Самарской губерниях, мордвы — с мордвой Симбирской, Самарской и Саратовской губерний.

При изучении грамотности отдельных народов Урала проводились дополнительные разыскания по истории их обучения (в частности, башкир, татар), чтобы правильно интерпретировать

---

³¹ См.: *Серебренников Ю. Н.* Уровень грамотности и образования населения Урала (1861—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1998; *Гаврилов Д. В.* Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885—1900 гг.) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург. 1995. № 2; *Сафронов А. А.* Грамотность башкир Урала в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII—XX вв.) : материалы Третьей всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск. 1998. Т. 2. С. 193—196; *Его же.* Данные Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. о грамотности немцев Урала // Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI — XX вв.». Екатеринбург, 3—9 сентября 1999 г. Екатеринбург, 2001. С. 176—184.

данные о грамотности этих народов «на других языках» — понять, о каких языках может идти речь.

Для выяснения причин относительно высокой или, напротив, низкой грамотности отдельных сословий, населения конкретных территорий привлекались дополнительные источники — общероссийская школьная статистика на 1 января 1894 г., как наиболее приближенная по времени к переписи населения. Сбор сведений о школах проводился за три года до переписи, также в общероссийском масштабе, и учитывал все виды школ. Правда, большинство статистических таблиц приводилось в этом издании лишь в отношении «правильно организованных училищ», в то время как «неправильно организованные» (школы грамоты у православного населения, магометанские в селениях мусульман, хедеры евреев) учитывались в ограниченном ряде случаев.

Выводы

Информационный потенциал материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. в отношении грамотности населения определяется ее программой, т. е. формулировкой вопросов, по которым собиралась информация, и тем, как обрабатывались полученные данные, в связи с какими другими данными они группировались.

В ходе проведения переписи 1897 г. регистрировалось лишь умение читать, не ставилась задача сбора достоверных данных о грамотности народов на родном языке — она учитывалась лишь в случае, если человек не умел читать по-русски. Поэтому материалы переписи 1897 г. позволяют судить лишь о лицах, умеющих читать, а в отношении многочисленных народов — о лицах, умеющих читать по-русски или только на родном языке, нет возможности проследить распространение грамотности на русском и родном языке одновременно, судить об удельном весе лиц, умеющих не только читать, но и писать.

Изучение уровня грамотности населения отдельных регионов страны, в том числе Урала, лучше всего вести по данным, опубликованным в томах погубернской разработки материалов переписи, как более информативным по сравнению с данными, приведенными в аналогичных таблицах «Общего свода» материалов переписи. Из 25 таблиц, составленных разработчиками переписи

1897 г., данные о грамотности населения представлены в трех — III-б, IX и XV.

Благодаря увязке числа грамотных и неграмотных с другими показателями, характеризующими население, материалы переписи дают возможность получить широкий спектр данных об удельном весе грамотных внутри каждой сословной группы, увязать их с возрастом, полом, местом проживания; провести различие между городским и сельским населением по каждой губернии, каждому уезду, в отношении каждого из народов Урала. Имеется возможность проследить динамику распространения грамотности от поколения к поколению, изучить вопрос о грамотности детей и молодежи в возрасте 10–19 лет — самом грамотном поколении XIX столетия, о грамотности детей до 10 лет, чтобы понять, в каких сословиях, у каких народов, на каких территориях раньше начинали обучать детей грамоте.

При использовании и интерпретации данных переписи о грамотности следует иметь в виду, что эти данные приводились не в отношении постоянно проживавшего населения, а наличного, т. е. оказавшегося в данном населенном пункте в момент проведения переписи.

Использование компьютера и современного программного обеспечения открывает широкие возможности для обработки данных переписи. Сплошной обработке были подвергнуты показатели грамотности по 34 уездам, 39 городам, по каждой из губерний Урала в целом, отдельно для женщин, мужчин, 4 сословным и 7 возрастным группам, выделенным организаторами переписи, для 9 млн 822 тыс. человек. Выборочный метод обработки данных был отвергнут, как не позволяющий выявить все особенности состояния грамотности населения отдельных территорий.

В результате удалось получить широкую базу данных о грамотности населения Урала, состоящую более чем из 24 тыс. показателей. Часть их оформлена в виде 74 таблиц в самой работе. Табличный способ организации данных делает их не только более наглядными, но и позволяет широко использовать метод сравнительного анализа данных о грамотности, выявить наиболее высокие и низкие показатели, проследить изменения в распространении грамотности в зависимости от тех или иных факторов. Все сравнения проводились по сходному набору дополнительных

признаков (в отношении мужчин и женщин, отдельных поколений, городской и сельской местности, конкретных городов и уездов и т. д.).

Новая методика расчета общих показателей грамотности, по отношению не ко всей массе населения, включая младенцев, а лишь грамотноспособному населению от 10 лет и старше, позволяет избежать искусственного занижения уровня грамотности, поскольку дети до 10 лет в условиях высокой рождаемости составляли более четверти населения.

При пользовании данными таблицы XV следует учитывать особенности их организации и включать число лиц, получивших образование выше начального, в число грамотных, чтобы избежать занижения показателей грамотности в зависимости от национальной принадлежности.

Глава 3

ГРАМОТНОСТЬ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НА УРАЛЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.

3.1. Грамотность дворян и чиновников

Вопрос о грамотности дворян и чиновников, а также членов их семей представляет особый интерес, поскольку наряду с духовенством это была самая образованная часть населения дореволюционного Урала. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. содержат наиболее полные данные о грамотности этой социальной группы.

Согласно переписи, на территории четырех губерний Урала на январь 1897 г. насчитывалось 55 356 «дворян потомственных и личных, чиновников не из дворян и их семей», что составляло 0,56 % всего населения края. В солидном издании «История Урала в период капитализма» допускается неточность: эти данные отнесены только к дворянству¹. Большинство дворян и чиновников проживало в городах — 33 694 человека или 60,9 %, на селе — 21 662 человека, или 39,1 %. Это неудивительно — именно в городах находилось большинство государственных учреждений.

Особый интерес представляет вопрос о распределении этой социальной группы по губерниям Урала. Для большей наглядности сведем данные переписи в таблицу и определим удельный вес дворян-чиновников по отношению ко всему населению губернии и удельный вес дворян-чиновников каждой губернии по отношению к общей их массе на Урале (табл. 1).

---

¹ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 104.

Т а б л и ц а 1

*Распределение дворян и чиновников по губерниям Урала
по переписи 1897 г.**

Губерния	Число жителей, чел.	Дворян-чиновников, чел.	Удельный вес в губернии, %	Уд. вес по отношению ко всему дворянству-чиновничеству Урала, %
Вятская	3 030 831	10 007	0,33	18,1
Пермская	2 994 302	17 482	0,58	31,6
Оренбургская	1 600 145	12 045	0,75	21,7
Уфимская	2 196 642	15 822	0,72	28,6

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... Т. 10. С. 52, 57; Т. 21. С. 60, 65; Т. 28. С. 28, 35; Т. 45. С. 18, 23.

Полученные данные свидетельствуют, что наибольшее число дворян и чиновников насчитывалось в Пермской и Уфимской губерниях, в Пермской — почти треть от проживавших на Урале (31,6 %). Наибольший же удельный вес по отношению к другим слоям населения они составляли в Оренбургской и Уфимской губерниях. В Вятской губернии дворян и чиновников было меньше всего, здесь они имели и самый низкий удельный вес по отношению к остальному населению.

Если вычислять удельный вес грамотных дворян и чиновников ко всей их массе, то общий показатель грамотности этой социальной группы на Урале составит 71,6 %, среди мужчин — 74,3 %, среди женщин — 69,2 %. Поскольку в общей массе дворян-чиновников дети младше 10 лет составляли 23 %, почти четверть, то, исключив их из рассмотрения, получим более корректный общий показатель грамотных среди дворян-чиновников по Уралу — 86,8 %, среди мужчин — 91,5 %, среди женщин — 82,8 %. Это очень высокие показатели, если учесть, что в целом по Уралу среди мужчин от 10 лет и старше умело читать 34,6 %, среди женщин — 12,8 %. Ясно, что показатели грамотности мужчин дворян-чиновников были выше в 2,6 раза, женщин — в 6,5 раза общих показатели грамотности уральского населения.

Это неудивительно. Для детей дворян школьное обучение было объявлено обязательным еще в первой четверти XVIII в. указами Петра I. В 1737 г. указом Анны Иоанновны дети дворян

получили право обучаться дома с 7 до 20 лет. Расписывался круг «наук», которые они должны были усвоить за это время, порядок явки на смотр и сдачи экзаменов². Хотя эти нормы законодательных актов далеко не всегда выполнялись, они сыграли большую роль в распространении грамотности среди дворян. Издание в 1722 г. Табели о рангах, закрепившей принцип продвижения чиновников по служебной лестнице в зависимости от личной выслуги, дававшей возможность выходцам из низших сословий получить личное, а потом и потомственное дворянство, безусловно, стимулировали обучение грамоте детей дворян и чиновников не из дворян с самого младшего возраста. Как показал С. М. Троицкий, в XVIII в. формирование бюрократии шло за счет всех сословий и слоев населения России, хотя их удельный вес в составе бюрократии и не был одинаков. Немаловажное значение для привлекательности государственной службы имело введение казенного жалованья чиновникам, оно явилось стимулом не только для разночинцев, но и беспоместных дворян³.

В XIX в. школьное обучение детей дворян, чиновников стало обыденностью. Молодое поколение в семьях дворян и чиновников не только усваивало основы грамоты, но и получало начальное образование в приходских, уездных, городских училищах, пансионах; среднее — в общеобразовательных учебных заведениях: гимназиях, реальных училищах и в различного рода специальных — военных, горных и др.

Девочки с 1804 г. могли обучаться в приходских училищах Министерства народного просвещения, в 1850 г. в виде опыта на территории Казанского учебного округа, куда входил Урал, разрешалось открывать женские отделения приходских училищ с расширенной программой. Хотя эти учебные заведения привлекали в основном дочерей купцов и мещан, в них обучались и дворянки. В городах Урала с 1830–1840-х гг. начали открываться частные женские пансионы, куда в основном отдавались девочки

---

² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XVIII в. — первая половина XIX в. М., 1973. С. 48.

³ См.: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М., 1974. С. 267—294.

из дворянских и чиновничьих семей⁴. В Оренбурге в 1832 г. было открыто девичье училище для дочерей дворян, чиновников, купцов, в 1848 г. преобразованное в институт благородных девиц⁵ — среднее учебное заведение для дочерей дворян. С 1860-х гг. начали открываться средние сословные женские учебные заведения — училища Ведомства учреждений императрицы Марии, переименованные в мариинские гимназии, и училища Министерства народного просвещения (МНП) с 6-летним курсом I разряда, дополнявшиеся училищами с 3-летним курсом II разряда, с 1870 г. это гимназии и прогимназии МНП. Большую часть учащихся этих учебных заведений составляли девочки из семей дворян и чиновников. Гимназии открывались в губернских городах, прогимназии и училища II разряда — в уездных, постепенно они перерастали в полноценные гимназии. К 1875 г. все 5 женских гимназий Уральского учебного округа имели 7 основных и 8-й педагогический класс, прогимназии действовали в Ирбите, Камышлове, Мензелинске, Троицке, Бирске, Челябинске, Оренбурге, Кунгуре; в 1881 г. были открыты в Перми, Осе, Красноуфимске⁶.

Среди других сословных групп, выделенных организаторами переписи, выше удельный вес грамотных был только у духовенства — 91,8 % против 86,8 % у дворян-чиновников. В среде «городских сословий» Урала в целом был грамотен почти каждый второй — 49 %, но если грамотность мужчин в этой социальной группе составляла 61,6 %, то женщин — только 37,1 %. Еще ниже показатели грамотности у самой многочисленной группы Урала — «лиц сельского состояния», составлявшей 94,4 % населения, — 32,7 % грамотных мужчин и только 10,8 % грамотных женщин.

Даже у привилегированных сословий наблюдались различия в уровне грамотности между горожанами и жителями уездов — в городах уровень грамотности дворянства-чиновничества был

---

⁴ См.: *Шишонко В.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 249, 258.

⁵ См.: *Очерки по истории Башкирской АССР* : в 2 т. Уфа, 1959. Т. 1.

⁶ См.: *Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875—1899)*. Уфа, 1901. С. 20, 38—39, 41—43.

значительно выше, чем в сельской местности — 93,9 % против 74,9 % грамотных соответственно. Поэтому имеет смысл рассматривать половозрастное распределение грамотных по губерниям Урала отдельно — по городам и уездам.

Т а б л и ц а 2

*Удельный вес грамотных среди мужчин дворян и чиновников
в городах Урала в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	99,4	98,4	98,1	96,4	98,1
20—29	99,4	98,8	97,3	94,7	97,7
30—39	99,8	99,4	98,1	96,0	98,5
40—49	99,0	99,6	99,3	95,1	98,5
50—59	99,2	98,9	95,1	98,2	98,0
60 и более	99,4	97,7	96,2	97,2	97,5
Всего	99,4	98,9	97,7	96,0	98,1

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52; Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 28; Т. 45. С. 18.

Вычисленные нами данные (табл. 2) позволяют утверждать, что в городах Урала мужчины дворяне-чиновники и их сыновья в конце XIX в. были почти поголовно грамотны. Во всех возрастных группах удельный вес грамотных колебался от 97,5 до 98,5 %. Так, из 2 411 мужчин в возрасте 20–29 лет неграмотных было лишь 55 человек, из 2 487 30–39-летних — 37 и т. д.

Сравнение общих показателей грамотности мужчин дворян-чиновников по городам губерний приводит к выводу, что наиболее высокий показатель грамотности у горожан этой социальной группы был в Вятской губернии (99,4 %), а наиболее низкий — в Уфимской (96 %). При этом ни в одной из уральских губерний не прослеживается тенденция неуклонного роста грамотности от старших возрастных групп к младшим. В некоторых старших группах показатели грамотности выше, чем в младших. Например, в Уфимской губернии среди мужчин 50–59 лет грамотных 98,2 % (222 грамотных против 4-х не умевших читать), а среди 20–29-летних удельный вес грамотных меньше — 94,7 % (446 грамотных против 25).

Проанализируем данные о грамотности дворян и чиновников мужчин, проживавших в уездах уральских губерний (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

*Удельный вес грамотных среди мужчин дворян и чиновников
в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	97,4	96,3	69,4	53,3	98,5
20—29	98,6	99,0	86,8	65,5	93,5
30—39	99,3	98,5	91,6	69,4	89,9
40—49	98,9	97,6	85,7	66,7	81,3
50—59	96,9	98,6	87,5	59,4	66,1
60 и более	96,1	97,5	87,7	55,1	47,8
Всего	98,4	98,1	84,9	61,6	83,6

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52; Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 28; Т. 45. С. 18.

Удельный вес умеющих читать среди грамотноспособного населения в сельских населенных пунктах был ниже, чем в городах — 83,6 % против 98,1 %. Сравнение общих показателей грамотности по губерниям приводит к выводу, что для сельчан они распределяются в той же последовательности, что и для горожан: наиболее высок удельный вес грамотных в Вятской губернии — 98,4 %, чуть ниже в Пермской — 98,1 %, в селах Оренбургской губернии этот показатель значительно ниже — 84,9 %, а в Уфимской налицо сильное отставание — в 1,6 раза от Вятской и Пермской губерний.

Среди жителей уездов, как и городов, отсутствует четкая тенденция роста удельного веса грамотных от старших возрастных групп к младшим. Наиболее высокий удельный вес грамотных во всех губерниях наблюдался среди 30–39-летних мужчин (исключение — Пермская губерния, где лидирует поколение 20–29-летних). Как это ни странно, среди 20–29-летних во всех губерниях, кроме Пермской, уровень грамотности ниже и еще более снижается среди 10–19-летних, здесь и Пермская губерния — не исключение. Особенно низки показатели грамотности сыновей дворян и чиновников 10–19 лет в сельской местности

Оренбургской и Уфимской губерний — 69,4 и 53,3 %. Приведем конкретные данные: в Оренбургской губернии на 145 грамотных приходилось 64 не умеющих читать, а в Уфимской на 448 грамотных — 393 неграмотных!

Это уникальное явление требует выявления дополнительных источников в будущем для объяснения его причин. Безусловно, сказывалась нехватка школ в уральской глубинке, в которых дети дворян и чиновников могли бы получать основы знаний. В школы вместе с крестьянскими детьми родители, видимо, их отдавать не хотели, мужских гимназий и прогимназий явно не хватало. Но ведь научить чтению и письму можно было и на дому, за плату. Странно, что в конце XIX в. почти половина сыновей дворян-чиновников на Южном Урале в возрасте 10–19 лет оставались неграмотными.

Если среди мужчин дворян и чиновников от 10 лет и старше общий показатель грамотности по всем четырем губерниям Урала составлял 91,5 %, то среди женщин — 82,8 %. В связи с колебаниями в уровне грамотности среди жителей городов и сел рассмотрим данные о грамотности женщин отдельно для каждой из этих местностей (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

*Удельный вес грамотных среди женщин,
членов семей дворян и чиновников, в городах Урала в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	99,3	98,4	97,6	95,0	97,8
20—29	98,6	96,9	95,7	90,8	95,7
30—39	94,9	94,3	92,9	90,4	93,4
40—49	90,9	90,8	86,1	84,4	88,5
50—59	84,0	83,0	73,0	79,0	80,2
60 и более	81,8	70,1	65,9	63,0	69,4
Всего	93,7	91,7	89,1	85,7	90,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52; Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 28; Т. 45. С. 18.

У женщин этой социальной группы, проживавших в городах, грамотность в целом была ниже, чем у мужчин — 90,3 % против 98,1 %. Причем среди женщин старше 60 лет грамотных было

всего 69,4 %, в то время как у мужчин той же возрастной группы этот показатель составлял 97,5 % (разница составляла 28,1 %). Среди 50–59-летних аналогичные показатели равнялись 98 и 80,2 % (разница — 17,8 %). У 40–49-летних разрыв в удельном весе грамотных мужчин и женщин уже только 10 % (98,5 % грамотных мужчин против 88,5 % грамотных женщин). У детей и молодежи различия практически сходят на нет — среди 20–29-летних грамотными были 97,7 % юношей и 95,7 % девушек, среди 10–19-летних — 98,1 % мальчиков и 97,8 % девочек. То есть разница между полами по грамотности у молодых поколений составляла всего 2 и 0,3 %. Таким образом, можно сделать вывод, что детей дворян и чиновников, родившихся в 1868–1886 гг. и проживавших в городах Урала, обучали почти всех в равной степени, как мальчиков, так и девочек.

У женщин-горожанок — членов семей дворян и чиновников — имели место существенные колебания в уровне грамотности по губерниям. Наиболее высок показатель грамотности у женщин в городах Вятской губернии — 93,7 %, в Пермской губернии он составлял 91,7 %, в Оренбургской — 89,1 % и в Уфимской — 85,7 %. Самые сильные различия у женщин-горожанок старшего поколения: в возрасте 60 лет и старше грамотных в Вятской губернии было 81,8 %, в Пермской — 70,1 %, в Оренбургской — 65,9 %, в Уфимской — 63 %. Начиная с 50–59 лет близки показатели грамотности женщин в городах Вятской и Пермской губерний, в Оренбургской и Уфимской они по-прежнему низкие, но уже в меньшей степени. У 10–19-летних дочерей дворян и чиновников уровень грамотности в городах Урала почти одинаков.

В отличие от мужчин у женщин-горожанок всех четырех губерний налицо постоянная тенденция роста грамотности от старших возрастных групп к младшим. Причем в Оренбургской и Уфимской губерниях грамотность среди 10–19-летних выросла по сравнению с женщинами 60 лет и старше в 1,5 раза, в Пермской губернии — в 1,4, в Вятской — в 1,2 раза, т. е. в губерниях с более низкими показателями грамотности тенденции к их росту были более сильными.

Т а б л и ц а 5

Удельный вес грамотных среди женщин, членов семей дворян и чиновников, в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %*

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	94,4	94,8	74,6	48	67,9
20—29	96,1	95,6	76,0	56,1	77,9
30—39	93,5	91,7	74,7	52,4	74,6
40—49	90,3	87,9	67,8	49,9	71,2
50—59	82,3	76,1	64,3	50,8	64,8
60 и более	71,5	59,4	44,6	42,8	51,1
Всего	90,7	88,1	69,1	50,7	70,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52; Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 28; Т. 45. С. 18.

Данные табл. 5 убедительно свидетельствуют, что в сельской местности уровень грамотности женщин отдельных губерний имел гораздо более резкие различия, чем у женщин, проживавших в городах. Наиболее высокий процент грамотных женщин в семьях дворян и чиновников был в уездах Вятской губернии — 90,7 %, чуть ниже в уездах Пермской губернии — 88,1 % (разница — 2,6 %), значительно ниже в Оренбургской — 69,1 % (разница — 21,6 %). В Уфимской губернии в уездах около половины женщин из семей дворян и чиновников не умели читать! Если в других губерниях налицо рост удельного веса грамотных от старших поколений к младшим, то в Уфимской губернии он, по сути, отсутствовал. Таким образом, и в отношении грамотности женщин в семьях дворян-чиновников в сельской местности та же картина, что и в отношении мужчин — около половины их остаются неграмотными, причем во всех поколениях. Подтверждается отсутствие широкой практики, традиции распространения грамотности не только через школу, но и на дому.

Как и у мужчин, у женщин из семей дворян и чиновников, проживавших в сельской местности, налицо снижение удельного веса грамотных в самом молодом поколении — 10–19 лет. Это явление наблюдается во всех уральских губерниях. Если в Вятской, Пермской, Оренбургской показатель грамотности снижается

менее чем на 2 %, то в Уфимской губернии происходит спад с 56,1 до 48 %.

У женщин по сравнению с мужчинами чуть больше разрыв общих показателей уровня грамотности между проживавшими в городе и сельской местности: 90,3 % в городах против 70,2 % на селе; у мужчин же аналогичные показатели — 98,1 % против 83,6 %.

3.2. Грамотность духовенства

Как уже отмечалось, в таблице IX данные о числе грамотных среди духовенства относились не ко всему духовному сословию, а лишь к духовенству «христианских вероисповеданий», информация о грамотности мусульманского духовенства для нас утрачивается.

Из 9 млн 822 тыс. населения Урала «лиц духовного звания всех христианских вероисповеданий» насчитывалось 36,5 тыс., что составляло примерно 0,37 % населения края. В «Истории Урала» ошибочно эти данные отнесены ко всему духовенству Урала, включая и мусульман⁷.

В отличие от дворян и чиновников, большинство которых сосредотачивалось в городах, почти 3/4 представителей этой сословной группы проживало на селе (около 27 тыс. человек, или 73,9 %), в городах Урала — лишь 9 510 человек, или 26,1 %, что неудивительно — в сельской местности проживало большинство населения, здесь было больше церквей, чем в городах. По губерниям духовенство распределялось неравномерно, что видно из табл. 6.

Эти данные свидетельствуют, что основная масса духовенства христианских вероисповеданий сосредотачивалась в Вятской и Пермской губерниях (71,8 % или более 2/3 духовного сословия), в Оренбургской духовных лиц — христиан было в два с лишним раза меньше, чем в каждой из вышеназванных губерний, в Уфимской же — почти в три раза, что объяснялось двумя причинами — меньшей общей численностью населения в этих губерниях и высоким удельным весом башкир и татар, за редким исключением исповедовавших ислам.

---

⁷ История Урала в период капитализма. С. 104.

Т а б л и ц а 6

Распределение духовенства христианских вероисповеданий по губерниям Урала по переписи 1897 г.*

Губерния	Число жителей, чел.	Духовенство, чел.	Удельный вес в губернии, %	Уд. вес по отношению ко всему духовенству Урала, %
Вятская	3 030 831	13 912	0,46	38,1
Пермская	2 994 302	12 293	0,41	33,7
Оренбургская	1 600 145	5 863	0,37	16,1
Уфимская	2 196 642	4 426	0,20	12,1

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52; Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 29; Т. 45. С. 18.

Поскольку более 2/3 духовенства христианских вероисповеданий проживало в Вятской и Пермской губерниях, именно оно и определяло фактически общий показатель грамотности этого сословия на Урале.

Если исключить детей младше 10 лет, большинство которых в силу своего возраста не могло обучаться грамоте, общий уровень грамотности представителей этой сословной группы на Урале составлял, согласно нашим подсчетам, 91,8 %. Среди мужчин грамотных было 99,3 %, среди женщин — 86,4 %. Это высокие показатели, если учесть, что в целом среди населения Урала в возрасте от 10 лет и старше грамотных было лишь 23 %.

Сравним общие показатели грамотности духовенства с другими сословными группами, которые были выделены организаторами переписи. Для большей наглядности представим полученные данные в виде таблицы (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

*Удельный вес грамотных среди населения Урала
в зависимости от сословной принадлежности по данным
переписи 1897 г. (от 10 лет и старше), %**

Губерния	Духовенство	Дворяне- чиновники	«Городские сословия»	«Лица сель- ского со- стояния»
Вятская	92,7	95,2	68,1	19,2
Пермская	91,4	94,2	64,6	22,0
Оренбургская	90,6	88,4	35,8	25,0
Уфимская	91,8	71,2	42,6	20,8
В целом по Уралу	91,8	86,8	49,0	21,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52–54; Т. 21. С. 60–62; Т. 28. С. 28–31; Т. 45. С. 18–20.

Полученные данные позволяют сделать убедительный вывод о том, что духовенство на Урале являлось самым грамотным сословием — опережало по уровню грамотности городские сословия в 1,4 раза, «лиц сельского состояния» — в 4,3 раза. Даже дворяне-чиновники по общему показателю грамотности (86,8 %) уступали духовенству, среди которого грамотных было 91,8 %.

Чем можно объяснить это явление? Духовенство, как и дворяне, обязывалось обучать своих детей грамоте, начиная со времен Петра I. Согласно Духовному регламенту 1721 г. дети духовенства должны были учиться в школах духовного ведомства, в каждой епархии архиереи обязывались открывать школы для таких детей. При проведении ревизий населения дети действительно служащих церковнослужителей, не знавшие грамоту, исключались из духовного сословия, зачислялись в податные, на них уже распространялась и рекрутская повинность. В ходе ревизий и во время промежуточных чисток духовного сословия по каждой епархии проводились смотры детей, экзамены на знание грамоты⁸. Поэтому духовенство начиная с XVIII в. старалось обучать своих сыновей грамоте. Постепенно это распространи-

⁸ См. об этом: Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 99—112.

лось и на девочек. В среде духовенства, видимо, в большей степени, чем среди дворян-чиновников, сказывалось стремление научить своих детей в раннем возрасте чтению, чтобы они могли читать церковную литературу. Эти традиции, безусловно, положительно влияли на распространение грамотности в духовной среде.

В XIX в. на Урале действовала широкая сеть духовных училищ — в Вятке, Перми, Екатеринбурге, Уфе, Оренбурге, Челябинске, Соликамске, Далматово, Камышлове, Троицке. В 1885 г. в 13 духовных училищах обучалось 2 067 учащихся. Средние специальные учебные заведения духовного ведомства — семинарии — действовали в Вятке, Перми, Уфе, Оренбурге⁹. Дочери духовенства обучались грамоте в приходских училищах, церковно-приходских школах, духовенство отдавало дочерей в прогимназии, гимназии. Во второй половине XIX в. в губернских центрах Урала и Екатеринбурге были открыты средние общеобразовательные школы — епархиальные училища, где девочек из духовного сословия обучали бесплатно¹⁰. Их выпускницы выходили замуж за выпускников семинарий, работали учительницами в церковно-приходских школах, школах грамоты.

Как и среди дворян-чиновников, в среде духовенства налицо небольшие различия в грамотности в зависимости от места проживания — в городе или сельской местности. Если для грамотноспособных горожан духовного сословия (мужчин и женщин) общий показатель грамотности составлял 95,9 %, то в уездах он равнялся 90,1 %.

Сравним уровень грамотности у мужчин и женщин духовного сословия по Уралу в целом. Грамотность среди мужчин приближалась к всеобщей — 99,3 % из них умели читать. Неграмотность была редким исключением: во всех четырех губерниях Урала из 11 669 мужчин в возрасте от 10 лет и старше неграмотных всего 82 человека, в группе 10–19-летних из 3 215 мужчин неграмотных — 19 человек, в группе 50–59-летних из 1 156 — 8 человек и т. д.

---

⁹ Сафронова А. М. Семинарии // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 484.

¹⁰ Сафронова А. М. Епархиальные училища // Там же. С. 199.

Если взять отдельные губернии, то в Вятской из 4 458 мужчин старше 10 лет не умел читать всего 21 человек, в Пермской из 3 981 — 31, в Оренбургской из 1 868 — 23, в Уфимской губернии из 1 356 — 7. Вероятнее всего, неумение читать в данных случаях было следствием как врожденных, так и приобретенных болезней, или, как сейчас принято говорить, инакоразвитых умственных или физических способностей человека (слепые, глухие, умственно отсталые).

Особый интерес представляет вопрос о различиях в грамотности мужчин духовного сословия в зависимости от места проживания — в городе или на селе (табл. 8–9).

Т а б л и ц а 8

*Удельный вес грамотных среди мужчин духовного сословия
в городах Урала в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	99,9	99,9	100	100	99,9
20—29	100	99,5	100	100	99,8
30—39	98,9	99,2	100	100	99,4
40—49	100	98,8	100	100	99,6
50—59	100	100	100	100	100
60 и более	98,6	100	100	100	99,5
Всего	99,8	99,7	100	100	99,8

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52; Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 29; Т. 45. С. 18.

В городах Урала проживало 3 943 мужчины от 10 лет и старше, при этом 59,9 % из них составляли мальчики и юноши в возрасте 10–19 лет. По-видимому, такое сосредоточение молодежи в городах происходило за счет того, что сюда для обучения в духовных училищах и семинариях съезжалась молодежь из села. Как видно из табл. 8, в Оренбургской и Уфимской губерниях все мужчины грамотны. В Вятской и Пермской губерниях в ряде возрастных групп показатели грамотности ниже, но за этими 0,1—1,4 % неграмотных стоят всего 7 человек — по одному неграмотному на каждую возрастную группу, в которых отсутствовала стопроцентная грамотность.

Т а б л и ц а 9

*Удельный вес грамотных среди мужчин духовного сословия
в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	98,5	98,8	96,7	95,3	98,0
20—29	99,3	98,9	98,6	100	99,1
30—39	99,5	99,7	98,5	100	99,5
40—49	100	99,1	98,0	99,2	99,2
50—59	99,6	99,0	99,3	97,4	99,2
60 и более	99,1	97,8	96,3	100	98,4
Всего	99,4	99,0	98,1	99,1	99,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52;
Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 29; Т. 45. С. 18.

Из данных табл. 9 видно, что уровень грамотности мужчин в уездах Урала был чуть ниже, чем в городах — 99 % против 99,8 %. По сути, отсутствовали различия в грамотности между возрастными группами — между стариками и молодежью. В отдельных возрастных группах имела место стопроцентная грамотность. Но и колебания в грамотности у молодежи 10–19 лет в Оренбургской и Уфимской губерниях (96,7–95,3 %) незначительны, если учесть, что в первой не умели читать пятеро из 153, во второй — четверо из 86 человек.

Если у мужчин духовного сословия, проживавших в городах и на селе, различия в уровне грамотности почти отсутствуют, то у женщин налицо заметные колебания. Рассмотрим, насколько отличалась грамотность женщин в городах и уездах Урала, одновременно учтем различия в грамотности и в зависимости от возраста (табл. 10–11).

Т а б л и ц а 1 0

*Удельный вес грамотных среди женщин духовного сословия
в городах Урала в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	99,7	99,5	98,9	99,6	99,5
20—29	97,0	95,5	97,2	91,3	95,1
30—39	96,5	95,7	89,2	86,6	92,6
40—49	94,2	86,6	94,9	93,9	92,1
50—59	81,9	79,7	89,0	81,5	82,8
60 и более	73,1	76,0	75,6	71,7	74,2
Всего	92,9	92,9	92,9	90,2	92,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52;
Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 29; Т. 45. С. 18.

Т а б л и ц а 1 1

*Удельный вес грамотных среди женщин духовного сословия
в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	98,1	96,6	93,0	98,5	96,7
20—29	97,7	96,9	91,5	93,5	96,1
30—39	94,3	88,7	86,0	89,9	90,7
40—49	84,5	79,4	76,2	81,3	81,2
50—59	69,0	68,1	62,6	66,1	67,8
60 и более	58,1	52,5	36,4	47,8	52,5
Всего	86,2	83,3	80,2	83,6	84,1

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52;
Т. 21. С. 60; Т. 28. С. 29; Т. 45. С. 18.

Прежде всего следует отметить более низкие общие показатели грамотности женщин по сравнению с мужчинами: в городах 92,4 % грамотных женщин против 99,8 % грамотных мужчин, в уездах 84,1 % грамотных женщин против 99 % мужчин. Данные табл. 10 и 11 убедительно свидетельствуют, что в женской среде были более значительными различия в уровне грамотности и между отдельными возрастными группами, чем у мужчин.

В городах во всех губерниях налицо неуклонная тенденция возрастания удельного веса грамотных от старших возрастных групп к младшим. Если среди женщин 60 лет и старше грамотных было примерно 3/4, то среди девочек 10–19 лет — почти все. Исключением явилось поколение 30-летних женщин Оренбургской и Уфимской губерний, среди которых грамотных стало меньше по сравнению с поколением 40–49 лет. В Уфимской губернии даже женщины 20–29 лет уступали по уровню грамотности 40-летним. Необходимо в дальнейшем провести поиски источников по обучению девочек в 50–60-е гг. XIX в. в Уфимской губернии — поколения, ставшего 40-летним к концу века, — и выяснить причины спада грамотности в последующие 20 лет, чтобы ответить на вопрос, было ли это связано с уменьшением числа школ или являлось следствием других факторов.

Примечательно, что общие показатели грамотности женщин духовного сословия, проживавших в городах трех губерний — Вятской, Пермской и Оренбургской, — абсолютно идентичны (92,9 % грамотных). В Уфимской губернии общий показатель грамотности ниже — 90,2 %, и это объясняется в первую очередь снижением уровня грамотности у двух поколений 20- и 30-летних женщин.

Еще большие колебания в уровне грамотности женщин на селе — как между губерниями, так и между возрастными группами. Вятская губерния лидировала среди других по общей грамотности женщин духовного сословия — 86,2 % грамотных на селе. Пермская и Уфимская губернии имели примерно одинаковые показатели — 83,3 и 83,6 % грамотных, Оренбургская отставала — 80,2 % грамотных женщин. В Оренбургской губернии был самый низкий показатель грамотности у женщин духовного сословия старше 60 лет — всего 36,4 %, т. е. только чуть более трети женщин умели читать.

3.3. Грамотность «городских сословий»

В материалах разработки переписи 1897 г. в отдельную социальную категорию были выделены «городские сословия». К ним были отнесены почетные граждане, купцы, мещане и другие «городские сословия», без их более детальной расшифровки.

Согласно данным переписи в 1897 г. на Урале к этим сословиям принадлежало 439 тыс. человек из 9 млн. 822 тыс. Они составляли всего 4,5 % населения региона, но превосходили по численности дворян-чиновников и духовенство. Представители «городских сословий» проживали не только в городах, но и в сельской местности: к числу мещан разработчиками переписи были причислены работники заводов, отставные солдаты с семьями¹¹. В условиях развития капитализма образовывались новые индустриальные центры, не причисленные официально к городам. На Урале это были, прежде всего, горнозаводские поселки, а также крупные торгово-промышленные села. Было выпущено специальное издание, содержащее сведения о таких населенных пунктах¹². На Урале насчитывалось несколько десятков подобных поселений. Покажем наиболее крупные из них (табл. 12).

Т а б л и ц а 12

Крупнейшие заводские поселки Урала по переписи 1897 г.*

Поселок	Число жителей, чел.
<i>Вятская губерния</i>	
Ижевский оружейный завод	41 074
Воткинский завод	21 621
<i>Пермская губерния</i>	
Нижнетагильский завод	31 449
Мотовилихинский завод	16 337
Каслинский завод	14 774
Невьянский завод	13 583

¹¹ История Урала в период капитализма. С. 108.

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : города и поселения в уездах, имеющие 2 000 и более жителей. СПб., 1905.

О к о н ч а н и е   т а б л .   1 2

Поселок	Число жителей, чел.
Нижнесалдинский завод	13 043
Верх-Кыштымский завод	12 869
Верх-Исетский завод	12 734
Нязепетровский завод	11 763
Березовский завод	11 174
Нижнесергинский завод	10 738
Сылвенский завод	10 382
<i>Оренбургская губерния</i>	
Белорецкий завод	12 838
Миасское село	17 030
<i>Уфимская губерния</i>	
Катав-Ивановский завод	8 657
Кусинский завод	9 273
Благовещенский завод	5 420

* Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905. С. 20, 40–41, 44–46, 74.

Обращает на себя внимание большое число заводских поселений в Пермской губернии. Только в перечисленных нами проживало почти 159 тыс. человек, в то время как во всех городах губернии насчитывалось немногим более 179 тыс. жителей. Отметим, что поселок Ижевского оружейного завода (41 тыс. чел.) являлся самым крупным негородским поселением в России конца XIX в. — более крупных поселков материалы переписи не зарегистрировали.

Естественно, что большинство представителей «городских сословий» проживало в городах — 247 тыс. человек, но и в уездах всех четырех губерний Урала эта социальная группа в конце XIX в. была многочисленной — 192 тыс. человек, или 43,7 % от общей численности ее на Урале. Если в городах «городские сословия» составляли самую многочисленную группу населения — 46,1 %, то в уездах они имели удельный вес всего 2,1 %.

Прежде чем говорить о грамотности этих сословий, рассмотрим, как они распределялись по губерниям Урала (табл. 13).

Т а б л и ц а   1   3
*Распределение «городских сословий» по губерниям Урала
 по переписи 1897 г.**

Губерния	Число жителей, чел.	Все население городов, чел.	«Городских сословий», чел.	Уд. вес «городских сословий», %	
				в губернии	от общего числа «гор. сословий» Урала
Вятская	3 030 831	95 642	59 523	2,0	13,6
Пермская	2 994 302	179 339	106 774	3,6	24,3
Оренбургская	1 600 145	152 601	181 245	11,3	41,3
Уфимская	2 196 642	107 303	91 470	4,2	20,8

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 53; Т. 21. С. 61; Т. 28. С. 30; Т. 45. С. 19.

Из этих данных видно, что больше всего лиц, принадлежавших к «городским сословиям», было в Оренбургской губернии, являвшейся самой малочисленной по населению. Здесь сосредотачивалось, по нашим подсчетам, 41,3 % от всей этой социальной группы, проживавшей на Урале. На Пермскую губернию приходилась почти четверть «городских сословий» Урала, на Уфимскую губернию — 20,8 %. В Вятской же губернии, самой крупной по количеству населения, концентрировалось всего 13,6 %.

Общий показатель грамотности «городских сословий» Урала — 38,6 %, а в отношении грамотноспособного населения — 49 %, т. е. в этой социальной группе умел читать почти каждый второй начиная с 10 лет. «Городские сословия», если исключить из рассмотрения детей до 10 лет, отставали по уровню грамотности от духовенства Урала в 1,9 раза, от дворян и чиновников — в 1,8 раза, но опережали «лиц сельского состояния» в 2,3 раза.

Поскольку разработчики переписи посвятили два тома характеристике рабочего класса России и в первом привели данные о грамотности рабочего класса (в масштабе губернии), возникает возможность вычислить показатели грамотности этой составной части «городских сословий». Эти данные были обработаны и довольно широко представлены Е. И. Рябухиным, поэтому воспользуемся некоторыми полученными им показателями. Из 237,8 тыс.

рабочих, учтенных переписью на Урале (кроме чернорабочих, сельхозрабочих и прислуги), грамотных оказалось 102,2 тыс. человек, или 42,6 %. При этом наиболее грамотными были рабочие Вятской (47,3 %) и Пермской губерний (44,2 %), в Уфимской губернии грамотных было 38,2 %, в Оренбургской — 33,1 %. Грамотность мужчин-рабочих составляла 44,6 %, работниц — 21,6 %¹³. В целом грамотность рабочих была ниже средней грамотности «городских сословий» — 42,6 % против 49 %. Поскольку нет возможности провести сравнение грамотности рабочего класса с грамотностью купцов, мещан, в дальнейшем мы будем рассматривать состояние грамотности «городских сословий» в целом, используя данные погубернской разработки.

Рассмотрим отдельно состояние грамотности «городских сословий», проживавших в городах и сельской местности, мужчин и женщин (табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Удельный вес грамотных среди мужчин «городских сословий» в городах Урала в 1897 г., %*

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	94,2	91,6	70,1	79,1	81,4
20—29	89,6	86,5	63,9	71,4	75,5
30—39	81,3	81,2	54,0	64,5	67,8
40—49	72,4	72,3	46,1	58,6	60,0
50—59	66,7	66,6	38,2	47,7	52,7
60 и более	59,1	56,2	31,4	38,8	43,8
Всего	82,0	79,7	55,6	65,2	68,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 53; Т. 21. С. 61; Т. 28. С. 30; Т. 45. С. 19.

Налицо большие различия в уровне грамотности мужчин «городских сословий», проживавших в городах, по губерниям: в Вятской губернии грамотными были подавляющее большинство мужчин (82 %), в Пермской чуть меньше — 79,7 %, в городах же

¹³ Рябухин Е. И. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907—1914 годы) : в 3 ч. Саратов, 1968. Ч. 1. С. 318.

Уфимской губернии общий показатель грамотности «городских сословий» ниже по сравнению с Вятской почти в 1,3 раза, в Оренбургской — почти в 1,5 раза, по сути, здесь умел читать только каждый второй. Причем эти пропорции сохранялись в отношении всех поколений жителей.

Самые низкие показатели грамотности «городских сословий» в городах Оренбургской губернии были связаны, на наш взгляд, с самой высокой концентрацией их в городах этой губернии — здесь острее должна была ощущаться нехватка действующих школ. Например, в 1886 г. в Екатеринбурге, где имелось 7 начальных городских училищ, открытых городской думой, Екатеринбургское земство констатировало: «Желающих учиться каждый год бывает так много, что значительная часть их получает отказ в приеме...»¹⁴ Не вмещали всех желающих церковно-приходские школы города.

Обратимся к данным школьной статистики: на 1 января 1894 г. низших «правильно организованных» училищ всех ведомств в городах Вятской губернии действовало 74, в Пермской — 95, в Уфимской — 44, в Оренбургской — 53¹⁵. Если мы соотнесем общее число городского населения в каждой из уральских губерний с общим числом имеющихся в городах школ, то получим, что в Вятской губернии на одну школу приходилось 1 292 жителя, в Пермской — 1 887, в Уфимской — 2 438, в Оренбургской — 2 879, т. е. в два с лишним раза больше, чем в Вятской. До 1856 г. в Вятской губернии действовало 13 низших школ в городах, в Пермской — 10, в Уфимской и Оренбургской — по 6, т. е. и старшие поколения были «обижены» наличием школ в Уфимской и Оренбургской губерниях.

В городах Пермской губернии во второй половине XIX в. в отдельные годы открывалось по 6–7–8 училищ, в южных же губерниях Урала — в основном по 1–2¹⁶. Большая часть школ открывалась городскими органами местного самоуправления и церковным ведомством. В Вятской губернии было открыто 20 одно-

---

¹⁴ Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Народное образование. Екатеринбург, 1886. С. II.

¹⁵ Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. 2. С. 81.

¹⁶ Там же.

классных общественных школ, 16 церковно-приходских, в Пермской — соответственно 35 и 20, в Уфимской — 15 и 5, в Оренбургской — 16 и 9. Естественно, что столь малое число школ не могло вместить всех желающих, но за счет развития сети школ, в первую очередь так называемых «неорганизованных», обучения на дому, грамотность «городских сословий» во второй половине XIX в. неуклонно росла.

Во всех губерниях налицо увеличение числа грамотных в каждой последующей возрастной группе. При этом в Вятской и Пермской губерниях грамотность выросла у молодых по сравнению с группой стариков в 1,6 раза, в Уфимской — в 2 раза, в Оренбургской — в 2,2 раза.

В отдельных возрастных группах сохраняются те же пропорции в колебаниях грамотности, что и по губерниям в целом. В Вятской и Пермской губерниях эти показатели очень близки. Но «городские сословия» 10–19 и 20–29 лет в городах Вятской губернии начинают в большей степени опережать пермяков, та же картина и у поколения от 60 лет и старше. Если в Уфимской губернии только 10–19-летние начинают опережать поколение 40-летних Вятской и Пермской губерний, то в Оренбургской губернии даже это самое молодое поколение уступает им по уровню грамотности.

Т а б л и ц а 1 5

Удельный вес грамотных среди мужчин «городских сословий» в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %*

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	86,2	81,2	39,0	48,9	53,1
20—29	86,7	81,9	44,7	51,6	58,9
30—39	80,7	80,3	44,8	52,3	58,4
40—49	73,6	72,9	39,9	46,9	52,9
50—59	66,4	67,8	34,0	39,3	46,3
60 и более	51,3	58,1	25,1	28,6	34,6
Всего	78,5	76,5	39,6	46,9	53,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 53; Т. 21. С. 61; Т. 28. С. 30; Т. 45. С. 19.

В сельской местности общий показатель грамотности «городских сословий» чуть ниже, чем в городах — 53 % против 68,2 % (табл. 15). В отличие от городов нет неуклонного роста грамотности от старших возрастных групп к младшим. Общий показатель грамотности по Уралу изменяется в сторону увеличения у пяти возрастных групп — от 60 лет и старше до поколения 20–29 лет — от 34,6 до 58,9 %. Но у 10–19-летних наблюдается регресс в грамотности, она снижается до 53,1 %.

У «городских сословий» в сельской местности Вятской и Пермской губерний та же тенденция, правда, падение уровня грамотности менее значительно, в долях процента. А в Оренбургской и Уфимской губерниях регресс грамотности начинается у поколения 20–29-летних, продолжается и у молодежи 10–19 лет. Даже молодые поколения «городских сословий» этих губерний в сельской местности так и не достигли уровня грамотности, характерного для стариков Вятской и Пермской губерний.

Если среди мужчин «городских сословий» от 10 лет и старше по Уралу в целом грамотных было 61,6 %, то среди женщин — лишь 37,1 %, т. е. чуть больше трети. Уровень женской грамотности «городских сословий» Урала был в 1,7 раза ниже, чем у мужчин.

Т а б л и ц а 1 6

Удельный вес грамотных среди женщин «городских сословий» в городах Урала в 1897 г., %*

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	87,1	81,6	47,8	55,3	65,0
20—29	76,1	66,7	33,7	43,1	50,9
30—39	56,3	49,9	23,7	31,2	38,2
40—49	39,5	32,7	16,7	23,3	26,6
50—59	27,9	22,7	11,4	15,2	18,7
60 и более	21,3	15,6	8,1	11,4	13,5
Всего	57,9	51,2	28,8	35,5	41,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 53; Т. 21. С. 61; Т. 28. С. 30; Т. 45. С. 19.

Как видно из табл. 16, общий уровень грамотности женщин «городских сословий», проживавших в городах, был несколько

выше общего показателя грамотности женщин по Уралу — 41,4 % против 37,1 %. Если сравнить общие показатели грамотности женщин и мужчин «городских сословий» (41,4 и 68,2 %), то можно сделать вывод, что женщины в городах уступали другому полу в грамотности в 1,6 раза.

Уровень грамотности женщин-горожанок по отдельным губерниям различался в большей степени, чем у мужчин. Если мужчины Вятской губернии опережали в уровне грамотности мужчин Оренбургской губернии в 1,5 раза, то женщины — в 1,8 раза.

У женщин «городских сословий» в городах всех четырех губерний, как и у мужчин, наблюдался постоянный рост грамотности от одной возрастной группы к другой. Причем если у мужчин от старшей возрастной группы (60 лет и старше) к младшей (10–19 лет) грамотность возросла в 1,6–2,2 раза, то у женщин в Вятской губернии налицо рост грамотности в 4,1 раза, в Уфимской — в 4,8, в Пермской — 5,2, в Оренбургской — в 5,9 раза. Таким образом, чем ниже был общий уровень грамотности женщин и чем ниже грамотность пожилых женщин, тем больше рывок в распространении грамотности среди молодых.

А теперь рассмотрим грамотность женщин «городских сословий», проживавших в сельской местности (табл. 17).

Т а б л и ц а 17

Удельный вес грамотных среди женщин «городских сословий» в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %*

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	75,6	72,6	22,6	31,1	39,2
20—29	71,4	64,1	22,9	30,8	38,7
30—39	57,0	50,7	18,5	25,9	31,6
40—49	37,8	37,9	12,2	19,3	22,5
50—59	28,8	29,8	10,1	14,0	17,6
60 и более	18,4	22,7	7,1	10,1	12,2
Всего	56,3	53,0	18,2	25,0	31,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 53; Т. 21. С. 61; Т. 28. С. 30; Т. 45. С. 19.

Сравнение общего показателя грамотности женщин, проживавших в городах Урала, с аналогичным показателем для сельской местности показывает, что удельный вес грамотных женщин «городских сословий» на селе в 1,3 раза меньше, чем в городах. Но по губерниям картина довольно пестрая: в Оренбургской губернии разрыв самый большой — в 1,6 раза, в Уфимской — в 1,4 раза, в Вятской губернии различия незначительны, а в Пермской наоборот — по-видимому, за счет горнозаводских поселков в уездах удельный вес грамотных женщин, принадлежавших к городским сословиям, несколько выше, чем в городах — 53 % против 51,2 %.

Рост удельного веса грамотных от старших возрастных групп к младшим у женщин «городских сословий» в уездах не так быстр, как в городах. В Уфимской губернии — в 3,1 раза (в городах — в 4,8), в Пермской и Оренбургской — в 3,2 раза (в городах в 5,2 и 5,9 раза соответственно). Только в Вятской губернии удельный вес грамотных среди девочек по сравнению с 60-летними и старше, как в городе, так и на селе, вырос в 4,1 раза. Отметим крайне низкую грамотность женщин «городских сословий» в сельской местности Уфимской и, особенно, в Оренбургской губерниях, где даже среди молодежи от 10 до 30 лет умели читать лишь немногим более 30–20 % девушек.

3.4. Грамотность «лиц сельского состояния»

В конце XIX в. Россия продолжала оставаться аграрной страной, подавляющее большинство населения которой занималось сельским хозяйством. На Урале «лиц сельского состояния» насчитывалось 9 млн 267,5 тыс. человек, что составляло 94,4 % всего населения края. Даже в городах Урала 46,1 % населения относилось к этой социальной группе. Следует иметь в виду, что среди них оказались учтенными и крестьяне, казаки из селений, обучавшиеся в городских школах, отданные в ученичество к ремесленникам подростки, крестьяне, работавшие в городах по найму, занимавшиеся здесь торговлей.

Т а б л и ц а 18

Распределение «лиц сельского состояния» по губерниям Урала по переписи 1897 г.*

Губерния	Число жителей, чел.	«Лиц сельского состояния», чел.	Удельный вес в губернии, в %
Вятская	3 030 831	2 944 383	97,1
Пермская	2 994 302	2 849 387	95,2
Оренбургская	1 600 145	1 392 232	87,0
Уфимская	2 196 642	2 081 540	94,8

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 54; Т. 21. С. 62; Т. 28. С. 31; Т. 45. С. 20.

Из данных, приведенных в табл. 18, видно, что больше всего «лиц сельского состояния» проживало в Вятской и Пермской губерниях, здесь они составляли и наибольший удельный вес. В Оренбургской губернии и численность, и удельный вес их были наименьшими. В Уфимской губернии значительный удельный вес среди этой группы составляли башкиры, так как все они были переведены из военного сословия в сельское и по программе переписи учитывались как «лица сельского состояния»¹⁷.

Чтобы лучше понять пути распространения грамотности среди «сельских сословий», рассмотрим кратко, как развивалась сеть школ в селах и деревнях Урала на протяжении XIX в. Первые школы для детей крестьян начали открываться по инициативе верховной власти лишь по уставу учебных заведений Министерства народного просвещения 1804 г. Впервые в масштабах России власти призывали открывать приходские училища для обучения детей чтению церковной и гражданской печати, письму, основам счета, Закону Божьему. Хотя обучение в школах и должно было проводиться бесплатно в течение года, содержание их в государственной деревне возлагалось на самих крестьян, а в помещичьих селениях отдавалось на усмотрение помещиков. Поэтому сеть приходских училищ Министерства народного просвещения росла очень медленно — во всей России в 1836 г. их насчитыва-

¹⁷ История Урала в период капитализма. С. 103.

лось всего около 60¹⁸. Единичные школы действовали и на Урале, их дополняли столь же редкие школы в удельных имениях, в селах вблизи заводов.

В ходе реформы государственной деревни П. Д. Киселева по закону 1842 г. сеть приходских училищ на Урале резко возросла. В Пермской губернии в 1860 г. действовало 72 штатных училища и 94 «безмездных», в которых священники вели занятия без оплаты. В них обучалось по желанию родителей более 4 тыс. детей с 8 лет, в том числе 676 девочек. В Оренбургской губернии в 1860 г. действовало 38 училищ с 1 336 учащимися (в их числе 296 девочек). В Вятской же губернии в этом году насчитывалось 214 приходских училищ. Вятскую губернию Министерство госимуществ выделило в числе 4 лучших среди 22 губерний России по организации школ для детей государственных крестьян¹⁹. В этих школах получили основы грамоты несколько поколений государственных крестьян, которым в момент проведения переписи было от 40 до 60 лет и старше. Сказалась на росте грамотности крестьян и деятельность училищ в удельных имениях, в селениях заводчиков, помещиков, частных школ грамоты, в которых дети учились чтению у мастеров грамоты за плату.

Большое значение в распространении грамотности на селе имели буржуазные реформы 60-х гг. XIX в., составной частью которых была и реформа народного образования. По Положению о начальных народных училищах 1864 г. к ним были отнесены школы всех ведомств, частных лиц и общественных организаций, в которых преподавались Закон Божий, чтение «по книгам гражданской и церковной печати», письмо, четыре действия арифметики и, где возможно, церковное пение. Все начальные училища, находившиеся до этого под контролем различных ведомств, передавались в ведение Министерства народного просвещения; школы, открывавшиеся духовенством, оставались в ведении Синода.

---

¹⁸ См.: *Фальборк П., Чарнолусский В.* Народное начальное образование // *Энциклопедический словарь* / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 20. С. 757.

¹⁹ См. подробнее об этом: *Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002. С. 41—48.

В том же 1864 г. законом предусматривалось создание земств — выборных органов самоуправления в губерниях и уездах, на которые возлагалось и устройство школ для начального обучения детей. В Вятской губернии земства стали действовать с 1867 г., Пермской — с 1870, Уфимской — с 1875, в Оренбургской они были введены лишь в 1912 г.

В 1864 г. было утверждено и Положение о приходских попечительствах и церковно-приходских школах, которым санкционировалось открытие при приходах школ для обучения детей. Постепенно определились сроки обучения детей в начальных училищах — 2 года в церковно-приходских, 3 года — в остальных, находившихся под контролем Министерства народного просвещения. Такие училища стали называться одноклассными. Появились и начальные школы повышенной ступени — двухклассные и многоклассные, программа которых была рассчитана на срок от 3-х до 6-ти лет. Все эти училища относились к «правильно организованным».

Наряду с ними в сельской местности действовали школы грамоты, открывавшиеся в основном в малых деревнях по инициативе приходов и частных лиц, в которых дети православных крестьян обучались элементарной грамоте и основам религии в течение нескольких месяцев в году — после уборки урожая осенью до весенней пахоты. Эти школы относились к «неорганизованным» учебным заведениям, как и магометанские, действовавшие в деревнях с мусульманским населением.

Воспользуемся данными А. М. Сафроновой о соотношении различных видов школ в селениях Урала, извлеченными ею из российской школьной статистики за 1894 г.²⁰ (табл. 19–20).

---

²⁰ См.: Сафронова А. М. Сельская школа на Урале... С. 88.

Т а б л и ц а 1 9

*Состав и численность начальных школ в селениях Урала
на 1 января 1894 г.**

Образовательные учреждения	Губерния				Всего по Уралу
	Вятская	Пермская	Уфимская	Оренбургская	
«Правильно организованные» начальные училища					
Многоклассные училища	1	1	–	–	2
Двухклассные училища, в т. ч.:	22	40	13	6	81
правительственные, общественные и частные	9	38	12	5	64
ведомства Синода	13	2	1	1	17
Одноклассные училища всех ведомств и разрядов, в т. ч.:	847	810	376	630	2 663
Министерства народного просвещения	20	27	98	29	174
земские	439	631	178	–	1 248
волостные и сельских обществ	–	–	–	63	63
войсковые и казачьи	–	–	–	450	450
частные и удельные	2	4	11	–	17
ведомства Синода	383	141	83	77	684
фабрично-заводские и железнодорожные	3	4	2	11	20
Всего «правильно организованных» начальных училищ	870	851	389	636	2 746
«Неорганизованные» школы					
Магометанские	169	120	774	175	1 238
Школы грамоты	464	414	103	156	1 137
Всего «неорганизованных» школ	633	534	877	331	2 375
Всего учебных заведений	1 503	1 385	1 266	967	5 121

* Составлено по: Начальное народное образование в России. СПб., 1900.
Т. 2. С. 8, 182.

Т а б л и ц а 20
Количество учащихся в сельских школах Урала на 1 января 1894 г.*

Губерния	Правильно организованные училища							«Неорганизованные» школы	
	Многоклассные и двухклассные уч-ща всех ведомств	Правительственные	Одноклассные училища				Удельные, частные и пр.	Школы грамоты	Магометанские
			земские	Общественные волостные и сельско-обществ.	казацкие	Церковно-приходские			
Вятская	2 915	1 280	39 913	—	—	15 398	302	10 735	7 829
Пермская	5 127	2 067	44 783	—	—	5 508	706	10 363	4 478
Оренбургская	489	1 255	—	3 883	28 129	3 256	740	4 192	6 297
Уфимская	1 426	3 887	10 076	—	—	2 943	973	2 963	33 355

* Составлено по: Начальное народное образование в России. Т. 2. С. 16, 19, 22, 28, 31, 34, 53, 57, 58, 182.

Ясно, что «неорганизованные» школы составляли 46 % сельских школ на Урале в конце XIX в., почти половину, но число учащихся в них было не столь велико, за исключением Уфимской губернии, где именно в магометанских школах обучалось подавляющее большинство учащихся. Преобладали в селах школы одноклассные, открывавшиеся по инициативе земства и церкви.

Земские школы считались лучшим видом начальной школы в России. В них в отличие от приходских училищ, церковно-приходских школ использовали не буквослагательный метод овладения чтением, связанный с механическим заучиванием отдельных букв, слогов, а «звуковой». Поэтому в земских школах дети гораздо быстрее начинали читать, месяца через два, а не через год, как в других школах.

Пермское и Вятское губернские земства, в составе которых преобладал демократический элемент, а бюджеты являлись наиболее крупными в России, прилагали большие усилия в деле развития школ, к 1900 г. Пермское земство выделяло на народное образование 32 % своего бюджета, Вятское — 39 %²¹. Пермская губерния в конце XIX в. лидировала среди прочих российских по числу сельских земских школ (631), Вятская находилась на 14-м месте (439 школ), Уфимская — на 31-м (178 школ). Пермская и Вятская губернии занимали первое и второе место в России по числу земских учителей (1 006 и 983 чел.)²².

В 1884 г. были высочайше утверждены Правила о церковно-приходских школах, они могли быть одноклассными с двухлетним сроком обучения и двухклассными с четырехлетним обучением. Обучение в них велось по особым учебным книгам, изданным Синодом. После издания Правил произошел резкий рост сети церковно-приходских школ: в 1884–1893 гг. в Вятской губернии было открыто 293 школы, в Пермской — 132, Уфимской — 51, Оренбургской — 70. В эти годы были открыты и первые двухклассные школы: в Вятской губернии — 13, Пермской — 2, Оренбургской и Уфимской — по 1. В них готовили и учителей для одноклассных церковно-приходских школ. По числу сель-

---

²¹ См.: Богатырева О. М. Земские учреждения // Уральская историческая энциклопедия. С. 214—215.

²² См.: Сафронова А. М. Сельская школа на Урале... С. 56.

ских церковно-приходских школ повышенной ступени Вятская губерния в 1893 г. занимала 2-е место в России после Киевской (13 школ против 21), была среди лидирующих и по числу одно-классных (383)²³.

В начале 80-х гг. XIX в. правительство начало поддерживать открытие школ грамоты духовенством, разрешало учреждать такие школы и земству. В 1891 г. были изданы высочайше утвержденные Правила о школах грамоты. Руководство ими поручалось Синоду, были изданы для школ «Начальные уроки Закона Божия», букварь церковно-славянского языка, Часослов, Псалтырь, Евангелие.

Определенную роль в распространении грамотности в последние десятилетия XIX в. сыграли и повторительные классы, устраиваемые земством для сельского населения, и воскресные школы. В них записывались те, кто пытался учиться грамоте, но не выучился; кто умел лишь читать, желающие закрепить навыки чтения и письма, мужчины и женщины от 13 до 40 лет и старше²⁴.

В Оренбургской губернии активность проявляли сельские и волостные общества, казачество, им принадлежало более 80 % действовавших школ. В 1856–1880 гг. в селах Оренбургской губернии было открыто 45 волостных и сельско-общественных училищ, в 1881–1893 гг. — 8²⁵. Первые 18 казачьих школ появились здесь в 1819 г., в 1838 г. их стало 30, в них обучалось 913 учеников чтению, письму, арифметике и Закону Божию²⁶. В 1848 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 70 казачьих школ, к 1871 г. их численность возросла до 152²⁷. В том же году наказной атаман К. Н. Боборыкин предписал принять меры к вве-

---

²³ Начальное народное образование в России. Т. 2. С. 152—153.

²⁴ См.: Отчеты и известия о деятельности земских учреждений. Воскресные школы и школы домашнего обучения в Ольховской волости Шадринского уезда // Сб. Пермского земства. 1884. № 7. С. 121—126; *Бобылев Д.* Общественная инициатива в деле развития внешкольного образования народа в Красноуфимском уезде (из отчета о деятельности местного Общества попечения о народном образовании за 1896 и 1897 гг.) // Там же. 1898. № 3—4. С. 69—94.

²⁵ См.: Начальное народное образование в России. Т. 2. С. 166.

²⁶ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 241.

²⁷ Там же. Т. 2. С. 157.

дению обязательного обучения всех мальчиков, достигших 8–9-летнего возраста. Всего за шесть лет, с 1870 по 1875 г., в Оренбургском войске было открыто 318 станичных и поселковых школ: 174 мужских, 102 женских и 42 смешанных, в них обучалось около 18 тыс. человек: 13 053 мальчика и 4 865 девочек. На содержание школ станичные общества выделяли от 10 до 25 % общественных сумм. В каждой станице учреждались специальные школьные капиталы, в них зачислялись суммы от продажи хлеба из общественных магазинов, добровольные пожертвования, проценты от войскового капитала²⁸.

Согласно российской школьной статистике, на 1 января 1894 г. в Оренбургской области насчитывалось 450 войсковых и казачьих училищ с 28 129 учащимися, из них девочки составляли 33,7 % (9 464 чел.). Большого количества казачьих школ не было ни в одной губернии России: в области войска Донского действовало 220 школ, в Акмолинской области — 96, в Уральской — 69, в других — от 49 до 1–4 школ²⁹.

Правда, следует учитывать, что состав Оренбургского войска в XIX в. расширился: в 1840 г. в него было включено 25 тыс. государственных крестьян Оренбургского уезда, Челябинской, Троицкой волостей, 1 892 семейства «белопахотных» солдат, селения башкир и мещеряков. Военный губернатор получил право в случае необходимости и при наличии свободных войсковых земель зачислять в число казаков всех податных губернии, башкир, киргизов. Не вошедшим в состав казачества запрещалось жить на территории казачьего войска³⁰. Расширение состава казачества, безусловно, снижало уровень грамотности этой сословной группы. По переписи 1897 г. казаков в Оренбургской губернии было зарегистрировано 365 500, в том числе в уездах — 357 394³¹. Они составляли 28,84 % в составе населения губернии.

Несмотря на развитие сети школ в селениях Урала в XIX в., усилия земства, церкви, различных обществ, «лица сельского состояния» на Урале, как и по России в целом, были наименее гра-

²⁸ История казачества Азиатской России. Т. 2. С. 158.

²⁹ См.: Начальное народное образование в России. Т. 2. С. 58.

³⁰ История казачества Азиатской России. Т. 2. С. 14.

³¹ Первая всеобщая перепись населения... Т. 28. С. XII.

мотны. Общий показатель грамотности этой социальной группы в крае составлял 16,3 %, а для грамотноспособного населения — 21,3 %. Это очень низкий показатель, только каждый пятый среди них умел читать. По удельному весу грамотных среди грамотноспособного населения основная социальная группа населения Урала уступала «городским сословиям» в 2,3 раза, дворянам и чиновникам — в 4,1 раза, духовенству — в 4,3 раза. В силу своей многочисленности — более 9 млн человек — «лица сельского состояния» и определяли в целом низкий показатель грамотности населения Урала в конце XIX в.

В этой социальной группе наиболее сильными были различия в уровне грамотности между мужчинами и женщинами. Для большей наглядности сравним конкретные показатели по всем основным группам, выделенным организаторами переписи (табл. 21).

Т а б л и ц а 21

Удельный вес грамотных среди мужчин и женщин от 10 лет и старше в зависимости от социальной принадлежности на Урале в 1897 г., %*

Группы	Дворяне- чиновники	Духовенство	«Городские сословия»	«Лица сельского состояния»	В целом по Уралу
Мужчины	91,5	99,3	61,6	32,7	34,6
Женщины	82,8	86,4	37,1	10,8	12,8
Соотношение грамотных	1,1	1,15	1,7	3,0	2,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52–54; Т. 21. С. 60–62; Т. 28. С. 28–31; Т. 45. С. 18–20.

Итак, среди мужчин «сельского состояния» от 10 лет и старше грамотных было 32,7 %, а среди женщин только 10,8 %, т. е. в 3 раза меньше, в то время как среди «городских сословий» грамотных женщин меньше, чем мужчин в 2,7 раза, а среди привилегированных сословий эти различия незначительны.

Проследим различия в распространении грамотности среди мужчин «сельского состояния», проживавших в городах и сельской местности (табл. 22–23).

Т а б л и ц а 2 2

*Удельный вес грамотных среди мужчин «сельского состояния»
в городах Урала в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	75,4	74,3	61,5	63,2	69,5
20—29	59,0	61,5	53,5	49,6	57,2
30—39	45,2	51,5	46,6	43,3	47,9
40—49	38,8	39,5	40,7	34,8	38,6
50—59	30,6	33,2	32,9	27,2	31,3
60 и более	28,5	26,1	26,5	22,8	25,7
Всего	55,3	55,2	50,0	46,8	52,5

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 54; Т. 21. С. 62; Т. 28. С. 31; Т. 45. С. 20.

Ясно, что более половины мужчин «сельского состояния» в городах умели читать, при этом удельный вес грамотных был больше в городах Вятской и Пермской губерний, меньше всего — в Уфимской. Но в большинстве возрастных групп процент грамотных мужчин в Пермской губернии был больше, чем в Вятской, лишь среди стариков-горожан Вятской губернии (от 60 лет и старше) и молодежи 10–19 лет грамотных больше, именно за счет них общий показатель грамотности «лиц сельского состояния» в городах Вятской губернии и вырастал на 0,1 %.

В городах Оренбургской губернии только поколение 10–19 лет достигает того же уровня грамотности, какой имело поколение двадцатилетних в Пермской губернии. Отметим, что младшее поколение 10–19 лет в Уфимской губернии более грамотно, чем в Оренбургской, хотя во всех остальных возрастных группах мужчины «сельского состояния», проживавшие в городах Уфимской губернии, значительно отставали по уровню грамотности по сравнению с Оренбургской губернией.

Налицо стремительный рост грамотности среди мужчин «сельского состояния» в городах по мере смены поколений. Если в Оренбургской губернии показатели грамотности младшей возрастной группы по сравнению со старшей выросли в 2,3 раза, в Вятской — в 2,6 раза, то в Пермской и Уфимской — в 2,8 раза. В городах Вятской и Пермской губерний среди молодежи «сель-

ского состояния» 2/3 умело читать, в Оренбургской и Уфимской губерниях — более 60 %.

Т а б л и ц а 23

Удельный вес грамотных среди мужчин «сельского состояния» в уездах Урала (без городов) в 1897 г., в %*

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	47,4	47,0	44,0	31,9	43,0
20—29	36,8	39,3	41,5	27,1	36,0
30—39	28,5	33,2	41,1	25,4	31,3
40—49	20,9	23,9	31,2	24,1	24,1
50—59	15,1	16,8	23,2	22,7	18,5
60 и более	10,4	11,5	19,1	20,0	14,1
Всего	32,0	33,1	37,1	27,0	32,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 54; Т. 21. С. 62; Т. 28. С. 31; Т. 45. С. 20.

В сельской местности удельный вес грамотных мужчин намного ниже, чем в городах — 32 % против 52,5 %. Полученные нами данные по каждой возрастной группе позволяют сделать вывод, что среди мужчин «сельского состояния» в уездах в каждом поколении были большие различия в уровне грамотности по губерниям — сказывались традиции, национальные различия, степень распространения школ и т. д. Если среди стариков старше 60 лет в Вятской и Пермской губерниях умевшие читать составляли всего около 10–11 %, то в Оренбургской и Уфимской их было в 2 раза больше, среди 50-летних — примерно в полтора раза больше. Грамотность среди 40-летних жителей сел Пермской и, особенно, Оренбургской губерний резко возрастает. Та же картина и среди 30-летних — рост грамотных почти на 10 % в Пермской и Оренбургской губерниях, чуть меньше — в Вятской, а в Уфимской всего на 1,3 % и т. д.

Рассмотрим рост грамотности среди мужчин «сельского состояния» в уездах отдельных губерний в зависимости от возраста. Если в Уфимской губернии показатели грамотности у молодежи по сравнению со старшим поколением выросли в 1,6 раза, в Оренбургской — в 2,3 раза, то в Пермской — в 4,1, а в Вят-

ской — в 4,6 раза. Более высокий рост грамотности среди вятичей объясняется тем, что среди них было меньше всего грамотных в старшем поколении и, напротив, больше всего в младшем, но в остальных возрастных группах лидировало население Пермской губернии.

Налицо резкое отставание мужчин «сельского состояния» Уфимской губернии, среди которых в уездах лишь каждый четвертый умел читать.

Наиболее высок удельный вес грамотных во всех возрастных группах в Оренбургской губернии, за исключением самой старшей, которая совсем немного уступала жителям Уфимской губернии, и младшей — 10–19 лет. В селах Вятской и Пермской губерний обучению молодежи стали уделять намного больше внимания, сказались усилия земства, церкви, и здесь произошел значительный рывок — почти половина мальчиков 10–19 лет умела читать.

Общее лидерство мужчин «сельского состояния» Оренбуржья по грамотности объяснялось тем, что здесь значительный удельный вес имело казачество, всегда отличавшееся более высокой численностью грамотных по сравнению с крестьянством.

Как уже отмечалось, среди женщин «сельского состояния» на Урале было в три раза меньше грамотных, чем среди мужчин (10,8 % против 32,7 %). Рассмотрим состояние женской грамотности в этой сословной группе отдельно по городам и сельской местности (табл. 24–25). Кстати, в городах женщин этой группы насчитывалось 105,5 тыс. человек, в то время как мужчин — 130 тыс. Эта разница была связана, по-видимому, с тем, что больше юношей посылалось учиться в город, многие мужчины находились здесь на заработках.

Т а б л и ц а 2 4

*Удельный вес грамотных среди женщин «сельского состояния»
в городах Урала в 1897 г., % **

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	57,4	51,9	38,2	36,2	46,5
20—29	38,0	37,8	31,0	26,6	34,2
30—39	25,0	23,3	23,9	16,8	22,2
40—49	13,9	14,6	16,3	12,9	14,4
50—59	11,0	10,9	10,9	8,1	10,3
60 и более	7,1	8,4	8,9	6,3	7,7
Всего	31,8	30,9	26,5	22,4	28,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 54; Т. 21. С. 62; Т. 28. С. 31; Т. 45. С. 20.

В городах грамотных женщин было в 1,9 раза меньше, чем мужчин, но распределение общих показателей грамотности по губерниям то же, что и у мужчин — больше всего грамотных женщин в городах Вятской губернии (31,8 %), в Пермской — чуть меньше, в Уфимской губернии только 22,4 % женщин умели читать. Женщин старшего поколения, умевших читать, даже в городах Урала насчитывалось 7,7 %, среди 40-летних их было почти в два раза больше. Среди 20-летних по сравнению с 40-летними удельный вес грамотных вырос уже в 2,4 раза, а среди 10—19-летних почти каждая вторая девочка умела читать.

Рост удельного веса грамотных женщин «сельского состояния» от старших возрастных групп к младшим в городах был больше, чем у мужчин. Если у мужчин грамотность выросла более чем в 2 раза, то у женщин в Оренбургской губернии — в 4,3 раза, в Уфимской — в 5,7, в Пермской — в 6,2, а в Вятской — в 8,1 раза! Юное поколение девушек-горожанок от 10 до 19 лет в Вятской и Пермской губерниях даже опережало юношей своего возраста, проживавших в сельской местности, — 57,4 и 51,9 % грамотных против 47,4 и 47 % соответственно.

Т а б л и ц а 2 5

*Удельный вес грамотных среди женщин «сельского состояния»
в уездах Урала (без городов) в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Губерния				В целом по Уралу
	Вятская	Пермская	Оренбургская	Уфимская	
10—19	13,4	18,7	18,2	16,8	16,4
20—29	8,3	12,9	14,8	14,2	11,9
30—39	4,6	7,1	10,0	12,4	7,8
40—49	3,1	4,8	6,2	11,9	5,8
50—59	2,2	3,6	5,2	11,2	4,8
60 и более	1,8	2,8	4,5	9,7	4,2
Всего	7,3	10,4	12,2	13,8	10,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 54; Т. 21. С. 62; Т. 28. С. 31; Т. 45. С. 20.

Полученные данные убедительно свидетельствуют, что женская грамотность среди лиц «сельского состояния» в уездах была крайне низкой. Можно говорить о почти полной безграмотности женщин на селе. А ведь речь шла о миллионах человек — на 353,3 тыс. женщин, владевших грамотой, приходилось 3 млн 56 тыс., не умевших читать!

Налицо определенный парадокс: если мужчины в сельской местности Уфимской губернии имели самый низкий уровень грамотности по сравнению с другими губерниями Урала (27 %), то женщины этой губернии, напротив, — самый высокий — 13,8 %. Удельный вес грамотных женщин здесь был в 1,9 раза больше, чем в Вятской и в 1,3 раза больше, чем в Пермской губернии. Это объяснялось более высоким уровнем грамотности башкирок по сравнению с русскими женщинами (см. главу 5 монографии). Как показала А. М. Сафронова, грамотных русских женщин на селе было 5,4 %, а башкирок — 15,3 % (по отношению ко всей массе населения)³². Поскольку башкиры составляли значительную часть населения — 900 тыс. из 2 млн 197 тыс. (41 %), — более высокий уровень женской грамотности башкирок и определял самый высокий уровень грамотности женщин в

³² Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII—XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 179.

этой губернии. При этом следует учитывать, что башкирки были грамотны на тюрки, татарском языках.

Именно потому, что женщины «сельского состояния» в уездах сильно отставали в уровне грамотности, среди них были самые высокие темпы ее роста от старшего поколения к младшему. Для большей наглядности отразим полученные нами показатели в табл. 26.

Т а б л и ц а 26

*Соотношение показателей грамотности
среди «лиц сельского состояния» в уездах уральских губерний
по данным переписи 1897 г., %**

Губерния	Показатели грамотности двух возрастных групп — 10–19 лет и 60 лет и старше	
	Мужчины	Женщины
Вятская	4,6	7,4
Пермская	4,1	6,7
Оренбургская	2,3	4,0
Уфимская	1,6	1,7
В целом по Уралу	3,0	3,9

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 54; Т. 21. С. 62; Т. 28. С. 31; Т. 45. С. 20.

Данные табл. 26 убедительно показывают, насколько конкретные показатели по губерниям информативнее показателей по всему региону. Так, в целом по Уралу у юношей удельный вес грамотных по сравнению со старшим поколением вырос в 3 раза, у женщин — в 3,9 раза, различия в зависимости от пола не очень значительны. В Уфимской губернии у женщин темпы роста грамотности чуть выше, чем у мужчин. В других же трех губерниях эти различия значительны. В Оренбургской губернии грамотность женщин возросла в 4 раза, в Пермской — в 6,7, в Вятской — в 7,4 раза.

Более низкая грамотность женщин «сельского состояния» по сравнению с мужчинами объяснялась тем, что крестьяне по традиции отдавали в школу в первую очередь мальчиков как глав будущего семейства. В связи с введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности лица, имеющие свидетельство об окончании

начальной школы, получали льготу — вместо 6 лет служили 4 года. Существенное сокращение службы в армии являлось хорошим стимулом для обучения мальчиков-крестьян. Кроме того, девочки более широко использовались дома для помощи по хозяйству, присмотра за младшими детьми.

Но директор начальных училищ Пермской губернии А. Раменский в докладе губернскому земскому собранию в 1896 г. отмечал, что потребность в начальном образовании девочек ощущается все больше, «и если их менее в училищах, чем мальчиков, то только благодаря тому, что в смешанные училища, которых в губернии громадное большинство, принимают сперва мальчиков, а девочек в том только случае, если есть место; училища же наши сильно переполнены, поэтому для девочек остается слишком мало места, женских же училищ весьма незначительное количество»³³.

В середине 1890-х гг. мальчиков и девочек, заканчивавших полный курс народных училищ, стало равное количество — 13 %, если у мальчиков был дополнительный мотив к этому — уменьшение срока военной службы, то девочками двигало единственное желание получить полное начальное образование. Поэтому А. Раменский предлагал в будущем при определении числа открываемых дополнительно школ учитывать девочек наравне с мальчиками³⁴.

А. Раменский убедительно показал, что рост численности девочек в народных училищах Пермской губернии шел быстрее, чем мальчиков. Эти данные, оформленные нами в виде табл. 27, следующие³⁵.

---

³³ Доклад директора народных училищ А. Раменского комиссии при Пермской губернской земской управе по разработке вопроса о введении всеобщего обучения в губернии, составленный на основании доставленных губернской управе уездными сведениями и журналов уездных земских собраний по вопросу о народном образовании // Сб. Пермского земства. 1897. № 3. С. 16.

³⁴ Там же. С. 17.

³⁵ См.: Там же.

Т а б л и ц а 27

*Количество учащихся в народных училищах Пермской губернии
в 1870–1895 гг.*

Год	Мальчиков	Девочек
1870	7 368	1 229
1875	20 378	5 040
1880	27 462	9 388
1885	35 488	13 747
1890	38 185	13 294
1891	39 020	14 526
1892	42 174	17 305
1893	42 773	17 363
1894	42 509	15 820
1895	42 034	15 545

В 1870-х гг. земства некоторых уездов Вятской и Пермской губерний начинают обсуждать вопрос о необходимости введения всеобщего начального образования. Первыми ставят вопрос об этом Нолинское, Орловское, Яранское уездные земства Вятской губернии и Осинское, Шадринское — Пермской губернии³⁶. Накануне проведения Первой всеобщей переписи инициатором введения всеобщего обучения в масштабах всей Пермской губернии выступил директор народных училищ губернии А. П. Раменский. В 1893 г. он разработал программу введения всеобщего начального образования как права и долга каждого человека, особенно женщин. В декабре 1894 г. по его инициативе вопрос был рассмотрен на XXV сессии Пермского губернского земства, но земцы заявили, что силами органов местного самоуправления эту проблему не решить без поддержки государства³⁷. В 1895 г. он вновь излагает программу всеобщего обучения в губернии на XXVI сессии губернского собрания, предлагая к 1 473 действующим начальным училищам в течение 10 лет открыть еще 1 500. Была создана специальная комиссия по изучению этого вопроса, в 1896 г. она собрала предложения от уездных земских

³⁶ Елисафенко М. К. Земская школа как социокультурный фактор (вторая половина XIX — начало XX в.) // История образования и культуры Урала : межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998. С. 52.

³⁷ Никитин А. Г. Директор народных училищ А. П. Раменский. Пермь, 1965.

управ, которые были изложены А. Раменским в своем докладе собранию³⁸. Но программа всеобщего образования в Пермской губернии без государственной поддержки так и не была претворена в жизнь, хотя и продолжала обсуждаться в начале XX в.

Выводы

Изучение показателей грамотности основных сословных групп, выделенных организаторами переписи 1897 г., показывает, что принадлежность к определенному сословию являлась главным фактором, определявшим тот или иной уровень грамотности населения: именно между сословными группами различия в уровне грамотности в конце XIX в. были самыми значительными.

Наиболее высокий уровень грамотности имело духовное сословие Урала, принадлежавшее к христианским конфессиям (о других конфессиях данных нет). Оно составляло чуть более 1/3 % населения (36,5 тыс. чел.), сосредотачивалось в основном в Вятской и Пермской губерниях, причем на селе. Общий показатель грамотности духовенства на Урале — 98,1 %. В духовной среде незначительны колебания в уровне грамотности между мужчинами и женщинами, горожанами и селянами. В городах в основном была 100 %-ная грамотность. За несколькими процентами неграмотных мужчин скрывалось всего несколько человек — от 7 в Уфимской до 21 в Вятской губернии.

Дворян и чиновников на Урале в 1897 г. насчитывалось 55,4 тыс. человек, они составляли 0,56 % населения. В отличие от духовенства большая их часть проживала в городах, где находилось большинство государственных учреждений (60,9 %). Среди грамотноспособных мужчин умело читать 91,5 %, среди женщин — 82,8 %. Здесь больше отличия в уровне грамотности между горожанами и селянами, чем среди духовенства — в городах грамотными были 93,9 % дворян-чиновников, на селе — 74,9 %.

Среди мужчин в городах нет тенденции неуклонного роста грамотности от поколения к поколению — мужчины-старики в Уфимской губернии, например, более грамотны, чем молодежь 10–19 лет. У женщин в городах грамотность немного ниже, чем у мужчин (90,3 % против 98,1 %), но во всех поколениях — неук-

---

³⁸ Доклад директора народных училищ А. Раменского... С. 3—22.

лонные тенденции к росту грамотности. На селе грамотных женщин — 70,2 % против 83,6 % мужчин.

«Городские сословия» превосходили по численности привилегированные, их было 439 тыс. человек, они составляли 4,5 % населения Урала. «Городские сословия» неравномерно распределялись между губерниями: 41,3 % их сосредотачивалось в самой малочисленной Оренбургской губернии, в Пермской — почти четверть, в Вятской, самой крупной, сосредотачивалось 13,6 %. В связи с большой численностью горнозаводских поселков, торгово-промышленных сел почти 44 % «городских сословий» проживало в сельской местности.

Среди мужчин, представителей «городских сословий», грамотных в среднем было 61,6 %, среди женщин — 50,7 %, т. е. фактически каждый второй умел читать, причем во всех поколениях, начиная от стариков и заканчивая молодежью 10–19 лет. Среди этой группы населения были сильны различия в уровне грамотности между городом и селом, между мужчинами и женщинами, между отдельными губерниями.

Если в городах Вятской губернии грамотных было 82 % лиц, принадлежавших к «городским сословиям», в Пермской — 79,9 %, то в Оренбургской и Уфимской губерниях — лишь более половины. В сельской местности грамотных было 53 % мужчин и только 31,2 % женщин. В городах наблюдалась тенденция к неуклонному росту грамотности от поколения к поколению среди мужчин, еще в большей степени — среди женщин. У женщин Вятской губернии от старшего (60 лет и старше) до младшего (10–19 лет) поколения грамотность выросла в 4,1 раза, в Оренбургской — в 5,9 раза.

«Лиц сельского состояния» на Урале насчитывалось 9 млн 267,5 тыс. человек, что составляло 94,4 % всего населения, даже в городах 46,1 % жителей относилось к этой социальной группе. Как и по России в целом, они были наименее грамотны — 21,3 %, начиная с 10 лет и старше. Среди них наиболее сильным был разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами (32,7 % против 10,8 %), между жителями городов и селений. В городах среди мужчин уже каждый второй умел читать (55,2 %), среди женщин лишь 28,3 %; на селе только 32 % мужчин и 10,4 % женщин. Можно говорить о дикой безграмотно-

сти женщин на селе, так, на 353,3 тыс. умевших читать приходилось более 3 млн не владевших грамотой.

Полученные в результате обработки материалов переписи данные позволяют сделать вывод, что в сельской местности во всех губерниях Урала в конце XIX в. наблюдался спад в уровне грамотности молодежи в семьях духовенства, дворян-чиновников, «городских сословий». В семьях сельского духовенства грамотность снизилась у 10–19-летних юношей, у девушек — лишь в Пермской губернии. Среди дворян-чиновников мужчин — у поколения 20–29 лет, еще в большей степени — у 10–19-летних; у девушек — только с 10–19 лет. Сильнее всего это явление проявлялось в Оренбургской и Уфимской губерниях. В среде «городских сословий» — снижение грамотности у юношей 10–19 лет, в Оренбургской и Уфимской губерниях — начиная с поколения 20–29 лет; у девушек же — только в Оренбургской губернии у поколения 10–19 лет.

Особенно удивителен регресс грамотности молодежи в семьях дворян-чиновников у 20–29-летних (во всех губерниях, кроме Пермской), среди 10–19-летних — уже во всех четырех губерниях. В сельской местности Оренбургской и Уфимской губерний более 30 % молодых дворян и 46 % сыновей чиновников не умели читать. Столь низкое состояние грамотности требует выявления дополнительных источников в будущем для объяснения его причин.

Среди «сельских сословий» как в городах, так и в сельской местности налицо лишь неуклонное повышение уровня грамотности от старших поколений к младшим. Сказались усилия земства, церкви, сельских обществ по расширению сети школ в уездах, на территории Оренбургского казачьего войска — усилия атаманов и низшего военного начальства. В городах, где проживало 46,1 % «сельских сословий», грамотность мужчин выросла от 25,7 % у поколения 60 лет и старше до 69,5 % среди молодежи 10–19 лет (в Вятской и Пермской губерниях — до 75,4–74,3 %). В уездах общий показатель грамотности мужчин «сельских сословий» поднялся с 14,1 % у старшего поколения до 43 % у младшего. Почти каждый второй среди 10–19-летних уже умел читать.

Женщины «сельских сословий» значительно отставали в уровне грамотности от мужчин. В городах общий показатель грамотности среди женщин вырос с 7,7 % у старшего поколения до 46,5 % у младшего, на селе — с 4,2 до 16,4 %. В конце XIX в. сеть действующих школ не вмещала всех желающих и вне школьного обучения оставались в первую очередь девочки.

Глава 4

РАЗЛИЧИЯ В ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЙ, ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ И УЕЗДОВ

Важным является изучение данных переписи о состоянии грамотности населения по месту проживания, в рамках административно-территориальных единиц — на территории губернии, уезда, города. Как отмечалось выше, это позволяет установить территории с наиболее высокими показателями общей грамотности, учесть различия по возрастному, половому, сословному признакам применительно к территории. К сожалению, мы слабо представляем различия в уровне грамотности населения на Урале в зависимости от места жительства.

В СУБД Access нами были созданы две базы данных — «Города Урала» и «Уезды Урала», содержащие общие показатели грамотности населения 34 городов и 39 уездов края. Помимо информации о грамотности для каждой административно-территориальной единицы в базу заносятся сведения о числе жителей в городе или уезде, а также наименование губернии, на территории которой они располагались. Мощные средства индексации и фильтрации данных, которыми обладает эта СУБД, позволили нам отсортировать города и уезды в целом по четырем уральским губерниям в порядке убывания общего уровня грамотности, а также для каждой губернии отдельно.

В конце XIX в. население четырех уральских губерний составляло 9 млн 822 тыс. человек. Вятская губерния по численности населения была самой крупной на Урале, в ней проживало 3 003,8 тыс. человек, в то время как в Пермской — 2 994,3 тыс., в Уфимской — 2 196,6 тыс. и Оренбургской — 1 600,1 тыс. человек. Если учесть, что средний показатель численности населения для 50 губерний Европейской России составлял в то время

1 869 тыс. человек¹, следует признать первые две уральские губернии довольно крупными, а Оренбургскую — населенной ниже среднего.

Удельный вес городского населения был выше всего в Оренбургской губернии — горожане составляли в ней 9,5 % населения (152,6 тыс. чел.) против 6 % в Пермской (179,3 тыс. чел.), 4,9 % в Уфимской (107,3 тыс. чел.), 3,1 % в Вятской (95,6 тыс. чел.). Общий показатель доли городского населения на Урале составлял 5,45 % (535 тыс. чел.), в то время как общий показатель для 50 губерний Европейской России в 1897 г. равнялся 12,9 %². Исходя из этого, можно говорить, что на Урале доля горожан в общей массе населения была очень низкой.

Примечательно, что число городов в Оренбургской губернии было таким же, как в Уфимской — 6, в Пермской же их было 15, в Вятской — 12, т. е. города Оренбуржья были более крупными. Оренбург был самым большим по численности населения городом Урала — в нем проживало 72,4 тыс. человек, почти в 2 раза больше, чем в Перми (45 тыс. чел.), Уфе (42 тыс. чел.), почти в 3 раза больше, чем в Вятке (25 тыс. чел.). В нем было сконцентрировано около половины городского населения Оренбургской губернии (47,5 %).

Представляет специальный интерес вопрос о том, какое место население уральских губерний занимало по уровню грамотности среди других российских губерний. В работе А. Г. Рашина приводятся общие показатели грамотности городского и сельского населения России в целом, процент грамотных устанавливался по отношению ко всей массе населения, включая новорожденных, что, как уже отмечалось нами, сильно снижало показатели — в целом по стране грамотных было 45,3 % городского населения, в том числе 54 % среди мужчин и 35,6 % среди женщин; в сельской местности умели читать 17,4 % жителей — 25,2 % мужчин и только 9,8 % женщин³.

---

¹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.) : стат. очерки. М., 1956. С. 45.

² Рашин А. Г. Указ. соч. С. 95.

³ Там же. С. 293—297.

Сравним эти общероссийские показатели грамотности с общеуральскими, которые нам пришлось выводить в целях сопоставимости также по отношению ко всей массе населения. В городах Урала удельный вес грамотных составлял 43,4 % (по России — 45,3 %), среди мужчин — 52,4 %, среди женщин — 34,1 %. В сельской местности умело читать 16,4 % населения (по России — 17,4 %), среди мужчин — 24,6 %, среди женщин — 8,7 %. Таким образом, на Урале показатели грамотности были немного ниже общероссийских, в среднем на 1–2 %.

Воспользуемся таблицей А. Г. Рашина о грамотности населения 50 губерний Европейской России, в которой по каждой губернии приведен один общий показатель грамотности (табл. 28).

Т а б л и ц а 28

*Показатели грамотности населения Европейской России
по губерниям в 1897 г., %**

Губерния	Процент грамотных	Губерния	Процент грамотных
Эстляндская	77,9	Рязанская	20,3
Лифляндская	77,7	Калужская	19,4
Курляндская	70,9	Пермская	19,2
Петербургская	55,1	Вологодская	19,1
Ковенская	41,9	Черниговская	18,4
Московская	40,2	Киевская	18,1
Ярославская	36,2	Казанская	17,9
Гродненская	29,2	Минская	17,8
Виленская	28,8	Орловская	17,6
Таврическая	27,9	Смоленская	17,3
Владимирская	27,0	Волынская	17,2
Херсонская	25,9	Могилевская	16,9
Олонецкая	25,3	Полтавская	16,9
Витебская	24,6	Харьковская	16,8
Тверская	24,5	Уфимская	16,7
Костромская	24,0	Тамбовская	16,6
Саратовская	23,8	Воронежская	16,3
Архангельская	23,3	Курская	16,3
Новгородская	23,0	Вятская	16,0
Область Войска Донского	22,4	Бессарабская	15,6

О к о н ч а н и е   т а б л .   2 8

Губерния	Процент грамотных	Губерния	Процент грамотных
Самарская	22,1	Симбирская	15,6
Нижегородская	22,0	Астраханская	15,5
Екатеринославская	21,5	Подольская	15,5
Тульская	20,7	Пензенская	14,7
Оренбургская	20,4	Псковская	14,6

* Приводится по: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 308–309 (уральские губернии выделены нами. — *А. С.*).

Ясно, что самые высокие показатели грамотности, выше 70 %, были в прибалтийских губерниях, в Петербургской — 55,1 %, в Московской — 40,2 %, самые низкие — в Пензенской и Псковской губерниях — 14,7 и 14,6 % грамотных. Уральские губернии в этом списке занимают следующие места: Оренбургская — 25-е, Пермская — 28-е, Уфимская — 40-е, Вятская — 44-е место (Ю. Н. Серебренников ошибочно ставит Уфимскую и Вятскую губернии на 41-е и 45-е места)⁴.

Рассмотрим общие показатели грамотности населения уральских губерний в зависимости от пола и места проживания — город – село.

Т а б л и ц а   2 9

Показатели грамотности городского и сельского населения от 10 лет и старше губерний Урала по переписи 1897 г., %*

Губерния	Города		Уезды		Общий показатель
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
Вятская	68,8	50,9	32,6	8,1	20,9
Пермская	66,7	45,2	34,0	11,4	24,4
Оренбургская	56,1	32,7	37,4	12,9	27,0
Уфимская	57,6	34,0	27,7	14,4	22,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 57; Т. 21. С. 65; Т. 28. С. 35; Т. 45. С. 23.

⁴ См.: *Серебренников Ю. Н.* Уровень грамотности и образования населения Урала (1861—1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1998. С. 14.

Из данных табл. 29 ясно, что картина состояния грамотности в уральских губерниях в действительности была более мозаичной и сложной. Вятская губерния, занимая последнее место на Урале по грамотности, в городах имела самые высокие показатели как мужской, так и женской грамотности, в сельской местности — более высокие показатели грамотности мужчин по сравнению с Уфимской (32,6 % против 27,7 %). И только в связи с низкой грамотностью женщин в сельской местности эта губерния оказывалась позади других.

Своеобразная картина состояния грамотности складывалась и в Уфимской губернии — в городах мужчины и женщины имели более высокие показатели грамотности по сравнению с жителями Оренбургской губернии, в сельской же местности грамотность мужчин Уфимской губернии была самой низкой на Урале, женская же, напротив, самая высокая. Как уже отмечалось, это являлось результатом особого внимания на селе к обучению башкирок. Отметим, что в Оренбургской губернии у мужчин сельской местности самый высокий уровень грамотности на Урале (37,4 %) — за счет казаков.

А сейчас рассмотрим состояние грамотности в городах Урала. Начнем с четырех губернских центров. Как показал анализ данных переписи, наиболее высокий уровень грамотности населения был в Вятке — 67,4 %. Следом за Вяткой шла Пермь — 62,9 % грамотных, на третьем месте был Оренбург — 49,8 %. Наименее грамотным было население в Уфе — 48,5 %.

Лидерство Вятки — результат нескольких факторов. В этом городе был самый высокий уровень грамотности всех социальных групп — духовенства, дворян, чиновничества, «городских сословий», «лиц сельского состояния». Кроме того, в Вятке большой удельный вес имели два наиболее образованных сословия — духовенство и дворянство — на 25 тыс. жителей их приходилось 5 155 человек (20,6 % всего населения), в то время как в Оренбурге на 72 400 жителей — 6 800 человек, или 9,4 %. Ясно, что в Вятке влияние дворян, чиновников и духовенства на общий уровень грамотности было гораздо сильнее.

В 1890 г. в городе действовала мужская гимназия (205 учащихся), реальное училище (188), женская гимназия (403), духовная семинария (442), епархиальное женское училище (475), ду-

ховное училище (286), городское 4-классное училище (254), ремесленные приют (42 девочки) и училище (34 мальчика), детский приют (23 девочки), противораскольничья школа, школа псаломщиков, при губернской больнице — школа фельдшерщиповитух (15 чел.). Кроме того, действовали приходские школы: 3 мужских и 3 женских, причем все частные. Город денег на низшие школы в 1890 г. не тратил⁵, т. е. начальных народных училищ в ведении городской думы не было. В справке о Вятке не упоминались среди учебных заведений церковно-приходские школы, которые наверняка должны были действовать в городе, как и школы грамоты, именно они вместе со «школками грамоты» давали сотням детей из низших сословий навыки чтения и письма.

В Перми переписью 1897 г. было зарегистрировано 45 403 человека, по данным на 1896 г. из 41 234 жителя насчитывалось: дворян — 682, духовенства — 499, почетных граждан и купцов — 562, мещан — 17 468, военных — 5 018, крестьян — 16 933, прочих сословий — 112⁶.

В городе действовали мужская и женская гимназии, женская прогимназия, реальное училище, техническое училище Уральской железной дороги, духовная семинария, мужское и женское духовные училища, церковно-учительская школа, уездное и 2-классное мужские училища, 3 частных училища III разряда, городских училищ мужских и женских — по 4, образцовая начальная школа при семинарии, сиротский воспитательный дом, училище для слепых. В 1896 г. в этих школах насчитывалось 3 692 учащихся, 2 053 мальчика и 1 639 девочек⁷.

По уровню грамотности Оренбург, самый крупный из 39 городов Урала, занимал только 26-е место. В 1897 г. в городе имелись мужская и женская гимназии, два кадетских корпуса, Николаевский женский институт, учительский женский институт, духовная семинария, военно-фельдшерская школа, киргизская учи-

⁵ См.: Вятка // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 14. С. 730.

⁶ Пермь // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 45. С. 339.

⁷ Там же.

тельская семинария, миссионерская женская школа, 6 приходских училищ, 3 воскресные школы⁸. Десяти низших школ, в которых собственно и могли получать основы грамоты дети низших сословий, явно не хватало для большого города, в котором в 1897 г. проживало более 72 тыс. человек, из них «городские сословия» составляли более 41 тыс., а лица «сельского состояния» — 22,7 тыс. человек⁹.

Сравним показатели грамотности «городских сословий», проживавших в губернских центрах. Почетные граждане, купцы, мещане и пр. составляли значительную часть населения: более трети — в Вятке и Перми, 40,4 % — в Уфе, 57,1 % — в Оренбурге. В их среде налицо более резкие колебания в общих показателях грамотности — 74 % в Вятке против 69,1 % в Перми; 50,7 % в Уфе и 46,5 % в Оренбурге. Ясно, что «городские сословия» Оренбурга более чем в полтора раза уступали по уровню грамотности вятским.

Если среди дворянства и духовенства почти отсутствовали различия в уровнях грамотности между мужчинами и женщинами, то у «городских сословий» эти различия были сильны и именно они определяли сравнительно низкий общий показатель грамотности «городских сословий» Оренбурга и Уфы. Если в Вятке и Перми грамотных было 87,2 и 83,7 % мужчин, то в Уфе и Оренбурге — только 66,6 и 60,3 % соответственно. У женщин эти показатели выстраиваются в следующей последовательности: 63,2; 56,7; 36,3 и 33,2 %. Ясно, что мещанки Оренбурга и Уфы примерно в два раза отставали по уровню грамотности от женщин Вятки, принадлежавших к этой сословной группе.

Молодежь «городских сословий» 10–19 лет в Вятке и Перми по уровню грамотности вплотную приближалась к своим сверстникам из среды дворян и духовенства, при этом почти не отставало отставание девочек от мальчиков, т. е. в этих городах в конце XIX в. были созданы все условия для получения грамотности низшим сословиям. Так, в Вятке грамотных было 97,6 % мальчи-

---

⁸ Оренбург // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 43. С. 137.

⁹ Первая всеобщая перепись населения. Т. 28 : Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 30, 31, 35.

ков и 93,7 % девочек «городских сословий» против 99,5 % мальчиков и 99,7 % девочек в среде дворян. В Перми грамотных было 94,5 % 10–19-летних мальчиков и 89,5 % девочек, принадлежащих к «городским сословиям». В Уфе же и Оренбурге и в конце XIX в. в этой возрастной группе грамотных гораздо меньше — среди мальчиков 76,2 и 77,3 %, среди девочек 54,6 и 57,1 % соответственно, т. е. примерно 3/4 мальчиков и немногим более половины девочек.

«Лица сельского состояния» составляли значительную часть городского населения — 41,5 % в Вятке (10,3 тыс. чел.), 52,1 % в Перми (23,5 тыс. чел.), 31,4 % в Оренбурге (22,7 тыс. чел.), 27,3 % в Уфе (19,9 тыс. чел.). Общая картина грамотности в этой сословной группе такова: в Вятке грамотных было 48,4 %, в Перми — 50,8 %, Оренбурге — 42,9 %, Уфе — 33,9 % «лиц сельского состояния». Как видим, и здесь налицо большое отставание в распространении грамотности среди крестьян в Оренбурге и Уфе по сравнению с Вяткой и Пермью. У женщин этого сословия намного сильнее отставание в грамотности от мужчин, чем в среде городских сословий. При этом прослеживается такая тенденция — чем ниже общий показатель грамотности крестьян в городе, тем сильнее разрыв в грамотности между мужчинами и женщинами. Так, в Вятке среди «лиц сельского состояния» грамотных мужчин было 59,6 %, женщин — 31,9 %, или почти в 1,9 раза меньше, таким же это соотношение было в Оренбурге, в Уфе грамотных женщин в 2,2 раза меньше, чем мужчин. В Перми уровень грамотности крестьян выше, чем в Вятке: среди мужчин он составлял 62,6 %, а среди женщин — 36,1 % (соотношение — в 1,7 раза). В целом можно констатировать, что даже в губернских городах на пороге XX в. крестьянство оставалось в своей массе малограмотным.

При этом обучению грамоте детей 10–19 лет крестьяне в городах начинают уделять большое внимание — более половины мальчиков в этом возрасте грамотны (в Вятке — 78,2 %, в Перми — 80,5 %), грамотность же девочек составляла в Перми — 63,7 %, Вятке — 59,3 %, Оренбурге — 43,2 %, Уфе — 30,6 %. Видимо, в условиях нехватки школ и в губернских центрах девушек принимали в смешанные школы в последнюю очередь.

По показателям грамотности самой молодой возрастной группы (детей до 10 лет) традиционно лидировала Вятка: здесь 18,7 % грамотных, в Перми — 12,8 %, в Оренбурге — 9,1 %, в Уфе только 7 % детей умели читать. Обращает на себя внимание большой отрыв Вятки от остальных городов — так, если по общему уровню грамотности Вятка опережала Оренбург и Уфу примерно в полтора раза, то по раннему обучению детей грамоте она обгоняла Оренбург в два раза, а Уфу — почти в 2,7 раза. Стоит отметить, что во всех городах грамотность мальчиков и девочек в этой возрастной группе практически одинакова, расхождения не превышают 1–2 %, причем в Перми грамотных девочек даже больше — 13 %, а мальчиков — 12,6 %.

А теперь представим отсортированную в Microsoft Access базу данных по общей грамотности населения городов четырех уральских губерний (имеется в виду грамотноспособное население от 10 лет и старше) (табл. 30).

Т а б л и ц а 3 0

*Удельный вес грамотного населения от 10 лет и старше
в городах Урала, %**

№ п/п	Город	Число жителей, чел.	Показатель грамотности
<i>Вятская губерния</i>			
1.	Царевосанчурск	1 266	71,3
2.	Вятка	25 008	67,4
3.	Яранск	4 808	64,5
4.	Глазов	3 509	62,1
5.	Орлов	3 256	62,1
6.	Елабуга	9 764	61,2
7.	Нолинск	4 764	60,4
8.	Котельнич	4 240	60,3
9.	Слободской	10 051	57,8
10.	Уржум	4 413	57,5
11.	Малмыж	3 165	56,2
12.	Сарапул	21 388	50,7
	Все города	95 642	60,2

О к о н ч а н и е   т а б л .   3 0

№ п/п	Город	Число жителей, чел.	Показатель грамотности
<i>Пермская губерния</i>			
1.	Чердынь	3 658	63,3
2.	Пермь	45 205	62,9
3.	Далматово	564	62,8
4.	Оханск	1 894	61,0
5.	Соликамск	4 073	59,7
6.	Екатеринбург	43 239	58,8
7.	Верхотурье	3 179	56,9
8.	Красноуфимск	6 251	54,9
9.	Оса	5 067	54,2
10.	Кунгур	14 295	54,1
11.	Ирбит	20 080	50,8
12.	Дедюхин	3 318	50,7
13.	Шадринск	11 678	49,9
14.	Камышлов	8 210	47,1
15.	Алапаевск	8 646	43,4
	Все города	179 339	56,4
<i>Оренбургская губерния</i>			
1.	Оренбург	72 425	49,8
2.	Челябинск	19 998	47,6
3.	Троицк	23 299	44,7
4.	Верхнеуральск	11 095	37,8
5.	Орск	14 016	33,8
6.	Илецкая Защита	11 768	28,0
	Все города	152 601	44,8
<i>Уфимская губерния</i>			
1.	Уфа	49 275	48,5
2.	Белебей	5 835	46,2
3.	Бирск	8 589	45,8
4.	Златоуст	20 502	44,5
5.	Стерлитамак	15 550	44,1
6.	Мензелинск	7 552	39,9
	Все города	107 303	45,8

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52–81; Т. 21. С. 60–84; Т. 28. С. 18–35; Т. 45. С. 28–51.

Из данных табл. 30 ясно, что уровень грамотности населения города не находился в прямой связи с числом его жителей, хотя на первый взгляд может показаться, что чем крупнее центр, чем больше в нем учебных заведений, тем выше будет уровень грамотности горожан. В самом маленьком городе Вятской губернии, Царевосанчурске, где число жителей немногим превышало тысячу человек, был самый высокий удельный вес грамотных по сравнению с другими городами Урала. Губернский центр Вятка, в котором проживала примерно четверть всех горожан губернии, стоял на втором месте, Сарапул же, второй по величине город губернии (21,4 тыс. жителей), имел самую низкую грамотность.

По-видимому, в малых городах при наличии устоявшейся традиции обучать детей грамоте больше жителей могло получить навыки чтения за счет школ грамоты, у мастеров грамоты за плату. Царевосанчурск в 1780 г. стал уездным городом Вятского наместничества, в 1802 г. был оставлен за штатом. В этом маленьком городке Яранского уезда проживало, согласно переписи, 1 266 жителей, было 4 церкви, велась торговля хлебом, действовало две ярмарки, еженедельно устраивались базары и числилось одно училище¹⁰.

В Пермской губернии лидировал по грамотности также небольшой городок — Чердынь, старинный уездный центр (с 1781 г.). В 1789 г. в Чердыни было открыто малое народное училище, в 1820 г. преобразованное в уездное. В 1848 г. на основе приготовительного класса училища начало действовать приходское училище ведомства Министерства народного просвещения, в 1851 г. при нем было открыто отделение для девочек. По инициативе Чердынского протоиерея в 1825 г. в городе появилось духовное училище для подготовки детей духовенства к церковной службе¹¹. В городе на 3 658 жителей имелись городское

---

¹⁰ Царевосанчурск // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 74. С. 800.

¹¹ Калинина Т. А. Народное образование в Чердынском крае (80-е годы XVIII — первая половина XIX в.) // Чердынь и Урал в истории и культурном наследии России : материалы науч. конф., посв. 100-летию Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина. Пермь, 1999. С. 217–222.

4-классное училище (155 учащихся), женская прогимназия (258), низшая ремесленная школа (42), приходское училище (179)¹².

Губернский город Пермь чуть уступал Чердыни по удельному весу грамотных (на 0,4 %), а самый маленький, Далматово, где было всего 564 жителя, лишь на 0,1 % уступал самой Перми.

Екатеринбург, крупный промышленный, культурный центр Урала, где действовала сравнительно широкая сеть учебных заведений — гимназии, реальные училища, горное, епархиальное, начальные школы повышенного типа, народные училища, церковно-приходские школы и школы грамоты, — занимал лишь шестое место в губернии по уровню грамотности. Имеющаяся сравнительно широкая сеть школ, как уже отмечалось, не могла вместить всех желающих. В Оренбургской и Уфимской губерниях по уровню грамотности лидировали сами губернские центры.

Представим все города Урала в порядке снижения уровня грамотности, с тем чтобы определить место каждого из них (табл. 31).

Т а б л и ц а 3 1

*Удельный вес грамотного населения от 10 лет и старше
в городах Урала в 1897 г., %**

№ п/п	Город	Число жителей, чел.	Показатель грамотности	Губерния
1.	Царевосанчурск	1 266	71,3	Вятская
2.	Вятка	25 008	67,4	Вятская
3.	Яранск	4 808	64,5	Вятская
4.	Чердынь	3 658	63,3	Пермская
5.	Пермь	45 205	62,9	Пермская
6.	Далматово	564	62,8	Пермская
7.	Глазов	3 509	62,1	Вятская
8.	Орлов	3 256	62,1	Вятская
9.	Елабуга	9 764	61,2	Вятская
10.	Оханск	1 894	61,0	Пермская
11.	Нолинск	4 764	60,4	Вятская
12.	Котельнич	4 240	60,3	Вятская

¹² Удинцев Д. Чердынь // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 76. С. 533.

О к о н ч а н и е   т а б л .   3 1

№ п/п	Город	Число жителей, чел.	Показатель грамотности	Губерния
13.	Соликамск	4 073	59,7	Пермская
14.	Екатеринбург	43 239	58,8	Пермская
15.	Слободской	10 051	57,8	Вятская
16.	Уржум	4 413	57,5	Вятская
17.	Верхотурье	3 179	56,9	Пермская
18.	Малмыж	3 165	56,2	Вятская
19.	Красноуфимск	6 251	54,9	Пермская
20.	Оса	5 067	54,2	Пермская
21.	Кунгур	14 295	54,1	Пермская
22.	Ирбит	20 080	50,8	Пермская
23.	Дедюхин	3 318	50,7	Пермская
24.	Сарапул	21 388	50,7	Вятская
25.	Шадринск	11 678	49,9	Пермская
26.	Оренбург	72 425	49,8	Оренбургская
27.	Уфа	49 275	48,5	Уфимская
28.	Челябинск	19 998	47,6	Оренбургская
29.	Камышлов	8 210	47,1	Пермская
30.	Белебей	5 835	46,2	Уфимская
31.	Бирск	8 589	45,8	Уфимская
32.	Троицк	23 299	44,7	Оренбургская
33.	Златоуст	20 502	44,5	Уфимская
34.	Стерлитамак	15 550	44,1	Уфимская
35.	Алапаевск	8 646	43,4	Пермская
36.	Мензелинск	7 552	39,9	Уфимская
37.	Верхнеуральск	11 095	37,8	Оренбургская
38.	Орск	14 016	33,8	Оренбургская
39.	Илецкая Защита	11 768	28,0	Оренбургская
	Все города Урала	534 885	51,8	

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52–81; Т. 21. С. 60–84; Т. 28. С. 18–35; Т. 45. С. 28–51.

Данные табл. 31 ярко демонстрируют нам, какой огромный разброс в показателях грамотности у жителей уральских городов — от 71,3 % в Царевосанчурске до 28 % в г. Илецкая Защита. Последний по числу жителей был в 9 раз больше Царевосанчурска, но в обоих городах числилось по одному училищу.

В 24 городах Урала из 39 уровень грамотности превышал 50 %, и это были города исключительно Вятской и Пермской губерний. Нижний уровень табл. 31 с грамотностью менее 50 % занимают все города Оренбургской и Уфимской губерний, среди них и три города, имевшие самые низкие показатели грамотности в Пермской губернии, — Шадринск (49,9 %), Камышлов (47,1 %) и Алапаевск (43,4 %).

Распределим уезды (без городов) в порядке убывания грамотности, с тем чтобы определить место каждого из них, как и городов, в пределах границ губернии, а затем и всего Урала (табл. 32–33).

Т а б л и ц а 3 2

*Удельный вес грамотного населения от 10 лет и старше
в уездах Урала (без городов) по губерниям в 1897 г., %**

№ п/п	Уезд	Число жи- телей, чел.	Показатель грамотности
<i>Вятская губерния</i>			
1.	Яранский	360 699	22,7
2.	Нолинский	175 943	22,7
3.	Вятский	167 200	22,0
4.	Орловский	210 223	21,3
5.	Слободской	203 599	20,0
6.	Сарапульский	386 660	19,8
7.	Елабужский	231 241	19,4
8.	Малмыжский	277 262	18,3
9.	Котельнический	272 509	18,0
10.	Уржумский	284 775	15,8
11.	Глазовский	365 078	11,8
	Все уезды	2 935 189	19,4
<i>Пермская губерния</i>			
1.	Верхотурский	259 041	31,3
2.	Пермский	227 762	30,2
3.	Екатеринбургский	369 057	26,8
4.	Красноуфимский	252 914	23,2
5.	Кунгурский	122 048	21,7
6.	Соликамский	221 454	21,3
7.	Ирбитский	139 006	20,6
8.	Осинский	316 707	19,1

О к о н ч а н и е   т а б л .   3 2

№ п/п	Уезд	Число жи- телей, чел.	Показатель грамотности
9.	Камышловский	239 918	17,3
10.	Шадринский	298 427	17,1
11.	Оханский	266 496	16,9
12.	Чердынский	102 133	15,3
	Все уезды	2 814 963	22,2

Оренбургская губерния

1.	Троицкий	177 932	30,6
2.	Верхнеуральский	212 150	28,9
3.	Орский	192 928	28,8
4.	Оренбургский	471 460	25,5
5.	Челябинский	393 074	18,1
	Все уезды	1 447 544	25,0

Уфимская губерния

1.	Мензелинский	372 429	24,2
2.	Златоустовский	164 996	23,2
3.	Белебеевский	427 344	21,3
4.	Стерлитамакский	311 832	20,8
5.	Уфимский	323 631	20,6
6.	Бирский	489 107	17,8
	Все уезды	2 089 339	21,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52–81; Т. 21. С. 60–84; Т. 28. С. 18–35; Т. 45. С. 28–51.

Т а б л и ц а   3 3

*Удельный вес грамотного населения от 10 лет и старше в уездах
Урала (без городов) в 1897 г., %**

№ п/п	Уезд	Число жителей, чел.	Показатель грамотности	Губерния
1.	Верхотурский	259 041	31,3	Пермская
2.	Троицкий	177 932	30,6	Оренбургская
3.	Пермский	227 762	30,2	Пермская
4.	Верхнеуральский	212 150	28,9	Оренбургская
5.	Орский	192 928	28,8	Оренбургская
6.	Екатеринбургский	369 057	26,8	Пермская

О к о н ч а н и е   т а б л .   3 3

№ п/п	Уезд	Число жителей, чел.	Показатель грамотности	Губерния
7.	Оренбургский	471 460	25,5	Оренбургская
8.	Мензелинский	372 429	24,2	Уфимская
9.	Красноуфимский	252 914	23,2	Пермская
10.	Златоустовский	164 996	23,2	Уфимская
11.	Нолинский	175 943	22,7	Вятская
12.	Яранский	360 699	22,7	Вятская
13.	Вятский	167 200	22,0	Вятская
14.	Кунгурский	122 048	21,7	Пермская
15.	Орловский	210 223	21,3	Вятская
16.	Белебеевский	427 344	21,3	Уфимская
17.	Соликамский	221 454	21,3	Пермская
18.	Стерлитамакский	311 832	20,8	Уфимская
19.	Ирбитский	139 006	20,6	Пермская
20.	Уфимский	323 631	20,6	Уфимская
21.	Слободской	203 599	20,0	Вятская
22.	Сарапульский	386 660	19,8	Вятская
23.	Елабужский	231 241	19,4	Вятская
24.	Осинский	316 707	19,1	Пермская
25.	Малмыжский	277 262	18,3	Вятская
26.	Челябинский	393 074	18,1	Оренбургская
27.	Котельнический	272 509	18,0	Вятская
28.	Бирский	489 107	17,8	Уфимская
29.	Камышловский	239 918	17,3	Пермская
30.	Шадринский	298 427	17,1	Пермская
31.	Оханский	266 496	16,9	Пермская
32.	Уржумский	284 775	15,8	Вятская
33.	Чердынский	102 133	15,3	Пермская
34.	Глазовский	365 078	11,8	Вятская
Все уезды Урала		9 286 035	21,5	

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 52–81; Т. 21. С. 60–84; Т. 28. С. 18–35; Т. 45. С. 28–51.

Если в Пермской губернии город Чердынь по уровню грамотности находился на первом месте, то уезд — на последнем. Чтобы понять, чем это объяснялось, обратимся к характеристике

Чердынского уезда, имеющейся в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В конце XIX в. в Чердынском уезде было 833 поселения, 344 из них имели не более 10 дворов, 270 поселений — от 11 до 25 дворов, 142 — от 26 до 50, 65 поселений — от 51 до 100 дворов. Только в 12 поселениях насчитывалось свыше 100 дворов. При этом почти треть дворов принадлежала пермякам (33,1 %). Крупных сел было два — Покча и Вильгорт, они находились в 5 и 17 верстах от Чердыни. Средняя плотность населения в уезде составляла всего 2,1 человека на квадратную версту, в шесть раз меньше средней плотности по губернии. На территории уезда действовало только два завода¹³. Таким образом, разбросанность поселений, их мелкий характер, значительный удельный вес пермяков, имевших гораздо более низкую грамотность по сравнению с русскими (7,7 % против 25 %), и являлись, на наш взгляд, основной причиной низкой грамотности населения Чердынского уезда в конце XIX в.

В 1896 г. на запрос губернской управы, какие меры нужно предпринять для достижения задачи всеобщего обучения детей в уезде, Чердынское земство ответило, что необходимо к существующим школам открыть 28 постоянных земских училищ и 24 подвижных; а духовное ведомство дополнительно к действовавшим 34 школам грамоты и 2 церковно-приходским предполагало открыть 104 школы грамоты и 14 церковно-приходских школ. Детей из 16 разбросанных поселений предлагалось направить в одну из дальних школ и содержать в ней за счет земства¹⁴.

В Вятской губернии самый низкий уровень грамотности был в Глазовском уезде. Первое сельское училище здесь было открыто в 1841 г., в 1864 г. их стало 24, в 1888 г. — 60, в том числе действовало 19 церковно-приходских школ, в земских школах обучалось 2 243 мальчика и 479 девочек¹⁵. Кроме того, в уезде была

---

¹³ Удинцев Д. Указ. соч. С. 535.

¹⁴ Доклад директора народных училищ А. Раменского комиссии при Пермской губернской земской управе по разработке вопроса о введении всеобщего обучения в губернии, составленный на основании доставленных губернской управе уездными сведениями и журналов уездных земских собраний по вопросу о народном образовании // Сб. Пермского земства. 1897. № 3. С. 6—7.

¹⁵ Глазов // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 16. С. 803.

небольшая плотность населения, удаленность от торговых путей препятствовала развитию промышленности, кустарные промыслы почти отсутствовали, экономическое положение крестьян было неудовлетворительным¹⁶. Население Глазовского уезда в 1897 г. насчитывало 368 587 человек, из них 41,6 % составляли удмурты, грамотность которых была почти в 4 раза ниже, чем русских. Неудивительно, что именно эти два уезда — Чердынский Пермской губернии и Глазовский Вятской губернии — завершали общий список уездов Урала в порядке убывания грамотности.

Если среди городов по уровню грамотности лидировали города Вятской и Пермской губерний, то среди уездов наиболее высоким уровнем грамотности отличались уезды Пермской и Оренбургской губерний — первые за счет горнозаводских поселений, вторые — за счет казачества. Наиболее высокий показатель грамотности на Урале был в Верхотурском уезде — 31,3 %, т. е. здесь умел читать почти каждый третий житель с 10 лет (в то время как в Глазовском уезде грамотных было лишь 11 %).

На территории Верхотурского уезда действовали казенные заводы — Кушвинский, Верхнетуринский, Баранчинский, Нижнетуринский, Серебрянский и частные — Нижнетагильский, Нижне- и Верхнесалдинский, Висимо-Шайтанский, Черноисточинский, Висимо-Уткинский, Лайский, Выйский, Сосьвенский¹⁷.

В 1849 г. были открыты училища в заводах Салдинском, Лайском, в 1860 г. — в селе Тагильском¹⁸. Приходские единоверческие училища начали действовать: в Нижнетагильском заводе при Троицкой церкви (с 1846 г. мужское и с 1849 г. женское); при Николаевской церкви (с 1847—1848 гг. женское и мужское); при Выйской церкви (с 1846 г. мужское, с 1849 г. женское); при Нижнесалдинском заводе (с 1846 г. мужское, с 1849 г. женское); при Черноисточинском и Верхнесалдинском заводах мужские учи-

---

¹⁶ Глазов // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 16. С. 803.

¹⁷ Верхотурье // Там же. 1892. Т. 11. С. 89; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 471, 473.

¹⁸ См.: Шишонко В. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 254.

лица (с 1846 и 1849 гг.); в Кушвинском заводе — с 1857 г., Баранчинском — с 1859 г.¹⁹

В 1867 г. на территории Верхотурского уезда действовало 39 различных училищ, в которых обучалось 1 192 мальчика и 332 девочки. В 1871 г. новые школы были открыты в 8 селах и при заводах Нижнетагильском (4), Верхнетурином, Сусанском, Нейво-Алапаевском; в 1872 г. — в 9 селах и при заводах Черноисточинском, Висимо-Шайтанском, Висимо-Уткинском, Верхнесалдинском, Лайском, Кушвинском, Нижнесинячихинском, Турьинском, Николо-Павдинском; в 1873 г. — в двух селах и при заводах Нижнесалдинском, Баранчинском и Николо-Павдинском²⁰. Верхотурское уездное земство по сравнению с другими уездными земствами Пермской губернии действовало также активно, например, в 1875 г. на содержание 45 школ в уезде оно выделило крупные ассигнования — 27 341 руб., в то время как Пермское — 16 500 руб., Кунгурское — 13 260 руб., Соликамское — 3 887 руб. и т. д.²¹

Примечательно, что в Пермском уезде, как докладывала уездная земская управа в 1896 г. в связи с обсуждением вопроса о всеобщем обучении, были неблагоприятные условия для распространения школ — «слишком мелкие селения»: из 2 167 селений только 101 имело по 40 и более дворов, в 1 100 селениях было меньше 10 дворов; «к тому же селения раскинуты на большом пространстве». Но это не помешало распространению грамотности в уезде, в первую очередь, видимо, благодаря усилиям местного земства: Пермский уезд занимал третье место среди всех уездов Урала, согласно переписи, здесь умело читать 30,2 % населения. Чтобы в условиях небольших селений добиться всеобщего обучения, Пермская уездная земская управа предложила в 1896 г. ввести домашнее обучение детей в течение одного года, обучать началам грамоты детей выпускникам начальных училищ за небольшую плату под руководством опытного учителя, а потом уже направлять ребенка в школу²².

¹⁹ См.: *Шишонко В.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии. Екатеринбург, 1879. С. 255–256.

²⁰ Там же. С. 315, 323–325, 349.

²¹ Там же. С. 349.

²² Доклад директора народных училищ А. Раменского... С. 4.

Выводы

По уровню грамотности населения уральские губернии в конце XIX в. располагались во второй половине списка среди 50 губерний Европейской России: Оренбургская губерния находилась на 25-м месте, Пермская — на 28-м, Уфимская — на 40-м, Вятская — на 44-м. Но общие показатели грамотности мужчин и женщин, проживавших в городах Урала и в сельской местности, лишь на 1–2 % уступали среднероссийским.

Картина состояния грамотности в уральских губерниях была далеко неоднозначной. В Вятской губернии, занимавшей последнее место на Урале по грамотности, в городах были самые высокие показатели как мужской, так и женской грамотности, и только в связи с низкой грамотностью женщин сельской местности эта губерния оказывалась позади других. Если в сельской местности Уфимской губернии мужская грамотность была самой низкой на Урале, то женская, напротив — самой высокой.

Среди губернских центров лидировала Вятка — 67,4 % грамотных, здесь был наиболее высок уровень грамотности всех социальных групп. Молодое поколение «городских сословий» 10—19 лет в Вятке (впрочем, как и в Перми) по уровню грамотности вплотную приближалось к дворянам и духовенству — в Вятке были грамотны 97,6 % мальчиков и 93,7 % девочек; в Перми, соответственно, 94,5 и 89,5 %; в Уфе и Оренбурге 76–77 % мальчиков и 54–55 % девочек. Относительно высокой в губернских центрах была и грамотность крестьян. Почти каждый второй из них умел читать, в Уфе — каждый третий.

Изучение показателей грамотности населения всех 39 городов Урала позволяет сделать вывод, что они не находились в прямой связи с числом жителей в городе. В ряде малых городов при наличии устоявшейся традиции обучать детей грамоте показатели грамотности были гораздо выше, чем в крупных губернских центрах. Самый высокий уровень грамотности оказался в маленьком городке Вятской губернии Царевосанчурске, в котором на 1 266 жителей имелось всего одно училище.

Крупные города с большим числом жителей, где действовала сеть средних учебных заведений, общеобразовательных и про-

фессиональных школ, не могли справиться с обучением грамоте широких слоев мещан, крестьян, для которых действовавших низших школ явно не хватало. Самый крупный город Урала Оренбург (72 тыс. жителей) занимал 26-е место среди 39 городов региона. Крупный промышленный и культурный центр Екатеринбург (43 239 жителей) находился на 14-м месте. В Пермской губернии самая высокая грамотность была в малой Чердыни с 3 658 жителями.

Если город Чердынь лидировал по уровню грамотности среди городов Пермской губернии, то Чердынский уезд находился на последнем месте. Город Орск занимал предпоследнее 38-е место среди городов Урала, Орский же уезд — пятое.

Самые передовые позиции по уровню грамотности населения среди всех 34 уездов Урала занимал Верхотурский уезд, где каждый третий житель, согласно переписи, умел читать. На сравнительно широкое распространение грамотности здесь влияло наличие горнозаводской промышленности, при заводах в XIX в. действовала целая сеть школ, открывались школы и в селах уезда, активно действовало земство.

Самая низкая грамотность населения была в Глазовском уезде Вятской губернии и Чердынском уезде Пермской губернии (15,3 и 11,8 %). Сказывались разбросанность по территории уезда многочисленных мелких деревень, значительный удельный вес национальных меньшинств, имевших гораздо более низкие показатели грамотности по сравнению с русским населением, отсутствие промышленности и промыслов.

Глава 5

УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ НАРОДОВ УРАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.

Поскольку уровень грамотности в конце XIX в. в значительной степени колебался не только в зависимости от сословной принадлежности, пола, места проживания, но и от национальной принадлежности, возникает необходимость специального изучения грамотности отдельных народов Урала. Грамотность является одним из важнейших показателей культуры, поэтому знание уровня грамотности важно для характеристики отдельных народов, тем более что они могли быть грамотны на русском, арабском или своем родном языке. Данные об уровне грамотности позволят лучше представить особенности культуры многочисленных народов, населявших Урал, как аборигенов, так и пришлых.

Из 9 млн 822 тыс. человек, населявших четыре уральских губернии в 1897 г., русских было 7 млн 12,7 тыс. человек, они составляли 71,4 % населения края, 28,6 % приходилось на несколько десятков других народностей. Для наглядности представим данные о национальном составе населения Урала в виде таблицы (табл. 34).

Т а б л и ц а 34

Численность и удельный вес народов Урала по переписи 1897 г.*

Народ	Численность, чел.	Удельный вес, %
Русские	7 012 671	71,40
Башкиры	1 253 775	12,77
Татары	449 968	4,58
Удмурты (вотяки)	406 899	4,14

О к о н ч а н и е   т а б л .   3 4

Народ	Численность, чел.	Удельный вес, %
Марийцы (черемисы)	241 213	2,46
Пермяки	103 105	1,05
Мордва	75 692	0,77
Тептяри	69 915	0,71
Чуваши	65 680	0,67
Украинцы (малороссы)	48 660	0,50
Мещеряки	47 018	0,48
Немцы	7 767	0,08
Поляки	5 300	0,05
Евреи	5 121	0,05
Зыряне	4 474	0,05
Манси (вогулы)	2 838	0,03
Другие	21 824	0,22
Итого	9 821 920	100

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 125; Т. 21. С. 125; Т. 28. С. 75; Т. 45. С. 61.

Как уже отмечалось, данные о грамотности народов с указанием их национальности разработчики переписи 1897 г. представили в таблице XV «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам» в каждом из томов, посвященных отдельным губерниям. В таблице имеются три главных столбца: «Грамотных по-русски», «Грамотных на др. языках», «Получивших образование выше начального», при этом, как нам удалось установить, данные о лицах, получивших образование выше начального, были исключены из общего числа грамотных. Чтобы получить верные показатели грамотности народов Урала на 1897 г., пришлось провести дополнительное суммирование числа грамотных и имевших образование выше начального.

Напомним, для каждого народа вычислялись общие показатели грамотности по губернии, отдельно по городам и сельской местности, для мужчин и женщин и по каждой из 7 возрастных

групп. Одновременно вычислялись и суммарные показатели для каждого народа по Уралу в целом.

Начнем рассмотрение грамотности с русского народа, составлявшего в конце XIX в. 2/3 населения края. Большинство русских проживало в Пермской губернии — 2 млн 705 тыс. человек (38,6 %), в Вятской чуть меньше — 2 млн 347 тыс. (33,5 %), в Оренбургской — 1 млн 126 тыс. (16 %). Меньше всего русских было в Уфимской губернии — 834 тыс., или 11,9 % всех русских Урала. Важно представлять и удельный вес русского населения в каждой из губерний. В Пермской они составляли 90,3 % от всего населения, в Вятской — 77,4 %, в Оренбургской — 70,4 %, в Уфимской — всего 38 %.

Т а б л и ц а 35

*Удельный вес грамотных среди русских
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины	Женщины	Общий показатель
Вятская	39,1	10,3	23,4
Пермская	37,7	13,5	25,0
Оренбургская	42,3	13,4	27,3
Уфимская	33,4	10,6	21,5
В целом по Уралу	38,4	12,1	24,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Данные табл. 35 убедительно свидетельствуют, что среди русских каждый 4–5-й в конце XIX в. умел читать, причем среди мужчин — каждый 3-й, среди женщин — лишь 12 человек из 100. На общий показатель грамотности русских в крае (24,4 %) в сторону занижения в значительной степени влияла сравнительно низкая грамотность женщин. Среди женщин умеющих читать было в 3,2 раза меньше, чем среди мужчин.

Наиболее высокие показатели грамотности были у русских в Оренбургской губернии (27,3 %), что являлось результатом сравнительно широкого развития сети школ в казачьей среде. В Пермской губернии грамотность русских чуть ниже (25 %), са-

мая низкая — в Уфимской губернии (21,5 %), где русских было меньше всего.

Ясно, что грамотность женщин не находилась в прямой пропорциональной зависимости от мужской. Пермская губерния занимала 3-е место по грамотности мужчин, но 1-е — по грамотности женщин. Если по грамотности мужчин Вятская губерния чуть уступала наиболее «продвинутой» Оренбургской, то грамотность русских женщин здесь была самой низкой.

Рассмотрим различия в уровне грамотности русских в зависимости от места проживания — город или село (табл. 36).

Т а б л и ц а 36

*Различия в уровне грамотности русских
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	69,9	37,5	50,8	8,6
Пермская	67,5	35,3	44,7	11,4
Оренбургская	60,9	39,9	33,0	11,1
Уфимская	61,9	29,6	33,8	7,6
В целом по Уралу	65,4	36,1	41,0	10,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Ясно, что эти показатели очень отличаются, грамотность мужчин в городах Урала в целом в 1,8 раза выше, чем на селе, а грамотных женщин в городах больше в 4,1 раза. В уральских городах более половины мужчин в возрасте от 10 лет и старше умели читать, из женщин — более трети. В городах Южного Урала женская грамотность на порядок ниже, чем в городах Пермской и Вятской губерний.

Грамотность русских мужчин-горожан более-менее стабильна во всех губерниях: она колебалась в пределах от 60,9 до 69,9 %. Та же картина и в сельской местности — колебания от 29,6 до 39,9 %. У женщин различия в показателях грамотности отдельных губерний гораздо резче: от 33 до 50,8 % в городах и от 7,6 до 11,4 % в уездах.

В сельской местности более трети мужчин умели читать, женщин же только 10 %. Исключением являлись уезды Уфимской губернии, где грамотные мужчины и женщины составляли только 29,6 и 7,6 % соответственно. Выделяется на фоне других и сравнительно низкая грамотность женщин в сельской местности Вятской губернии (8,6 %).

Посмотрим, как менялось состояние грамотности русских в зависимости от возраста (табл. 37).

Т а б л и ц а 37

*Удельный вес грамотных среди русских
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины	Общий показатель
10—19	52,0	20,2	35,4
20—29	45,6	15,0	28,7
30—39	38,5	9,2	23,2
40—49	28,7	6,0	16,8
50—59	20,5	4,2	11,8
60 и более	14,2	3,3	8,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Представленные данные убедительно свидетельствуют, что среди русских мужчин и женщин от поколения к поколению грамотность росла, у мужчин от старшего к младшему поколению она увеличилась в 3,7 раза, у женщин — в 6,1 раза. В поколении 10–19-летних умело читать более половины юношей и каждая пятая девушка. Разрыв в грамотности мужчин и женщин, составлявший у стариков 4,3 раза, в юном поколении сократился до 2,6 раза.

Самым многочисленным народом Урала после русских являлись башкиры. В четырех губерниях их проживало 1 млн 254 тыс. человек, что составляло 12,8 % всего населения Уральского края. Естественно, большинство башкир (900 тыс. чел., или две трети) проживало на территории Уфимской губернии, где они составляли 41 % населения, пятая часть (255 тыс. чел.) — в Оренбургской губернии (16 % населения губернии).

В Пермской губернии башкир было 85 тыс. человек (2,9 % населения), в Вятской губернии — 14 тыс. (0,5 % населения). Чтобы дать корректную интерпретацию данных переписи о грамотности башкир, кратко охарактеризуем особенности их школьного обучения.

Башкиры поселились на Южном Урале в конце IX — начале X в. Ислам, начавший проникать в их среду в X в., в XIV в. стал господствующей религией. После вхождения башкир в состав России, со второй половины XVI в., у них стала складываться сеть религиозных школ, действовавших при мечетях, — медресе и мектебе. В них обучались и татары, поселившиеся на Урале после присоединения Казани. Поскольку в период башкирских восстаний XVIII в. духовенство — ахуны, муллы, являвшиеся учителями школ, нередко становились активными участниками и вдохновителями этих восстаний, верховные власти России стали преследовать мусульманское духовенство, закрывать школы.

Во второй половине XVIII в. правительство перешло к политике использования мусульманской религии для укрепления своих позиций в крае. В 1798 г. в Уфе было учреждено Духовное собрание мусульман России, тем самым исламская религия стала частью государственной системы¹. Члены Духовного собрания должны были следить, чтобы коранические школы открывались только при мечетях, а учителями в них были муллы, люди надежные и верного поведения. Каждый настоятель мечети при вступлении в должность должен был давать сельскому сходу обещание не только исполнять религиозные обряды, но и обучать детей школьного возраста арабской грамоте, основам вероучения. Сеть мусульманских школ начала быстро расширяться. Мальчики, достигшие 7 лет, обязаны были посещать школу, хотя бы недолго. Общественное мнение осуждало родителей, чьи сыновья не учились читать священные книги мусульман².

Целью мектеба было научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности. Учебный курс включал чтение и письмо на

---

¹ См.: Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 163.

² Фархиятов М. Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 55, 63.

арабском языке и языке тюрки, исламское вероучение, начальные сведения по арифметике. Определенного срока обучения не было, как правило, он составлял 3–4 года. Обучение начиналось с изучения сложного арабского алфавита из 29 букв, при этом школьники учили не звуки, а буквы.

Арабский алфавит, в отличие от русского, очень сложен для усвоения. Многие буквы в нем схожи по начертанию, отличаются лишь диакритическими знаками; каждая буква в зависимости от местонахождения в слове имеет до 4-х разных начертаний, а общее число знаков доходит до 118; особые знаки возмещают и недостаток гласных букв. Поэтому ученики с большим трудом учились читать. Арабский язык являлся священно-ученым языком для мусульман. Он не был понятен, в повседневной жизни не употреблялся³.

Параллельно с арабским в мусульманских школах изучался и язык тюрки. Тюрки как общетюркский письменно-литературный язык возник в XIII–XIV вв. под влиянием золотоордынского-хорезмского литературного языка. Испытав воздействие живых тюркских языков, он получил региональные разновидности. Одной из них стал письменно-литературный язык тюрки Урало-Поволжья⁴. Этот язык башкиры и татары в какой-то мере понимали, но и он во многом отличался от разговорной речи. Неудивительно, что многие ученики, прохордив в школу две-три зимы, так и не умели читать, а у тех, кто освоил арабо-тюркскую грамоту, навыки чтения были непрочными. По выходу из школы значительная часть учащихся забывала то небольшое, что успела освоить⁵.

Не всегда школы имели специальное помещение при мечети, зачастую муллы обучали детей у себя дома, в небольших домашних школах. По мнению М. Н. Фархшатова, во второй половине XIX в. число домашних пунктов обучения и школ было примерно равным⁶. Только в таких домашних школах, причем женских, могли обучаться девочки-башкирки, так как по нормам шариата

---

³ Фархшатов М. Н. Указ. соч.

⁴ Халикова Р. Х. Тюрки // Башкортостан : краткая энциклопедия. С. 579.

⁵ Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 66—67.

⁶ Там же. С. 64.

запрещалось совместное обучение девочек с мальчиками в мектебах и медресе. Сотни таких маленьких домашних школок были разбросаны по башкирским деревням.

С 1870 г. по закону «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» мусульманские школы (мектебы и медресе) должны были открываться лишь с условием, если при них будут учителя русского языка. Для лиц, желающих занять светские или духовные должности, должен был вводиться образовательный ценз в объеме курса русских классов или русско-инородческих школ⁷.

В конце XIX в. началось движение за реформирование мектебов и медресе, буквослагательный метод обучения грамоте стал заменяться звуковым «усул-и джадид» — новым методом. Поэтому и движение за школьную реформу получило название джадидизм, в противовес кадимизму (кадим — старый), новометодные школы стали называться джадидистскими.

Впервые такой метод был введен в медресе Усмания города Уфы, открытом в 1888 г. мударрисом Х. Усмановым при городской мечети. В Оренбурге в 1891 г. миллионеры Ахмет и Гани Хусаиновы открыли новометодное медресе Хусания; в 1893 г. — Расулия, основанное З. Расулевым в 1884 г. в Троицке. К середине 90-х гг. звуковой метод был внедрен в других школах Троицка, содержавшихся за счет миллионера В. Якушева⁸. В сельских школах звуковой метод начал распространяться с 1897 г.

В новометодных школах обучение стало вестись на татарском языке, родном почти для половины учащихся мектебов. А поскольку в татарском и башкирском языках грамматические формы и 83–85 % лексики имеют общие корни, татарский язык был более понятен и башкирам⁹. Безусловно, появление новометодных школ ускорило овладение грамотой как в среде татар, так и башкир.

Данные о сети мусульманских школ в статистических сводках Уфимской и Оренбургской губернии за 1870–1880-е гг. очень

---

⁷ *Фархиаатов М. Н.* Указ. соч. С. 42.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Там же. С. 88.

противоречивы. По официальным данным, в 1894 г. в Уфимской губернии действовало 774 школы, в Оренбургской — 175¹⁰.

Исходя из этого краткого экскурса в историю школьного обучения башкир, сведения переписи 1897 г. о грамотности этого народа «на других языках» следует расценивать прежде всего как грамотность на арабском языке или языке тюрки, полученную в мусульманских школах при мечетях или домашних школах. У молодежи это могло быть и знание татарского языка.

Знание русской грамоты башкиры, как мужчины, так и женщины, получали в начальных школах, открытых правительством, горожане могли получить их и в новометодных медресе. Во второй половине XIX в. на Урале стали открываться и так называемые «русско-инородческие» школы, для башкир они назывались русско-башкирскими. В основу организации «русско-инородческих» школ была положена педагогическая система известного ученого-востоковеда, педагога и миссионера Н. И. Ильминского. В 1863 г. Н. И. Ильминский основал Казанскую крещено-татарскую школу, ставшую центральной для миссионерских школ Поволжья и Урала (за 50 лет она выпустила более 6 тыс. чел., в том числе около 900 учителей), в 1872 г. — Казанскую учительскую семинарию. В ней готовились учителя для татарских, мордовских, марийских, чувашских, удмуртских школ¹¹.

Н. И. Ильминский выступал за сближение инородцев с русским населением путем просвещения, под которым в первую очередь понимал христианско-православные идеи. Родной язык он считал основой школьного образования и разработал особую систему просвещения нерусских народов на основе их разговорного народного языка. В четырехгодичной школе первые два года обучение должно было вестись на родном языке (русский изучался как учебный предмет), последние два года — на русском языке. Лучшими учителями нерусских школ, по Ильминскому, могли быть лица той же национальности, что и учащиеся. От русских учителей он требовал знания родного языка учеников. Учебники

¹⁰ Начальное народное образование. СПб., 1900. Т. 2. С. 182.

¹¹ См.: Ильминский Николай Иванович // Российская педагогическая энциклопедия. М., 1993. Т. 1. С. 356.

Ильминский предложил печатать на родном для учащихся языке с использованием русской графики. Он подготовил татарский букварь, перевел на татарский язык многие духовные и богослужebные книги¹².

Система Ильминского была поддержана правительством и в 1870 г. узаконена в правилах «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Нерусские народы подразделялись на две группы «инородцев»: христиан и мусульман. Школы для крещеных татар, удмуртов, мордвы, чувашей, марийцев предназначались для «утверждения в православной вере и ознакомления с русским языком». Здесь должны были изучать русский язык, чистописание, арифметику, Закон Божий, церковное пение. В русско-татарских и русско-башкирских школах эти общеобразовательные предметы дополнялись мусульманским вероучением. Но на практике сроки обучения на родном языке сужались, родной язык превращался во вспомогательный. Главная цель обоих типов «инородческих» школ заключалась в скорейшем обрусении и слиянии национальных меньшинств с русским народом¹³.

Для подготовки учителей в русско-татарские и русско-башкирские школы в 1872 г. в Уфе было открыто специальное учебное заведение — татаро-башкирская учительская школа, в 1877–1890 гг. она действовала в Оренбурге, ее закончило 117 человек. В 1882 г. в городе Бирске Уфимской губернии открылась многонациональная учительская школа, в которой обучались марийцы (они составляли большую часть учащихся), удмурты, чувашаи, мордва, пермяки, зыряне, татары из Уфимской, Пермской губерний, а также из Казанской и Самарской. До 1901 г. в ней обучилось около 230 юношей¹⁴. По данным школьной статистики на 1894 г., Уфимская губерния занимала первое место в России по числу таких школ «для нехристиан»: в ней действовало 116, в Оренбургской — 20, в Пермской — 27, в Вятской — 6 школ.

---

¹² Ильминский Николай Иванович. С. 356.

¹³ Фархшатов М. Н. Указ. соч. С. 41.

¹⁴ См.: Сафронова А. М. Учительские школы // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 571.

Причем все они находились на селе, за исключением одной в Оренбургской губернии¹⁵.

Поскольку среди 1 млн 254 тыс. башкир всего 133 человека имели образование выше начального и неясно, на каком языке, мы можем пренебречь этими данными при вычислении грамотности башкир на русском и тюрко-татарском языках.

По уровню грамотности на русском языке уральские башкиры уступали почти всем народам Урала. Среди населения от 10 лет и старше умели читать по-русски лишь 1,3 %, несмотря на то, что в конце XIX в. в Уфимской губернии было открыто наибольшее число русско-инородческих школ. Их количество было явно недостаточно для народа, численность которого в губернии составляла 900 тыс. человек. К тому же следует учитывать, что часть школ являлась русско-татарскими, т. е. предназначалась для татар, которых здесь проживало 185 тыс. человек. Грамотность на тюрки, татарском языках была гораздо выше — 23,1 %, здесь башкиры всего на 1/10 долю процента уступали татарам.

Сравним уровень грамотности башкир, проживавших в разных губерниях Урала (табл. 38).

Т а б л и ц а 38

Общие показатели грамотности башкир от 10 лет и старше по губерниям Урала в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке	На других языках	Общий показатель
Вятская	2,0	25,1	27,1
Пермская	3,2	19,5	22,7
Оренбургская	2,3	21,4	23,7
Уфимская	0,8	23,9	24,8
В целом по Уралу	1,3	23,1	24,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Данные табл. 38 наглядно свидетельствуют о больших различиях в показателях грамотности, особенно на русском языке. Ясно, что в Уфимской губернии, где проживало большинство баш-

¹⁵ См.: Начальное народное образование. Т. 2. С. 4, 8.

кир, обучению на русском уделялось наименьшее внимание. Здесь удельный вес лиц, умевших читать по-русски, был в 2,5 раза ниже, чем в Вятской губернии, почти в 3 раза ниже, чем в Оренбургской и в 4 раза ниже, чем в Пермской.

Показатели грамотности башкир на тюрки, татарском языках, которую они получали в мусульманских школах, по губерниям Урала почти не отличались. Каждый 4–5-й башкир умел читать Коран и другие вероучительные книги мусульман. Обратим внимание, в Вятской губернии, где проживало всего около 1 % уральских башкир, удельный вес грамотных на татарском, тюрки наиболее высок, он выше, чем в Уфимской губернии, где сосредотачивалась основная масса башкир.

А теперь рассмотрим различия в уровне грамотности башкирского населения в зависимости от пола (табл. 39).

Т а б л и ц а 39

*Удельный вес грамотных среди башкир от 10 лет и старше
в зависимости от пола на Урале в 1897 г., %**

Губерния	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Вятская	3,3	0,6	22,0	28,4
Пермская	5,0	1,3	21,6	17,2
Оренбургская	3,6	0,8	26,0	16,1
Уфимская	1,5	0,2	27,4	20,4
В целом по Уралу	2,2	0,4	26,6	19,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Из данных табл. 39 ясно, что больше всего грамотных мужчин на тюрко-татарском было среди башкир Уфимской и Оренбургской губерний. Но женщины-башкирки на «родном языке» наиболее грамотны в Вятской губернии и менее всего — в Оренбургской. На тюрко-татарском языке у башкир не было большого отставания в уровне грамотности женщин от мужчин, а башкирки Вятской губернии даже опережали по грамотности мужчин-башкир всех уральских губерний.

Больше всего умевших читать на русском языке мужчин-башкир в Пермской губернии. Мужчины Оренбургской и Вят-

ской губерний по уровню грамотности близки, в Уфимской же губернии грамотность мужчин ниже в 2,2–3,3 раза.

Женщины-башкирки Пермской губернии также наиболее грамотны по-русски. В Уфимской губернии женщин, умеющих читать по-русски, меньше всего и различия в уровне грамотности в сравнении с «передовой» Пермской губернией намного сильнее, чем у мужчин — в 6,5 раза!

В общей массе башкирки Урала уступали мужчинам в грамотности на русском языке в 5,5 раза, в то время как на тюрко-татарском разрыв был гораздо меньше — в 1,4 раза. Сказывались традиции обучать девочек в домашних мусульманских «школах». Особенно велико отставание женщин от мужчин в Уфимской губернии. Здесь умели читать по-русски 1–2 мужчины из сотни и только 2 женщины из тысячи!

А теперь рассмотрим различия в грамотности башкир, проживавших в городах и сельской местности (табл. 40–41).

Т а б л и ц а 40

*Различия в уровне грамотности башкир на русском языке
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	11,5	3,2	0,0	0,6
Пермская	5,0	5,0	1,1	1,3
Оренбургская	8,1	3,5	1,5	0,8
Уфимская	9,3	1,4	3,9	0,2
В целом по Уралу	8,6	2,1	2,9	0,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Т а б л и ц а 4 1

*Различия в уровне грамотности башкир на других языках
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	5,8	22,2	8,3	28,5
Пермская	16,5	21,6	9,9	17,3
Оренбургская	34,2	25,8	15,3	16,2
Уфимская	23,0	27,4	16,4	20,4
В целом по Уралу	26,3	26,6	15,7	19,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

В конце XIX в. закономерным было значительное опережение по уровню грамотности городского населения по сравнению с сельским. Но, как показывают данные табл. 38, 39, для башкир Урала это было верным лишь в отношении русского языка. В отношении грамотности на тюрки, татарском картина прямо противоположная — среди сельских жителей грамотных больше, чем среди городских! Исключение — Оренбургская губерния, где среди горожан умело читать на тюрко-татарском 34,2 % башкир, в то время как на селе — 25,8 %.

Башкир, грамотных на русском, на Урале было больше в 4 с лишним раза в городах, чем на селе (8,6 % против 2,1 %). Особенно большие различия мы видим в Уфимской губернии, где в городах читали по-русски 9–10 человек из сотни, а на селе — только 2 из 100. Заметим, в Пермской губернии показатели грамотности башкир на русском равные в городе и на селе — 5 человек из 100, т. е. в пермских селах уделялось значительное внимание обучению русской грамоте башкир. В городах же Пермской губернии, наоборот — мало. Если в пермских городах умело читать на русском всего 5 башкир из 100, то в Оренбургской губернии — 8, Уфимской — 9, Вятской — 10–11 человек из 100.

Если в целом по грамотности на русском башкиры Уфимской губернии находились на последнем месте (0,8 % грамотных), то в городах у мужчин грамотных 9,3 % (уступали лишь вятским), а у

женщин — самые высокие показатели грамотности по Уралу (3,9 %), выше, чем у башкирок в городах Пермской губернии, в 3,5 раза.

Сравним показатели грамотности башкир и русских, проживавших по соседству в одной губернии, с учетом признака пола. Различия очень большие как среди мужчин, так и среди женщин. Во всех губерниях Урала мужчины-башкиры отставали по уровню грамотности от русских мужчин: в Вятской — в 1,5 раза, в Пермской и Оренбургской — в 1,4, Уфимской — в 1,16 раза. При этом отставание мужчин-башкир было особенно сильным в городах Пермской губернии: здесь грамотных башкир 14 % против 51,6 % русских, т. е. меньше в 3,5 раза. В Уфимской губернии в городах 32,7 % грамотных башкир и 61,9 % — русских, т. е. почти в 2 раза меньше.

Женщины-башкирки в отличие от мужчин своей национальности во всех четырех губерниях Урала опережали по грамотности на своем языке русских женщин: в Вятской их больше в 2,8 раза, Уфимской — в 1,9, Пермской — в 1,3, Оренбургской — в 1,2 раза. Но если рассматривать отдельно жителей городов и сел, то вырисовывается такая картина: горожанки-башкирки, напротив, уступали по грамотности русским женщинам в Оренбургской губернии в 2,2 раза (15,3 % грамотных против 33 % русских), почти так же и в Уфимской губернии (16,4 % грамотных против 33,8 % русских). В Пермской губернии эти различия были особенно сильны — грамотных горожанок башкирок было в 4,5 раза меньше, чем русских (9,9 % грамотных против 44,7 %).

В сельской же местности удельный вес грамотных башкирок везде больше, чем русских женщин: в Уфимской губернии — в 2,7 раза (20,4 % грамотных против 7,6 % русских), в Пермской и Оренбургской губерниях — в 1,5 раза (17,3 и 16,2 % грамотных против 11,4 и 10,9 % русских соответственно). В Вятской губернии грамотных башкирок на селе даже в 3,5 раза больше, чем русских женщин (28,5 % грамотных против 8,2 % русских). Таким образом, общие более высокие показатели грамотности башкирок на тюрки, татарском языке по сравнению с русскими получались только за счет сельской местности.

Данные в отношении башкир показывают, что в их среде были значительные различия между мужчинами и женщинами, обу-

чению девочек-башкирок уделялось гораздо большее внимание, чем мальчиков, и их больше обучали грамоте на селе, чем в городе.

Посмотрим, имела ли тенденция к росту показателей грамотности у новых поколений башкир (табл. 42).

Т а б л и ц а 42

*Удельный вес грамотных среди башкир
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
10—19	2,1	0,5	28,4	21,1
20—29	2,5	0,4	23,3	19,2
30—39	3,1	0,4	23,4	18,0
40—49	2,3	0,3	25,9	19,3
50—59	1,2	0,3	31,2	19,1
60 и более	1,0	0,2	29,7	16,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

В отличие от русских можно констатировать отсутствие такой тенденции у мужчин-башкир. Мальчики 10–19 лет и 20–29-летние мужчины знали русский хуже, чем поколение 30-летних. В отношении же тюрко-татарского языка есть некоторые подвижки в возрасте от 10–19 лет по сравнению с поколением 20–29 лет, но поколение 50-летних было наиболее грамотным на родном языке. Лишь у женщин-башкирок налицо слабый, но неуклонный рост грамотности на русском от поколения к поколению. Налицо и рост грамотности на тюрко-татарском со снижением показателей у поколения 30–39 лет.

Третьим по численности народом Урала после русских и башкир были татары, согласно переписи 1897 г. их насчитывалось 449 тыс. 968 человек. Миграция татар на Урал началась во второй половине XVI в. после разгрома Казанского ханства. Они оседали в Прикамье, в башкирском Зауралье. В первой половине и середине XVIII в. движение татар — казанских, касимовских, темниковских — было особенно многолюдным и интенсивным. Двигаясь группами и целыми деревнями, они оседали на территории Башкирии, в районах Оренбурга, Верхнеуральска, Троиц-

ка. Их миграция продолжалась и в XIX в. Прибывали сюда и сибирские татары¹⁶.

По губерниям Урала татары в конце XIX в. распределялись следующим образом: 41,0 % (185 тыс. чел.) проживали в Уфимской губернии, 27,9 % (125,5 тыс. чел.) — в Вятской, 20,7 % (93 тыс. чел.) — в Оренбургской и 10,4 % (47 тыс. чел.) — в Пермской.

Среди татар был сравнительно высок удельный вес городских жителей — 8,8 % против 6,6 % среди русских и 0,8 % среди башкир. Можно отметить такую особенность: 65,2 % всех татар-горожан Урала сосредотачивалось в городах Оренбургской губернии (25,8 тыс. чел.). В Вятской губернии, где татар было больше, в городах жило всего 1 800 человек. Следует также отметить, что среди татар-горожан было больше мужчин, чем женщин — 22,4 тыс. против 17,1 тыс. Это объяснялось, видимо, тем, что мужчины уезжали в города на заработки, занимались торговлей.

Ряд особенностей школьного обучения, отмеченных для башкир, были характерны и для татар. У них, как и у башкир, больше была распространена грамотность на тюрки и татарском языках, чем на русском. Татары имели сравнительно высокий уровень грамотности среди народов Урала и, в частности, внутри тюркоязычной группы. Грамотных на родном языке было 23,2 % татар (у башкир 23,1 %), в то время как на русском — 4,5 % (у башкир 1,3 %). При этом, как и у башкир, среди татар образование выше начального имело всего 201 человек, поэтому можно не учитывать их при рассмотрении уровня грамотности на конкретных языках.

Сравним уровень грамотности татар по губерниям Урала (табл. 43).

---

¹⁶ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 123, 142, 143.

Т а б л и ц а 43

Общие показатели грамотности среди татар от 10 лет и старше по губерниям Урала в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке	На других языках	Общий показатель
Вятская	2,8	24,8	27,6
Пермская	3,6	21,4	25,1
Оренбургская	9,0	25,9	35,0
Уфимская	3,5	21,2	24,8
В целом по Уралу	4,5	23,2	27,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Данные табл. 43 свидетельствуют, что в наибольшей степени грамотность была распространена среди оренбургских татар. Здесь каждый третий-четвертый татарин умел читать на том или другом языке.

Т а б л и ц а 44

Удельный вес грамотных среди татар от 10 лет и старше в зависимости от пола на Урале в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Вятская	4,5	1,1	24,1	25,5
Пермская	5,2	1,0	22,1	20,3
Оренбургская	15,1	2,4	26,5	25,2
Уфимская	5,8	1,1	21,6	20,8
В целом по Уралу	7,3	1,3	23,3	23,1

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Если рассматривать общие показатели грамотности среди мужчин и женщин, то следует признать, что на родном языке женщины-татарки совсем немного отставали от мужчин (всего на 0,1 %), при этом в Вятской губернии они были даже грамотнее мужчин (разница в 1,4 %). В грамотности же на русском языке уральские татарки уступали мужчинам в 5,6 раза (табл. 44).

Данные по грамотности с учетом полов ярко высвечивают относительно высокую грамотность на русском оренбургских мужчин-татар — 15,1 %, почти в три раза выше, чем в других губерниях. За счет относительно высокой грамотности по-русски мужчин-татар женщины этой губернии в большей степени отстают от мужчин, хотя они и грамотнее женщин других губерний.

Как уже отмечалось, в общей массе татары были грамотнее башкир и других тюркоязычных народов Урала на тюрки и татарском языках. Но, оказывается, мужчины-татары чуть уступали в грамотности башкирам (23,2 % против 23,3 %), татарки же были грамотнее башкирок на тюрки и татарском (23,2 % против 19,4 %), и женщины «вытягивали» этот народ по грамотности вперед. Если мужчины-башкиры наиболее грамотны в Уфимской губернии (27,4 %), то татары — в Оренбургской (26,5 %). Женщины же башкирки — в Вятской (28,4 %), татарки — в Оренбургской (25,2 %).

В Уфимской губернии среди татар не наблюдалось такого резкого отставания в русской грамоте, как у башкир: у первых пять мужчин и одна женщина из сотни умели читать по-русски, у башкир, напомним, — 1–2 мужчины из сотни и всего 2 женщины из тысячи.

Рассмотрим, как отличалась грамотность татар в городской и сельской местности (табл. 45–46).

Т а б л и ц а 45

*Различия в уровне грамотности татар на русском языке
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	15,8	4,2	5,4	1,0
Пермская	10,7	4,5	7,6	0,6
Оренбургская	9,0	17,7	2,5	2,3
Уфимская	14,2	5,3	2,7	1,0
В целом по Уралу	10,7	6,9	2,9	1,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Т а б л и ц а 4 6

*Различия в уровне грамотности татар на других языках
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	22,2	24,1	30,6	25,5
Пермская	33,5	20,6	27,7	20,3
Оренбургская	31,2	24,4	27,6	24,3
Уфимская	23,1	21,5	30,1	20,4
В целом по Уралу	29,4	22,6	28,2	22,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Если у башкир перепись 1897 г. зафиксировала уникальную ситуацию — сельчане опережали по уровню грамотности на тюрки и татарском языке горожан, то у татар такого явления не наблюдалось. Как и у русских, у татар была более высокая грамотность в городах: из 100 мужчин-татар 29,4 % читали на «татарском», 10,7 — на русском, т. е. более 40 мужчин из 100 были грамотны на том или ином языке. Из 100 женщин в городах умели читать по-татарски 28,2 %, на русском — 2,9 %, т. е. 31 женщина из 100. Особенно высокой была грамотность татарок в городах Вятской губернии — 30,6 % и Уфимской — 30,1 %.

На селе 22,6 % мужчин умели читать на родном языке (всего на 6,8 % меньше, чем в городах) и только 6,9 % — на русском, т. е. 29 человек из 100. Среди женщин — сельских жительниц 22,7 % читали по-татарски и 1,2 % по-русски, т. е. 24 женщины из 100.

Только у татар Вятской губернии наблюдалось сходное с башкирами явление — татары были наиболее грамотны в сельской местности, чем в городе (24,1 % против 22,2 %). Налицо и определенный парадокс в грамотности татар Оренбургской губернии, здесь татары в сельской местности знали русскую грамоту почти в два раза лучше, чем в городах — 17,7 % умели читать против 9 % горожан. Хотя, напомним, именно в городах Оренбургской губернии сосредотачивалось 65,2 % всех татар-горожан

Урала. Но они наименее грамотны по сравнению с горожанами других губерний (в Уфимской грамотных было 14,2 %, в Вятской — 15,8 %) (табл. 47).

Т а б л и ц а 47

*Удельный вес грамотных среди татар
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
10—19	9,2	2,2	27,4	26,2
20—29	8,4	1,2	21,5	23,2
30—39	8,7	0,9	20,9	21,6
40—49	5,6	0,8	22,6	21,1
50—59	3,0	0,8	20,3	21,7
60 и более	2,3	0,6	22,4	18,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Если у башкир просматривалась тенденция слабого, но неуклонного роста грамотности от поколения к поколению лишь среди женщин на русском языке, то у татар рост грамотности наблюдается во всех возрастных группах, как на русском, так и на татарском языках, как среди мужчин, так и среди женщин. Правда, единственное исключение — некоторое снижение грамотности на татарском у поколения 30- и 50-летних мужчин по сравнению с их предшественниками. В целом мы видим, что от поколения к поколению росла быстрее грамотность на русском языке, хотя даже у молодежи она оставалась крайне низкой. Грамотность на родном языке росла крайне незначительно. Мы не видим в среде татар, как и башкир, быстрого роста грамотности у молодежи в отличие от русских.

Т е п т я р и представляли собой группу, смешанную в этническом отношении. Термин «тептяр» известен со времен чингизидов (в переводе буквально означает «синяя тетрадь»), в нее записывались распределенное между монгольской знатью подвластное население и судебные решения. В Волго-Уральском регионе термин «тептяр» начал распространяться с первой четверти XVIII в. (с первой ревизии). Причем он имел социальное значе-

ние, обозначал выходцев из Среднего Поволжья и Прикамья (марийцев, мордву, удмуртов, чувашей, татар), селившихся на землях башкир на условиях припуска, с уплатой части положенного на башкир ясака и других поземельных сборов. Особое положение тептярей было закреплено в законодательстве XVIII — первой половины XIX в. В 1832 г. создано 8 тептярских кантонов и на тептярей, наряду с башкирами, возложены обязанности по снаряжению войска, несению военной службы. В XVIII в. в состав тептярей влилось значительное число башкир, покинувших свои родовые вотчины и поселившихся в качестве припущенников на новых местах¹⁷. Возникнув как сословное образование, тептяри, по мнению Р. Г. Кузеева, постепенно стали этнической общностью. Они формировались как тюркоязычная группа. До середины XIX в. определяющее влияние на них имели башкиры, с середины же XIX в. в связи с возрастающим наплывом мигрантов-татар в формировании этнокультурных признаков тептярей усилилось влияние татарской культуры и татарского языка¹⁸.

По мнению Г. Н. Чагина, тептярей Пермской губернии «следует считать категорией не этнической, а социальной. Поскольку при включении в переписи самостоятельным народом достаточными признавались не этнические признаки, а условия проживания на башкирских землях»¹⁹. Тех припущенников, которые забывали родную речь и переходили на башкирский язык, уже с конца XVIII в. записывали башкирами. За счет этого увеличивалось башкирское население Пермской губернии²⁰.

К. И. Зубков отмечает, что до конца XIX в. тептяри имели двойное этническое самосознание (вотяки-тептяри, черемисы-тептяри и т. д.). К моменту проведения переписи 1897 г. значительная часть тептярей вошла в состав башкир и татар. Одновременно башкиры, утратившие свои вотчинные грамоты, часто причислялись к тептярям²¹.

---

¹⁷ См.: Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 267–270.

¹⁸ Там же. С. 267.

¹⁹ Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 89.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ Зубков К. И. Тептяри // Уральская историческая энциклопедия. С. 524.

Т а б л и ц а 48

Общие показатели грамотности тептярей в возрасте от 10 лет и старше по губерниям Урала в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке	На других языках	Общий показатель
Вятская	0,3	29,4	29,6
Пермская	0,5	15,5	16,1
Оренбургская	1,4	22,1	23,5
Уфимская	1,1	31,2	32,3
В целом по Уралу	1,0	27,6	28,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Переписью 1897 г. на Урале было учтено 69 915 тептярей, основная их часть проживала в Уфимской губернии, где из 39 955 учтенных только 1 % населения в возрасте от 10 лет и старше умел читать по-русски, т. е. 1 человек из 100, в то время как «на других языках» — 27,6 %, т. е. каждый 3–4-й (табл. 48). Под «другими языками» имелся в виду язык, родной для удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, записавшихся тептярями. Но поскольку среди тептярей могли быть и сблизившиеся с татарами и башкирами и овладевавшие грамотой в мусульманских школах при мечетях, то они были грамотны на тюрки и татарском языках. Показательно, что грамотность мужчин и женщин «на других языках» у тептярей была почти одинаковой — 28,8 и 26,4 %, в то время как по-русски умело читать лишь 1,6 % мужчин и 0,4 % женщин. Обратим внимание — грамотных на русском языке среди тептярей меньше, чем среди башкир и татар, но зато они обгоняли оба эти народа по грамотности на родном языке, тюрки, татарском.

Более высока грамотность тептярей «на других языках» в Уфимской (31,2 %) и Вятской (29,4 %) губерниях, в Пермской они наименее грамотны (15,5 %). На русском языке женщины были сплошь неграмотны, умела читать в среднем одна из тысячи. В Вятской губернии из 3 989 женщин читало по-русски лишь 5 человек, в Оренбургской из 8 180 — 21, в Уфимской из 19 603 — 72. В Пермской же губернии из 2 610 тептярок не нашлось ни одной, умевшей читать на русском языке.

Народом, близким к татарам и башкирам, были мещеряки. По мнению Г. Н. Чагина, наиболее полное представление о мещеряках дано в «Топографическом описании Пермского наместничества» 1786 г.: «Мещеряки, находящиеся между татарами и башкирцами, суть потомки вышедших из Крыма и поселившихся в Шагер Булгар в 1481 году. По взятии Казани царем Иваном Васильевичем выбрано было 100 человек из мещеряков в конные казаки, которые служили при дворе его 40 лет, по отпуске получили грамоту на уральские места». Мещеряки поселились на реке Белой, основали город Уфу, к ним присоединились черемисы, чуваша, мордва, вотяки. При Петре I все они были изгнаны с этих мест и переселились в Красноуфимский, Екатеринбургский, Шадринский уезды Пермской губернии. «Говорят своим языком, который весьма немногими словами, отлично произносимыми, разнится от башкирского, пишут такими же буквами, как и башкирцы, и имеют так, как и они, народные училища, в которых юношество обучают муллы читать, писать и петь. Закон исповедуют также магометанский, почему во всех духовных обрядах совершенно сходятся с башкирцами»²².

Мещеряков переписью 1897 г. зафиксировано на Урале 47 018 человек, меньше, чем тептярей, они составляли 0,5 % населения края. Мещеряки проживали в трех губерниях. В Пермской и Уфимской их было примерно поровну: 21 163 и 20 957 человек, в Оренбургской только 4 898. Горожан из них было всего 610 человек (1,3 %).

Этот малочисленный народ обгонял по уровню грамотности «на других языках» не только татар, башкир, но и тептярей.

---

²² Цит. по: Чагин Г. Н. Указ. соч. С. 91.

Т а б л и ц а 49

Удельный вес грамотных среди мещеряков от 10 лет и старше по губерниям Урала в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Пермская	4,7	0,2	39,0	29,3
Оренбургская	4,2	2,2	28,6	16,5
Уфимская	1,9	0,2	37,1	27,7
В целом по Уралу	3,4	0,4	37,0	27,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Общий показатель грамотности мужчин-мещеряков на тюрко-татарском — 37 % против 28,8 % у тептярей, 26,6 % — башкир, 23,3 % — татар. У женщин — 27,3 % против 26,4 % у тептярей, 23,1 % — у татар, 19,4 % — башкир (табл. 49).

Выделяется относительно высокий уровень грамотности мещеряков Пермской губернии, мужчин и женщин, на родном языке и мужчин — на русском. Как и среди прочих тюркоязычных народов-мусульман, на родном языке мещерячки немногим уступают мужчинам (в 1,3 раза), в то время как на русском языке — в 8,5 раза. Из всей массы женщин (23 600) умели читать на русском лишь 68 человек!

Т а б л и ц а 50

Удельный вес грамотных среди мещеряков в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %*

Возрастная группа, лет	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
10—19	3,3	0,5	38,4	30,7
20—29	3,8	0,3	33,7	27,2
30—39	4,5	0,2	31,9	24,6
40—49	4,3	0,3	37,4	26,8
50—59	1,2	0,9	43,8	25,2
60 и более	1,4	0,3	41,6	23,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Данные о грамотности мещеряков по отдельным поколениям позволяют выявить ряд интересных особенностей: более высокий уровень грамотности среди стариков-мужчин на тюрко-татарском языках, чем у молодых поколений. Особого роста грамотности на этих языках у мужчин не было. На русском языке есть рост грамотности от старшего поколения к поколению 30-летних, 20-летние же мужчины уступают в грамотности на русском 30-летним, молодежь 10–19 лет — 20-летним, т. е. в распространении русской грамотности среди молодых — определенный регресс. Одновременно расширяется изучение тюркских языков (табл. 50).

Ч у в а ш и (самоназвание чуваш) в языковом отношении и культуре делились на верховую и низовую группы. Предками верховых были тюркские племена болгар, пришедшие в VII в. с Северного Кавказа и слившиеся с местными финно-угорскими племенами. Вторая волна болгарских племен прибыла после разгрома Болгарского государства в XIII в. татаро-монголами, она образовала группу низовых чувашей. В 1551 г. чувашаи вошли в состав России, в состав ясачных, с XVIII в. — государственных и удельных крестьян. В середине XVIII в. чувашей подвергли насильственной христианизации, часть осталась язычниками²³. Во второй половине XVI в., после разгрома Казанского ханства, они начали покидать территорию Предкамья, оседать в Прикамье, Башкирском Зауралье. В середине XVIII в. их поток возрос, целыми деревнями чувашаи покидали родные места, уходя от насильственного крещения, образовали здесь несколько компактных очагов расселения²⁴.

Если в Казанской губернии по переписи 1897 г. их проживало 502 тыс. человек, в Симбирской — 159,7 тыс., в Самарской — 91,8 тыс. человек, то на Урале было зарегистрировано 65 680 чувашей. Почти все они (60 616 чел., или 92,3 %) проживали в Уфимской губернии, в Оренбургской числилось 5 064 человека, в Вятской и Пермской — всего 80 и 67. Все они проживали в сельской местности, лишь 380 человек (менее 0,6 %) числилось в городах.

²³ Викторова В. Д. Чувашаи // Уральская историческая энциклопедия. С. 608.

²⁴ Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 123, 141.

Под руководством Н. И. Ильминского был создан алфавит чувашского языка. В 1867 г. в Казани было открыто «миссионерское братство святителя Гурия», оно начало издавать книги религиозного и духовно-нравственного содержания. Поскольку тексты книг были далеки от разговорной речи, порой трудно было понять их смысл. Новый алфавит чувашского языка был создан под руководством И. Я. Яковлева. Выпуск в 1871 г. Букваря для чувашских детей положил начало новой чувашской письменности²⁵. В Симбирской чувашской школе, основанной Яковлевым в 1868 г., Министерство народного просвещения запретило преподавание родного языка. Лишь переводы с русского на чувашский и преподавание на родном языке во время педагогической практики²⁶.

Среди 65 680 чувашей при переписи 1897 г. на всем Урале было зарегистрировано только 39 мужчин, грамотных на родном языке (17 из них в возрасте 10–19 лет), и 15 женщин. У этого народа была слабо развита грамотность и на русском языке, лишь 7,9 % чувашей умели читать по-русски, из них 14,9 % мужчин и только 0,9 % женщин.

Т а б л и ц а 5 1

*Удельный вес грамотных на русском языке среди чувашей
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины	Женщины
Оренбургская	25,3	2,5
Уфимская	14,0	0,8
В целом по Уралу	14,9	0,9

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Из данных табл. 51 ясно, что наиболее грамотными были чуваша Оренбургской губернии: из 5 064 человек умели читать 495 мужчин и 50 женщин. Показатели по Уфимской губернии ниже в

²⁵ См.: Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 174–175; Чуваши. Этнографическое исследование. Чебоксары, 1956. Ч. 1; 1970. Ч. 2.

²⁶ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. С. 177–178.

1,8 раза для мужчин и в 3,1 раза для женщин (из 30 368 женщин лишь 200 умели читать).

Т а б л и ц а 5 2

*Удельный вес грамотных на русском языке среди чувашей
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины
10—19	29,1	2,2
20—29	14,9	0,8
30—39	8,9	0,2
40—49	4,3	0,1
50—59	3,9	0,1
60 и более	2,5	0,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Данные о грамотности отдельных поколений чувашей свидетельствуют о росте грамотности от поколения к поколению среди мужчин и женщин, при этом мужская грамотность выросла в 11,6 раза, а женская — в 22 раза! Налицо резкий скачок в распространении грамотности среди чувашей в поколении 20-летних и особенно в самом юном возрасте — 10–19 лет (табл. 52). Если из 2 072 мужчин в возрасте 60 лет и старше умел читать по-русски только 51 чуваш, то из 7 404 юношей 10–19 лет уже 2 155 чувашей знало грамоту. Среди поколения старше 60 лет (более 2 тыс. чел.) — ни одной грамотной женщины, а среди девушек 10–19 лет их 162 из 2 155.

А теперь рассмотрим вопрос о грамотности финно-угорских народов Урала. Самую многочисленную группу среди них составляли удмурты, называвшиеся тогда вотяками. Северные удмурты вошли в состав Русского государства в 1489 г., южные — в 1558 г. Большинство удмуртов были православными, часть придерживалась языческих верований. В XVIII в. у этого народа появилась своя письменность, она была создана на основе русской графики. В 1775 г. на основе русской письменности была составлена первая грамматика удмуртского языка и издана по инициативе Академии наук в Санкт-Петербурге. В 1786 г. в Вят-

ке открыли первую в крае типографию, где печатались и церковно-служебные книги на удмуртском языке²⁷. После разгрома Казанского царства началось движение удмуртов на Урал, продолжавшееся и в XIX в.

Согласно переписи 1897 г. на Урале проживало 406 899 удмуртов, по численности они немного уступали татарам (449 968). Основная часть удмуртов (92,9 %) сосредотачивалась в Вятской губернии — 377 893 человека. В Уфимской их было около 22,5 тыс. человек (5,5 %), в Пермской — всего 6 505 человек, или 1,6 % от общей численности.

Перепись 1897 г. зарегистрировала 47 удмуртов, умевших читать только на родном языке, в том числе 7 женщин, остальные грамотные читали на русском, поэтому рассмотрим подробнее только эту группу населения. Общий показатель грамотности удмуртов на русском языке — 6,6 %.

Из данных табл. 53 ясно, что наиболее высок удельный вес грамотных удмуртов как среди мужчин, так и среди женщин в Вятской и Пермской губерниях. В Уфимской губернии среди мужчин и женщин их почти в 3 раза меньше.

Т а б л и ц а 53

*Удельный вес грамотных на русском языке среди удмуртов
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., % **

Губерния	Мужчины	Женщины
Вятская	13,5	0,6
Пермская	11,6	0,7
Уфимская	4,6	0,2
В целом по Уралу	13,0	0,6

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 45. С. 58–61.

Изучение возрастной грамотности показывает, что каждое новое поколение мужчин-удмуртов было более грамотным по сравнению с предшествующим. Особенно большой рывок в гра-

²⁷ Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск, 1995. С. 148.

мотности мы видим среди молодежи 10–19 лет — каждый 5-й мальчик-юноша удмурт умел читать. Среди женщин картина совершенно иная. Женщины-удмуртки, начиная с самых старших и заканчивая 30-летними, имели 1 грамотную на 1 000, среди поколения 50-летних вообще ни одна не умела читать. Рост грамотных среди них начался лишь в поколении, родившемся в 1867–1877 гг., правда, сразу в 4 раза, 10–19-летние грамотнее 20-летних в 3,75 раза, но и среди них только одна-две девочки из 100 могли читать на русском языке. Внутри отдельных возрастных групп удмуртов налицо более резкие колебания в уровне грамотности между мужчинами и женщинами по сравнению с общими показателями грамотности полов по отдельным губерниям (табл. 54).

Т а б л и ц а 5 4

*Удельный вес грамотных на русском языке среди удмуртов
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., % **

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины
10—19	21,6	1,5
20—29	13,8	0,4
30—39	10,4	0,1
40—49	6,7	0,1
50—59	4,9	0
60 и более	3,1	0,1

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 45. С. 58–61.

Изучение уровня грамотности удмуртов, проживавших в городской и сельской местности, показывает, что в городах Вятской губернии 42,3 % мужчин-удмуртов умело читать и 11,7 % женщин. В городах же Пермской и Уфимской губерний проживало всего по 9 удмуртов, ни один из них не умел читать. Только в сельской местности этих губерний удмуртов учили грамоте на русском языке (табл. 55).

Т а б л и ц а 55

*Различия в уровне грамотности удмуртов на русском языке
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	42,3	13,4	11,7	0,6
Пермская	—	11,5	—	0,7
Уфимская	—	4,6	—	0,2
В целом по Уралу	42,3	12,9	11,1	0,6

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 45. С. 58–65.

М а р и й ц ы (ч е р е м и с ы). В конце XVI в. небольшие группы луговых марийцев проникли по Каме, затем по течению реки Белой на территорию северо-западной Башкирии. В результате массовых миграций XVII — первой четверти XVIII в. в Закамье, Приуралье, Башкирии сложилась этнографическая группа восточных марийцев²⁸. У них долго удерживалось язычество. По данным Г. Н. Чагина, на Среднем Урале первыми приняли христианство лишь в 1912–1914 гг. девять марийских семей, проживавших в одной из деревень Красноуфимского уезда. По отзывам наблюдателей, в середине XIX в. большинство марийцев благодаря общению с русскими крестьянами знало русский язык, не понимали его лишь малые дети²⁹.

В 1897 г. в трех губерниях Урала было зарегистрировано 241,2 тыс. марийцев. Большинство из них (144 912 чел., или 60,08 %) жило в Вятской губернии, 80 608 человек, или 33,42 % — в Уфимской, 15 687 человек, или 6,5 % — в Пермской. Согласно переписи из 241 213 марийцев Урала умели читать только на родном языке всего 140 мужчин и 4 женщины. Характерно, что женщины и большинство мужчин (121) проживали в Уфимской губернии; в основном это были люди в возрасте 10—19 лет (табл. 56).

²⁸ См.: Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 123—124, 164.

²⁹ Чагин Г. Н. Указ. соч. С. 325.

Т а б л и ц а 5 6

Общие показатели грамотности марийцев от 10 лет и старше по губерниям Урала в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке	На других языках	Общий показатель
Вятская	7,6	0,0	7,6
Пермская	4,4	0,0	4,5
Уфимская	4,1	0,2	4,4
В целом по Уралу	6,2	0,1	6,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 45. С. 58–61.

Марийцы Урала уступали в овладении грамотой мордве как на русском, так и на родном языке.

Т а б л и ц а 5 7

Удельный вес грамотных среди марийцев от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %*

Губерния	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Вятская	15,4	0,5	0,0	0,0
Пермская	8,4	0,5	0,0	0,0
Уфимская	8,1	0,3	0,4	0,0
В целом по Уралу	12,5	0,4	0,2	0,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 45. С. 58–61.

Из табл. 57 ясно, что наиболее высок удельный вес грамотных на русском языке среди мужчин в Вятской губернии. В Пермской и Уфимской губерниях он почти одинаков. Нет больших различий и среди женщин.

Общие показатели грамотности марийцев по возрастам свидетельствуют о значительном росте грамотных от поколения к поколению среди мужчин — рост в 14,4 раза). У женщин грамотность чрезвычайно низкая, в поколении 50-летних умели читать

всего двое, 40-летних — пять человек (они не показываются даже в десятых долях процента). Среди 30-летних женщин грамотных было 11, 20-летних — 60, 10–19 лет — 316 человек (табл. 58).

Т а б л и ц а 58

*Удельный вес грамотных среди марийцев
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины
10—19	23,0	1,1
20—29	13,7	0,3
30—39	8,4	0,1
40—49	4,8	0,0
50—59	2,5	0,0
60 и более	1,6	0,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–125; Т. 21. С. 122–125; Т. 45. С. 58–61.

М о р д в а была одним из первых крупных народов, присоединившихся к России в конце XV в.³⁰ Особенность расселения мордвы заключалась в том, что ни на какой территории, ни в одной губернии, ни в одном уезде она не составляла большинства населения. По переписи 1897 г. в Российской империи насчитывалось 1 млн 24 тыс. мордовцев. Из них в Самарской губернии проживало 238,5 тыс., Пензенской — 187,8, Саратовской — 123,8, Симбирской — 188,9, Тамбовской — 89,7, Нижегородской — 53, Оренбургской — 38,4, Уфимской — 37,2 тыс.³¹

Движение мордвы на Урал из Поволжья началось в XVI в., резко усилилось в XVIII, а в XIX в. замедлилось. Этот народ расселялся небольшими группами по 2–5 деревень по южной кромке Закамья, Приуралья и Южного Урала. Большая часть мордвы была окрещена в православие в 1740–1760-х гг.³² Как отмечал в 1844 г. ректор Казанской духовной семинарии архимандрит Кли-

³⁰ Мокишин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск, 1989. С. 46.

³¹ Там же. С. 74.

³² Кузеев Р. Г. Указ. соч. С. 141, 187.

мент: «Из числа обращенных в христианство народов более всего утвержден и наставлен в православие народ мордовский»³³.

Наиболее известными этноструктурными подразделениями мордвы были эрзя и мокша. Письменность на мордовских языках развивалась на основе русской графики, первые памятники появились в XVII–XVIII вв., в XIX в. печаталась некоторая литература для учебных целей, она использовалась на начальных этапах обучения, в миссионерских целях. Особые трудности использования мордовского языка возникали в связи с наличием диалектов в эрзя-мордовском и мокша-мордовском языках³⁴.

Как отмечалось в отчете Мордовского подотдела Наркомнаца за 1921 г., «в мордовских селениях только в последние 20–30 лет стали строить более или менее сносные (относительно) школы (земские), а если и были школы, то пресловутые церковно-приходские. Преподавание велось да и теперь ведется за отсутствием учителей из мордвы на русском языке, непонятном детям. Вот почему у мордвы нет тяготения к школе... До 1916 года не было ни одного учебного заведения с национальной окраской для подготовки преподавательского состава...»³⁵.

По данным переписи 1897 г., среди мордвы Пензенской губернии грамотность составляла у мужчин 11,1 %, женщин — 1,5 % (от всей массы населения, включая младенцев)³⁶. Если по этой же методике вывести общие показатели грамотности мордвы уральских губерний, то они будут следующими: в Оренбургской среди мужчин — 17 %, среди женщин — 3,3 %, в Уфимской — 14,2 и 2,7 % соответственно. Ясно, что в уральских губерниях общие показатели грамотности мордвы были существенно выше, особенно среди женщин (табл. 59).

³³ Цит. по: Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 73.

³⁴ Там же. С. 96—98.

³⁵ Цит. по: Там же. С. 95.

³⁶ Сандина Т. И. Развитие народного образования в Мордовии. Саранск, 1969. С. 11; Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 74.

Т а б л и ц а 59

*Удельный вес грамотных среди мордвы
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	На русском языке		На других языках	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Оренбургская	22,8	4,4	0,1	0,0
Уфимская	19,4	3,3	0,3	0,1
В целом по Уралу	21,1	3,9	0,2	0,1

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Среди мордвы от 10 лет и старше на Урале в целом умело читать на русском языке 12,4 %, только на родном языке — 0,1 %. Как ясно из табл. 59, налицо резкие различия в уровне грамотности на русском между мужчинами и женщинами — в 5,4 раза. Если среди мужчин грамотных было 21,4 %, то среди женщин 3,9 %.

Ясно, что мордва Оренбургской губернии в большей степени владела чтением на русском языке, чем Уфимской. Разрыв в грамотности на русском между мужчинами и женщинами в этих губерниях составлял 5,2 и 5,7 раза соответственно.

Т а б л и ц а 60

*Удельный вес грамотных среди мордвы
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	На русском языке		На родном языке	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
10—19	28,9	7,0	0,2	0,1
20—29	25,0	4,2	0,3	0,1
30—39	22,1	2,6	0,3	0,1
40—49	14,7	1,9	0,2	0,1
50—59	10,6	1,4	0,2	0,0
60 и более	5,2	0,6	0,0	0,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 28. С. 72–75; Т. 45. С. 58–61.

Если удельный вес грамотных только на родном языке среди мордвы в разных поколениях почти не менялся и был чрезвычайно низок, то грамотность на русском языке от поколения к поколению неуклонно возрастала. Среди мужчин от старшего поколения к младшему она выросла в 5,6 раза, среди женщин — в 11,7 раза (табл. 60). В поколении 20- и 30-летних мужчин каждый 4–5-й читал по-русски, среди женщин — лишь от 4 до 7 человек из сотни. Лица, умевшие читать только на мордовском языке, были редкостью — 2–3 мужчины и 1 женщина из 1 000.

Пермяки и зыряне, родственные друг другу (современные коми-пермяки и коми-зыряне), отличались по численности и уровню грамотности. П е р м я к о в переписью 1897 г. было зарегистрировано на Урале 103 105 человек. Они проживали в основном в Пермской губернии (около 90 %), остальные — в Вятской, причем исключительно в сельской местности (в городах перепись учла всего 75 чел.). Пермяки учились грамоте только на русском языке. Общий показатель их грамотности — 7,7 %, немногим выше, чем у удмуртов и марийцев. Среди мужчин в возрасте от 10 лет и старше умели читать 15,2 %, среди женщин — 1,5 %. Молодое поколение 10–19 лет было наиболее грамотным: умело читать 24,8 % юношей и 3 % девушек.

З ы р я н на Урале насчитывалось всего 4 474 человека, все они проживали в Пермской губернии, в основном на селе, в городах зарегистрирован 741 человек. Как и пермяки, зыряне умели читать только на русском языке. Общий показатель грамотности у них — самый высокий среди финно-угорских народов Урала (21,9 %). Среди мужчин владело грамотой 27 %, среди женщин — 6 %. У поколения зырян 10–19 лет соответствующие показатели грамотности — 35,7 и 11,7 %.

Самым малочисленным среди 16 рассматриваемых нами народов Урала в конце XIX в. были м а н с и (в о г у л ы). Как и зыряне, они проживали в Пермской губернии, причем только в сельской местности. В городах перепись зафиксировала только двух человек. Манси среди финно-угорских народов Урала по уровню грамотности занимали второе место после зырян (16 %), при этом общий показатель мужской грамотности составлял 25,2 %, женской — 7,4 %, т. е. женщины-манси были чуть грамотнее женщин-зырянок. Интересно отметить, что грамотность

молодежи у народа манси в конце XIX в. на Урале была самой высокой среди финно-угорских народов, среди юношей 10–19 лет грамотой владело 42 %, среди девушек — 16,8 %.

Рассмотрим показатели грамотности народов, имевших наиболее высокий уровень грамотности, — евреев, немцев и поляков.

Переписью 1897 г. е в р е е в на Урале было зарегистрировано 5 121 человек. Большинство из них проживало в Оренбургской (36 %) и Пермской (34,4 %) губерниях, в Вятской губернии — 17,2 % (882 чел.), в Уфимской — 12,4 % (634 чел.). Это был самый урбанизированный народ — 83,3 % евреев проживало в городах (табл. 61).

Т а б л и ц а 61

*Общие показатели грамотности среди евреев
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины	Женщины	Общий показатель
Вятская	91,4	77,4	84,3
Пермская	91,4	79,1	86,2
Оренбургская	85,6	70,6	78,6
Уфимская	81,2	74,6	78,4
В целом по Уралу	88,0	75,1	82,2

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Если общий показатель грамотности евреев по Уралу — 82,2 %, то в Пермской губернии — 86,2 %, в Вятской — 84,3 %, а в Оренбургской и Уфимской губерниях эти показатели ниже средних по Уралу (78,6 и 78,4 %). У евреев нет значительных различий в уровне грамотности мужчин и женщин. Мужчины наиболее грамотны в Вятской и Пермской губерниях (91,4 %), женщины — в Пермской и Вятской (79,1 и 77,4 %) (табл. 62).

Т а б л и ц а 6 2

*Уровень грамотности и образования евреев
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины			Женщины		
	На русском языке	На еврейском языке	Образование выше начального	На русском языке	На еврейском языке	Образование выше начального
Вятская	73,6	10,2	7,6	45,6	6,9	24,8
Пермская	71,0	8,5	11,9	53,8	6,8	18,5
Оренбургская	69,5	9,7	6,4	49,7	6,9	14,0
Уфимская	64,2	5,7	11,3	56,3	4,2	14,1
В целом по Уралу	70,0	8,8	9,3	51,1	6,6	17,5

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Как ясно из табл. 62, незначительное число евреев могло читать только на родном языке. Поскольку эту грамоту евреи могли усвоить на дому или в так называемых школах-хедерах, близких по уровню обучения со школами грамоты у русских, а средних школ с преподаванием только на еврейском языке не было, можно утверждать, что все евреи, имевшие образование выше начального, были грамотны на русском языке.

Т а б л и ц а 6 3

*Удельный вес грамотных среди евреев
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины	Общий показатель
10—19	90,4	91,1	90,8
20—29	87,1	90,5	88,5
30—39	95,7	71,4	85,5
40—49	91,1	42,7	63,6
50—59	89,5	34,7	66,6
60 и более	71,3	23,9	58,8

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Вычисленные нами показатели грамотности в зависимости от возраста свидетельствуют, что мужчины-евреи во всех поколениях имели относительно высокий уровень грамотности (колебания невелики, налицо спад в грамотности у поколения 20-летних). В женской же среде различия в грамотности между поколениями значительны, налицо неуклонный и быстрый рост грамотности от поколения к поколению. Если женщины-еврейки в старшем возрасте уступали в грамотности мужчинам в 3 раза, 40-летние — в 2,1 раза, то поколения девушек 20–29 и 10–19 лет уже опережали мужчин в усвоении грамоты (табл. 63). Нелишне отметить, что и в получении образования женщины начали опережать мужчин уже в поколении 30–39 лет в 1,4 раза, в поколении 20–29 лет — в 2,1, 10–19 лет — в 2,3 раза. Если у юношей 10–19 лет образованность выше начального имело 10 %, то у девушек — 25,2 % (табл. 64).

В отличие от большинства других народов, у евреев не было большого отставания в грамотности жителей уездов от горожан. Напротив, в Пермской губернии мужчины и женщины в уездах даже более грамотны, чем в городах; в Оренбургской губернии лидируют женщины. Обращает на себя внимание сравнительно низкий показатель грамотности женщин в уездах Уфимской губернии (61,3 % против 83,3 % в Пермской губернии).

Т а б л и ц а 64

*Различия в уровне грамотности евреев
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	93,1	89,2	79,8	73,9
Пермская	90,4	95,7	78,3	83,3
Оренбургская	85,7	84,8	70,5	73,3
Уфимская	82,8	76,7	76,9	61,3
В целом по Уралу	87,9	88,7	75,1	75,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Немцев в переписью 1897 г. было зарегистрировано на Урале чуть больше, чем евреев (7 767 чел.), они составляли 0,08 % населения края.

По уральским губерниям немцы распределялись неравномерно. Большинство — более 70 % (5 457 чел.) — проживало в Оренбургской губернии, около 14 % (1 082) — в Уфимской, около 12 % (947) — в Пермской. В Вятской губернии немцев было всего 281 человек, или менее 4 % от общей численности на Урале.

Неравномерно распределялись немцы в городах и уездах (табл. 65).

Т а б л и ц а 6 5

*Численность немцев, проживавших
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., чел.**

Губерния	Города	Уезды	В целом по Уралу
Вятская	144	137	281
Пермская	627	320	947
Оренбургская	689	4 768	5 457
Уфимская	422	660	1 082
Итого	1 882	5 885	7 767

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

В городах немцев проживало примерно 25 %, это довольно высокий показатель, если учесть, что в целом удельный вес городского населения на Урале по переписи 1897 г. составлял 5,4 %. При этом в Вятской губернии в городах и уездах немцев проживало примерно поровну, в Пермской губернии в городах их было почти в 2 раза больше, в Уфимской — немногим больше на селе, в Оренбургской же губернии в сельской местности концентрировалось 61,4 % всех немцев Урала. У немцев был относительно высоким удельный вес детей до 10 лет — 30,1 % (общий показатель для населения Урала — 27,3 %).

У мужчин-немцев в возрасте от 10 лет и старше по Уралу общий показатель грамотности составлял 83,1 %, у женщин — 80,2 %, у евреев соответственно 88 и 75,1 %, т. е. женщины-

немки опережали по общему уровню грамотности еврейских женщин.

В привязке к губерниям показатели грамотности немцев более разнообразны, что видно из табл. 66.

Т а б л и ц а 66

*Сводные данные о грамотности немцев на Урале в 1897 г.
(на русском или немецком языках), %**

Губерния	Мужчины	Женщины	Общий показатель
Вятская	95,6	94,8	95,2
Пермская	97,8	94,8	96,3
Оренбургская	77,8	74,7	76,3
Уфимская	88,3	83,7	86,0
В целом по Уралу	83,1	80,2	81,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Ясно, что наиболее высокой была грамотность немцев, проживавших в Пермской и Вятской губерниях, самой низкой — в Оренбургской губернии, где немцы проживали в основном в сельской местности. У немцев женщины имели почти такую же высокую грамотность, как и мужчины. Обратим внимание, показатели мужской и женской грамотности по губерниям у немцев значительно выше, чем у евреев, только в Оренбургской и Уфимской губерниях мужчины-немцы уступали евреям в уровне грамотности, за счет чего немцы и оказались на втором месте в целом по Уралу.

Рассмотрим соотношение грамотности немцев на русском и родном языках (табл. 67).

Т а б л и ц а 6 7

*Уровень грамотности и образования немцев
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины			Женщины		
	На русском языке	На немецком языке	Образование выше начального	На русском языке	На немецком языке	Образование выше начального
Вятская	35,1	10,5	50,0	38,8	17,2	38,8
Пермская	37,3	6,6	53,9	51,8	8,3	34,7
Оренбургская	36,2	36,0	5,6	24,6	45,2	4,9
Уфимская	64,5	8,7	15,1	54,4	15,6	13,7
В целом по Уралу	40,5	26,5	16,1	34,1	33,6	12,6

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

У немцев был очень высок удельный вес лиц, имевших образование выше начального, и можно лишь предполагать, что они были грамотны на русском языке. Грамотных только на немецком было не так много — в Пермской губернии всего 6,6 % мужчин и 8,3 % женщин, чуть больше в Уфимской губернии. Зато в Оренбургской губернии, где проживало большинство немцев, только на немецком умело читать 36 % мужчин и 45,2 % женщин. Не случайно, что среди них лишь около 5 % имели образование выше начального.

Рассмотрим колебания в грамотности немцев в зависимости от возраста (табл. 68).

Т а б л и ц а 6 8

*Удельный вес грамотных среди немцев
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины	Общий показатель
10—19	71,6	72,8	72,2
20—29	81,3	82,8	82,1
30—39	90,9	85,7	88,3
40—49	89,5	79,3	85,1
50—59	90,1	82,3	86,3
60 и более	86,5	85,1	85,8

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122—129; Т. 21. С. 122—129; Т. 28. С. 72—79; Т. 45. С. 58—65.

У всех поколений немцев общие показатели грамотности высокие, даже у стариков. Налицо снижение уровня грамотности у молодого поколения 20—29 и, особенно, 10—19 лет, в результате чего молодежь менее грамотная, чем старики. Это явление можно объяснить тем, что у молодежи падение грамотности на родном языке шло опережающими темпами по сравнению с ростом грамотности на русском. Так, в поколении 30—39 лет грамотных только на немецком языке было 34,3 %, среди 10—19-летних — 24,8 %; грамотность же на русском языке у этих поколений возросла лишь с 35,6 до 39,9 %.

Т а б л и ц а 6 9

*Различия в уровне грамотности немцев
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	95,2	96,1	95,8	93,5
Пермская	97,3	98,6	96,8	90,8
Оренбургская	86,5	76,1	87,7	72,3
Уфимская	91,1	86,3	93,3	75,1
В целом по Уралу	91,7	79,5	92,8	74,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122—129; Т. 21. С. 122—129; Т. 28. С. 72—79; Т. 45. С. 58—65.

Как ясно из табл. 69, грамотность немцев, мужчин и женщин, в уездах была чуть ниже, чем в городах, при этом в Вятской и Пермской губерниях мужчины в сельской местности были грамотнее, чем в городах.

Поляков на Урале в 1897 г. насчитывалось 5 300 человек, большинство из них проживало в Пермской (37,4 %) и Оренбургской (32 %) губерниях. В городах поляков проживало чуть больше, чем на селе (57,8 %).

Общий показатель грамотности поляков Урала — 81 %, всего на 0,7 % ниже, чем у немцев и на 1,2 %, чем у евреев (табл. 70).

Т а б л и ц а 70

*Сводные данные о грамотности поляков на Урале в 1897 г.
(на русском или польском языках), %**

Губерния	Мужчины	Женщины	Общий показатель
Вятская	84,6	88,5	86,2
Пермская	86,4	90,2	87,7
Оренбургская	68,1	76,3	70,5
Уфимская	81,6	83,5	82,2
В целом по Уралу	79,1	84,8	81,0

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122—129; Т. 21. С. 122—129; Т. 28. С. 72—79; Т. 45. С. 58—65.

Наиболее высокая грамотность поляков — в Пермской губернии, самая низкая — в Оренбургской, как среди мужчин, так и среди женщин. Обратим внимание, во всех уральских губерниях женщины-полячки гораздо грамотнее мужчин!

Т а б л и ц а 7 1

*Уровень грамотности и образования поляков
от 10 лет и старше на Урале в 1897 г., %**

Губерния	Мужчины			Женщины		
	На русском языке	На польском языке	Образование выше начального	На русском языке	На польском языке	Образование выше начального
Вятская	27,6	0,9	56,1	40,5	5,3	42,7
Пермская	43,5	5,1	37,9	46,9	5,8	37,5
Оренбургская	35,3	9,5	23,3	42,8	14,9	18,6
Уфимская	45,2	4,2	32,1	57,4	6,3	19,7
В целом по Уралу	39,2	5,9	34,0	46,8	8,4	29,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Как и среди евреев, грамотных только на родном языке среди поляков мало. Сравнительно высок удельный вес лиц с образованием выше начального, если у евреев их больше среди женщин, то у поляков — среди мужчин (табл. 71).

Т а б л и ц а 7 2

*Удельный вес грамотных среди поляков
в зависимости от возраста на Урале в 1897 г., %**

Возрастная группа, лет	Мужчины	Женщины	Общий показатель
10—19	88,0	87,8	87,9
20—29	68,9	96,0	75,4
30—39	93,7	86,8	90,9
40—49	87,9	80,3	85,3
50—59	87,3	68,8	81,3
60 и более	66,5	63,3	65,4

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Налицо значительные колебания в грамотности отдельных поколений поляков. Если у женщин грамотность росла от поколения к поколению (регресс налицо у девушек 10–19 лет), то среди мужчин значительное снижение грамотности у поколения 20–29 лет по сравнению с 30-летними (в 1,4 раза). Хотя у юношей 10–19 лет грамотность по сравнению с поколением 20-летних выросла, она не достигла показателей грамотности мужчин 30–39 лет. Среди мужчин-поляков самым грамотным являлось поколение 30-летних, среди женщин — 20-летних, причем последние опережали мужчин (96 % грамотных против 93,7 % у мужчин) (табл. 72).

Т а б л и ц а 73

*Различия в уровне грамотности поляков
в городской и сельской местности Урала в 1897 г., % **

Губерния	Мужчины		Женщины	
	Города	Уезды (без городов)	Города	Уезды (без городов)
Вятская	94,1	73,6	95,5	74,0
Пермская	85,0	90,1	93,0	85,3
Оренбургская	57,4	73,6	80,0	68,3
Уфимская	90,2	73,5	87,2	76,9
В целом по Уралу	77,7	78,3	89,7	76,7

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

У поляков нет больших различий в грамотности горожан и жителей уездов, напротив, в уездах Пермской губернии мужчины-поляки значительно грамотнее горожан — 90,1 % против 85 %. В Оренбургской губернии грамотных мужчин в уездах было 73,6 % против 57,4 % в городах (табл. 73).

Для большей наглядности представим общие показатели грамотности народов Урала, в том числе мужчин и женщин, в виде сводной таблицы (табл. 74).

Т а б л и ц а 74

*Общие показатели грамотности народов Урала
от 10 лет и старше по переписи 1897 г., %**

Народ	Мужчины	Женщины	Общий показатель
Евреи	88,0	75,1	82,2
Немцы	83,1	80,2	81,7
Поляки	79,1	84,8	81,0
Мещеряки	40,4	27,7	34,0
Тептяри	30,4	26,8	28,7
Татары	30,7	24,4	27,7
Украинцы	40,1	10,3	25,3
Русские	38,4	12,1	24,4
Башкиры	28,8	19,8	24,4
Коми-зыряне	27,0	6,0	21,9
Манси	25,2	7,4	16,0
Мордва	21,4	3,9	12,5
Чуваши	15,3	1,0	8,1
Коми-пермяки	15,2	1,5	7,7
Удмурты	13,0	0,6	6,7
Марийцы	12,7	0,4	6,4
Итого	34,6	12,8	23,3

* Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т. 10. С. 122–129; Т. 21. С. 122–129; Т. 28. С. 72–79; Т. 45. С. 58–65.

Выводы

Изучение грамотности народов Урала в связи с их национальной принадлежностью показало, что она так же сильно различалась, как и грамотность у сословий. Наиболее высокий уровень грамотности, от 82,7 до 81 %, был у евреев, немцев и поляков, которых насчитывалось по 5–7 тыс. человек. В большом отрыве за ними следовали мещеряки и тептяри, среди которых грамотных было 34 и 28,7 %. Чуть уступали им татары и украинцы (27,7 и 25,3 % грамотных соответственно).

Русские, составлявшие почти две трети населения края и определявшие в конечном счете общий показатель грамотности уральского населения, занимали восьмое место по уровню гра-

мотности среди других народов Урала. Среди русских почти каждый четвертый в 1897 г. умел читать (24,4 %), в городах — 65 % мужчин и 41 % женщин, в уездах — 36 % мужчин и 10 % женщин. Мужчины-украинцы чуть опережали русских (40,1 % грамотных против 38,4 %), женщины же уступали русским (10,3 и 12,1 % грамотных соответственно).

Среди татар и особенно башкир было мало грамотных на русском языке (всего 7,3 и 2,2 % мужчин и 1,3 и 0,4 % женщин). Все поколения детей у этих народов учились в основном в мусульманских школах чтению священных книг на тюрки, с 1870-х гг. — на татарском языке. Поэтому грамотой на этих языках владел каждый 4–5-й мужчина, при этом мужчины-башкиры опережали татар по грамотности (26,6 % против 23,35 %), башкирки же уступали татаркам (19,4 % грамотных против 23,1 %).

Если у башкир перепись 1897 г. зафиксировала уникальную ситуацию — сельчане опережали по уровню грамотности на родном языке горожан, — то у татар такого явления не наблюдалось. У башкир просматривалась тенденция слабого, но неуклонного роста грамотности от поколения к поколению лишь среди женщин, причем на русском языке, у татар рост грамотности наблюдался во всех возрастных группах за редким исключением, как на русском, так и на татарском языках, как среди мужчин, так и среди женщин. При этом быстрее росла грамотность на русском языке.

У чувашей, большинство которых проживало в сельской местности Уфимской губернии, на всем Урале из 65 тыс. человек было зарегистрировано всего 54 человека, умевших читать только на родном языке, лишь 7,9 % чувашей умели читать на русском.

У финно-угорских народов Урала, как и у чувашей, лишь по несколько десятков человек владели грамотой только на родных языках. В отличие от тюркоязычных народов, владевших грамотой на тюрки, татарском языке лучше, чем на русском, финно-угорские лучше знали русский язык. Коми-пермяки и коми-зыряне владели грамотой только на русском языке. Причем самые небольшие финно-угорские народы — коми-зыряне и манси — имели самые высокие показатели грамотности в этой груп-

пе (21,9 и 16 %) по сравнению с самыми многочисленными — удмуртами и марийцами (6,7 и 6,4 %).

Среди народов, говоривших на финно-угорских языках, очень большим был разрыв в распространении грамотности среди мужчин и женщин, как и среди чувашей, у тюркоязычных мусульман благодаря традиции обучать девочек разрыв был не столь велик.

Относительно высокие показатели грамотности у тюркоязычных народов (татар, башкир, тептярей и мещеряков) — результат традиционного обучения их в мусульманских школах. Эта грамотность давала возможность читать священные книги мусульман, небольшой части народа она открывала путь к получению более высокого образования в медресе. Но слабая грамотность на русском языке (4,5 % у татар и 3,1 % у башкир) препятствовала их социализации, приобщению к русской культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия гораздо позже других стран Европы начала практиковать проведение всеобщих переписей населения. Первая всеобщая перепись была связана с введением всеобщей воинской повинности, более чем на 20 лет растянулась подготовка ее проекта, около двух лет заняла организационная работа. Ею занималась Главная переписная комиссия в Санкт-Петербурге, а затем переписные комиссии на местах. Большие трудности пришлось преодолеть с подбором 150 тыс. счетчиков. В целом Первая всеобщая перепись населения в России прошла на достаточно высоком уровне, по широкой программе, включавшей 14 граф с вопросами.

Несмотря на наличие ряда недостатков как в программе, так и в организации переписи, она дала обширный материал для изучения различных сторон жизни населения страны по многим показателям, в том числе и по уровню грамотности. Но материалы переписи слабо используются исследователями в этом плане. В основном в литературе приводятся отдельные общие показатели грамотности населения, взятые из предисловий или приложений к опубликованным материалам переписи. Эти данные слабо сопоставимы, порой неверно интерпретируются.

В монографии впервые предпринята попытка источниковедческого исследования материалов Первой всеобщей переписи с целью характеристики уровня грамотности населения Урала, одного из крупнейших регионов страны, в конце XIX в.

Были изучены и охарактеризованы проекты переписи, закон о ее проведении, программа сбора данных, специальные инструкции, составленные для организаторов. Раскрыт ход подготовительных работ, показана деятельность Главной переписной комиссии в столице и переписных комиссий на местах — выделение переписных участков, подбор счетчиков, помощь земских органов, методы сверки первичных листов с наличным населением, трудности, которые приходилось преодолевать счетчикам.

Впервые на основе архивных документов, извлеченных из фондов Центрального статистического комитета и Департамента полиции, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Российской Федерации, была изучена история проведения переписи на Урале, введены в научный оборот сведения об отношении населения Урала к предстоящей переписи. Показано, что низкий культурный уровень народа, слабая разъяснительная работа центральных и местных властей породили в ходе переписи многочисленные слухи, толки в основном негативного характера. Мусульмане опасались насильственного обращения в православную веру, обучения детей в русских школах; многие старообрядцы воспринимали переписную кампанию как очередную попытку власти притеснить их веру, у некоторых возникали апокалиптические настроения. В ряде уездов с мусульманским населением (Мензелинском, Белебеевском) дело дошло до открытого противодействия переписи, и властям пришлось применить войска.

В работе показано, что счетчикам приходилось преодолевать большие трудности при переписи, чтобы получить полные и правильные сведения о населении — объезжать разбросанные на большие расстояния населенные пункты, опрашивать население в сложных условиях короткого светового дня в январе месяце, в дни, когда у крестьян проходили праздники. Особенно трудно сбор сведений проходил в селениях национальных меньшинств из-за их религиозных предрассудков и незнания русского языка.

Важное значение для получения достоверных данных о населении имела корректировка сведений переписных листов, которая проводилась при повторных обходах дворов счетчиками, на сходах населения или сборах представителей от нескольких дворов в одной избе в присутствии старосты; проверка собранного материала в уездных переписных комиссиях. Последующая разработка и публикация материалов переписи проводилась Центральным статистическим комитетом в Санкт-Петербурге в течение 8 лет.

В монографии впервые раскрыт информационный потенциал материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. как источника для изучения грамотности населения. Показано, что наличие того или иного круга информации о грамотности населения определяется

самой программой переписи, т. е. формулировкой вопросов, и тем, как обрабатывались полученные данные, в связи с какими другими данными они группировались.

Присланные с мест материалы разрабатывались с 1897 по 1905 г., при этом для механизации счета были использованы закупленные в США электрические табуляторы. За эти годы было издано 8 тематических выпусков данных переписи, 14 тематических томов, 89 отдельных томов по каждой губернии, крупным городам: Санкт-Петербургу, Москве, Одессе, Варшаве и острову Сахалин. В 1905 г. вышел двухтомный «Общий свод по империи результатов разработки данных». В результате пользователи и будущие исследователи получили добротный свод данных, которые имеют непреходящую ценность.

В «Общем своде» содержатся 25 сводных таблиц, повторяющих названия таблиц отдельных томов погубернской разработки материалов переписи. Данные о грамотности содержатся в трех из них — III-б, IX и XV. Изучение этих таблиц позволило сделать вывод, что наиболее информативными, содержащими наибольшее число показателей, являются таблицы томов погубернской разработки переписи. Из-за ограниченной программы переписи ее материалы не позволяют судить об удельном весе лиц, умеющих не только читать, но и писать. Из-за отсутствия вопроса об умении писать данные переписи о числе грамотных могут рассматриваться лишь как показатели умения читать.

При проведении переписи не ставилась задача и сбора достоверных данных о грамотности народов на родном языке. Эта грамотность регистрировалась лишь в случае, если человек не умел читать по-русски. Поэтому материалы переписи 1897 г. позволяют судить лишь о лицах, умевших читать по-русски или только на родном языке. Нет возможности проследить распространение грамотности на русском и родном языке одновременно.

Группировка населения по социальным группам четко выделяла лишь одно сословие — духовное. Дворяне объединялись с чиновниками; в «городские сословия» зачислялись почетные граждане, купцы, мещане, работные люди; к «лицам сельского состояния» причислялись казаки. Поэтому невозможно вычислить показатель грамотности этих отдельных социальных групп. В таблицах о грамотности к духовенству отнесены лишь лица

христианских вероисповеданий, в результате мы не можем судить о грамотности мусульманского духовенства, составлявшего значительную часть духовного сословия на Урале.

Благодаря увязке числа грамотных и неграмотных с рядом признаков, материалы переписи дают возможность получить широкий спектр данных об удельном весе грамотных внутри четырех социальных групп, увязать эти данные с возрастом, полом, местом проживания; провести различие между городским и сельским населением по каждой губернии, каждому уезду, в отношении каждого из народов Урала.

Имеется возможность проследить динамику распространения грамотности от поколения к поколению, изучить вопрос о грамотности детей и молодежи в возрасте 10–19 лет — самом грамотном поколении XIX столетия, о грамотности детей до 10 лет, чтобы понять, в каких сословиях, у каких народов, на каких территориях раньше начинали обучать детей грамоте.

Данные о грамотности 1897 г. могут быть сопоставлены с последующими переписями населения 1920, 1926 гг. с целью получения дополнительных данных о динамике развития грамотности отдельных городов, районов.

Специальное внимание в монографии уделено характеристике методов работы. Из-за большого объема вычислений, необходимых для обработки материалов переписи, автором было использовано специальное программное обеспечение. В компьютер было введено 20 770 показателей из опубликованных материалов переписи. Выборочный метод обработки данных был отвергнут как не позволяющий выявить все особенности состояния грамотности населения края. Поэтому сплошной обработке были подвергнуты показатели грамотности по 34 уездам, 39 городам, по каждой из губерний Урала в целом, отдельно для женщин, мужчин, 4 сословным и 7 возрастным группам, выделенным организаторами переписи (9 млн 822 тыс. чел.).

Всего было выполнено 90 тыс. арифметических операций над введенными в компьютер числами, при этом было получено 24 600 показателей грамотности и 2 552 показателя, касающихся распределения населения по полу, возрастным и сословным группам. Около тысячи новых, наиболее важных показателей были оформлены автором в виде 74 таблиц. Таким образом, впервые

создана широкая информационная база данных о грамотности населения на 1897 г. одного из крупнейших регионов страны, каким является Урал. По другим регионам России подобная база данных нам неизвестна.

Полученная база данных открывает широкие возможности для сравнений по показателям грамотности населения Урала с населением других губерний и регионов страны по материалам переписи 1897 г. — по общим показателям грамотности, грамотности отдельных социальных групп — дворян и чиновников, духовенства, «городских сословий», «лиц сельского состояния» и т. д. Особое значение это имеет в отношении народов, населявших как Урал, так и другие территории страны — башкир, татар, мордвы, чувашей и др.

Автором предложена новая методика подсчетов общих показателей грамотности — не по отношению ко всей массе населения, включая младенцев, а по отношению только к грамотноспособным в возрасте от 10 лет и старше. Включение детей, неспособных в силу своего возраста научиться читать, в число неграмотных искусственно занижает и без того невысокие показатели грамотности населения того времени — дети до 10 лет составляли более четверти населения на Урале в конце XIX в.

В целом изучение материалов переписи 1897 г. на примере одного региона — Урала — показало, что, несмотря на низкий общий показатель грамотности уральского населения в конце XIX в. (23,9 % для лиц от 10 лет и старше), картина распространения грамотности среди отдельных социальных слоев населения, отдельных городов, уездов, губерний была очень пестрой, так же как и среди отдельных народов. Резкие различия в уровне грамотности были характерны для мужчин и женщин, лиц разных возрастов.

Изучение показателей грамотности основных сословных групп, выделенных организаторами переписи 1897 г., позволило сделать вывод, что наиболее высокой грамотностью отличалось духовное сословие Урала, принадлежащее к христианским конфессиям (о других конфессиях данных нет). Оно составляло чуть более 1/3 процента населения (36,5 тыс. чел.), сосредотачивалось в основном в Вятской и Пермской губерниях, причем на селе. Общий показатель грамотности духовенства на Урале — 98,1 %.

В духовной среде незначительны колебания в уровне грамотности между мужчинами и женщинами, горожанами и селянами. В городах в основном 100 %-ная грамотность. За несколькими процентами неграмотных мужчин скрывалось всего несколько человек — от 7 в Уфимской до 21 в Вятской губернии.

Дворян и чиновников на Урале в 1897 г. было 55,4 тыс. человек (0,56 %). В отличие от духовенства большая их часть проживала в городах (60,9 %), где находилось большинство государственных учреждений. Среди грамотноспособных мужчин умело читать 91,5 %, среди женщин — 82,8 %. Здесь больше отличия в уровне грамотности между горожанами и селянами — 93,9 % против 74,9 %.

Среди мужчин дворян и чиновников в городах нет тенденции неуклонного роста грамотности от одного поколения к другому — мужчины-старики в Уфимской губернии, например, более грамотны, чем молодежь 10–19 лет. На селе больше всего грамотных мужчин в поколениях от 20 до 40 лет. Среди молодежи — спад грамотности во всех губерниях, особенно в Уфимской. Здесь на 448 грамотных приходилось 393 не умеющих читать. У женщин в городах грамотность немного ниже, чем у мужчин (90,3 % против 98,1 %), но во всех поколениях — неуклонные тенденции к росту грамотности. На селе грамотных женщин 70,2 % против 83,6 % мужчин.

«Городские сословия» превосходили по численности привилегированные, их было 439 тыс. человек (4,5 % населения Урала), в связи с большой численностью горнозаводских поселков, торгово-промышленных сел почти 44 % «городских сословий» проживало в сельской местности. Среди этих сословий были сильны различия в уровне грамотности между городом и селом, между мужчинами и женщинами, между отдельными губерниями. Если в городах Вятской губернии были грамотны 82 % лиц, принадлежавших к «городским сословиям», Пермской — 79,9 %, то в Оренбургской и Уфимской — лишь более половины. В сельской местности грамотных было 53 % мужчин и только 31,2 % женщин. В городах наблюдалась тенденция к неуклонному росту грамотности от поколения к поколению среди мужчин, еще в большей степени среди женщин. У женщин Вятской губернии от

старшего поколения к младшему грамотность выросла в 4,1 раза, в Оренбургской — в 5,9 раза.

В сельской местности Вятской и Пермской губерний налицо тенденция снижения грамотности у мужчин «городских сословий» в возрасте 10–19 лет, в Оренбургской и Уфимской губерниях — в возрасте 20–29 лет и падение грамотности у поколения 10–19 лет. Старики Вятской и Пермской губерний в сельской местности были грамотнее молодежи Оренбургской и Уфимской губерний.

«Лиц сельского состояния» на Урале насчитывалось 9 млн 267,5 тыс. человек, что составляло 94,4 % всего населения, даже в городах 46,1 % жителей относилось к этой социальной группе. Как и по России в целом, они были наименее грамотны — 21,3 %, начиная с 10 лет и старше. Среди них наиболее сильным был разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами (32,7 % против 10,8 %), между жителями городов и селений. В городах среди мужчин каждый второй умел читать (55,2 %), среди женщин — лишь 28,3 %; на селе — только 32 % мужчин и 10,4 % женщин. Можно говорить о дикой безграмотности женщин на селе, так, на 353,3 тыс. умевших читать приходилось более 3 млн, не владевших грамотой.

Среди 50 губерний Европейской России по уровню грамотности населения Оренбургская губерния занимала 25-е место, Пермская — 28-е, Уфимская — 40-е, Вятская — 44-е. Но общие показатели грамотности мужчин и женщин, проживавших в городах Урала и в сельской местности, лишь на 1–2 % уступали общероссийским. Вятская губерния, занимая последнее место на Урале по грамотности, в городах имела самые высокие показатели как мужской, так и женской грамотности и только в связи с низкой грамотностью женщин сельской местности оказывалась позади других. Если в сельской местности Уфимской губернии мужская грамотность была самой низкой на Урале, то женская, напротив — самой высокой.

Среди губернских городов лидировала Вятка — 67,4 % грамотных, она отличалась наиболее высоким уровнем грамотности всех социальных групп. Молодое поколение 10–19-летних в Вятке и Перми по уровню грамотности вплотную приближалось к

дворянам и духовенству. Крестьянство же даже в губернских городах на пороге XX в. оставалось в своей массе малограмотным.

Среди городов Вятской губернии наиболее высокий удельный вес грамотных был в Царевосанчурске (71,3 %), Пермской — в Чердыни (63,3 %), в Оренбургской и Уфимской губерниях лидировали сами губернские центры (49,8 и 48,5 %). В уездах наибольший удельный вес грамотных был в Верхотурском, Троицком и Пермском (более 30 % грамотных), наименьший — в Чердынском (15,3 %) и Глазовском (11,8 %).

Изучение грамотности народов Урала в связи с их национальной принадлежностью показало, что она так же сильно различалась, как и грамотность у сословий. Наиболее высокий уровень грамотности (82,7–81 %) был у евреев, немцев и поляков. В большом отрыве за ними следовали мещеряки и тептяри (34 и 28,7 % грамотных). Чуть уступали им татары и украинцы (27,7 и 25,3 %).

Русские, составлявшие почти две трети населения края и определявшие в конечном счете общий показатель грамотности уральского населения, занимали восьмое место по грамотности среди других народов. Среди русских каждый четвертый в 1897 г. умел читать. В городах — 65 % мужчин и 41 % женщин, в уездах — 36 % мужчин и 10 % женщин.

Среди татар и особенно башкир было мало грамотных на русском языке (7,3 и 2,2 % мужчин и 1,3 и 0,4 % женщин). Грамотой на тюрки и татарском языке мужчины-башкиры опережали татар (26,6 % против 23,35 %), башкирки же уступали татаркам (19,4 % грамотных против 23,1 %).

Среди татар и особенно башкир было мало грамотных на русском языке (всего 7,3 и 2,2 % мужчин и 1,3 и 0,4 % женщин). Они учились в основном в мусульманских школах чтению священных книг на тюрки, с 1870-х гг. — на татарском языке. Мужчины-башкиры опережали татар по грамотности (26,6 % против 23,35 %), башкирки же уступали татаркам (19,4 % грамотных против 23,1 %).

Если у башкир сельчане опережали по уровню грамотности на тюрки и татарском языке горожан, то у татар такого явления не наблюдалось. У башкир просматривалась тенденция слабого, но неуклонного роста грамотности от поколения к поколению

лишь среди женщин, причем на русском языке, у татар рост грамотности наблюдался во всех возрастных группах за редким исключением, как на русском, так и на татарском языках, среди мужчин и среди женщин. При этом быстрее росла грамотность на русском языке.

У чувашей, большинство которых проживало в сельской местности Уфимской губернии, из 65 тыс. человек всего 54 умело читать только на родном языке, лишь 7,9 % чувашей умели читать на русском.

У финно-угорских народов Урала, как и у чувашей, лишь по несколько десятков человек владели грамотой только на родных языках. Причем самые небольшие финно-угорские народы (коми-зыряне и манси) имели самые высокие показатели грамотности (21,9 и 16 %) по сравнению с самыми многочисленными — удмуртами и марийцами (6,7 и 6,4 %). У финно-угорских народов был большой разрыв в грамотности мужчин и женщин, как и у чувашей, среди тюркоязычных мусульман разрыв был сравнительно невелик.

Подводя итоги изучения грамотности населения Урала по данным Первой всеобщей переписи населения России, можно сказать, что ее материалы являются чрезвычайно ценным, уникальным источником, впервые позволяющим изучать уровень грамотности всего населения той или иной территории в тесной связи с десятками других показателей, характеризующих это население, и устанавливать степень их зависимости. Взяв за основу тот или иной объект исследования, можно получать все новые пласты информации, касающейся грамотности. Информационный потенциал данных переписи в этом отношении поистине неисчерпаем.

В дальнейшем можно продолжить изучение грамотности детей и молодежи в возрасте 10–19 лет (самого грамотного поколения конца XIX в.), детей до 10 лет, чтобы установить, в каких социальных группах, городах, уездах Урала, с какого возраста уделялось наибольшее внимание обучению детей грамоте в раннем возрасте.

Данные переписи 1897 г. о грамотности можно сопоставить с данными предшествующих переписей населения городов и уездов Урала, с последующими советскими переписями населения.

В результате можно получить дополнительные данные о динамике развития грамотности жителей отдельных городов, районов. Но для этого необходимо разработать методику получения сопоставимых показателей. Возможны сравнения уровней грамотности татар, чувашей, марийцев, мордвы и других народов, населявших Урал, с этими народами, проживавшими в губерниях Поволжья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные

Высочайше утвержденное «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи», 5 июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1899. Т. 15. № 11803. С. 397–402.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи на основании высочайше утвержденного положения 5 июня 1895 г. Конечные сроки, установленные положением, инструкциями и др. правилами для действий местных учреждений. [СПб., 1896].

Проекты положения о всеобщей народной переписи // Временник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1890. № 16. С. 1–32.

* * *

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : в 8 вып. СПб. : Центр. стат. комитет, 1897–1905.

Вып. 1 : Население империи по переписи 28-го янв. 1897 года по уездам / сост. Центр. стат. комитетом на основании местных подсчетных ведомостей. СПб., 1897. 30 с.

Вып. 2 : Население городов по переписи 28-го янв. 1897 года / сост. Центр. стат. комитетом на основании местных подсчетных ведомостей. СПб., 1897. 42 с.

Вып. 3 : Население городов С.-Петербурга, Москвы, Варшавы и Одессы по переписи 28-го янв. 1897 г. / сост. Центр. стат. комитетом на основании местных особых комиссий. СПб., 1898. 27 с.

- Вып. 4 : Окончательно установленное при разработке переписи наличное население империи по уездам. СПб., 1905. 30 с.
- Вып. 5 : Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. 48 с.
- Вып. 6 : Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб., 1905. 60 с.
- Вып. 7 : Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. 38 с.
- Вып. 8 : Процентное распределение наличного населения империи обоего пола по группам занятий, показанных при переписи главными, как составляющие главнейшие средства существования. СПб., 1905. 21 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб. : Центр. стат. комитет, 1905. Т. 1–2.
- То же : уезды империи с показанием населения по переписи 28 января 1897 г. СПб. : Центр. стат. комитет, 1897. 25 с.
- То же : города и поселения в уездах, имеющие 2000 и более жителей. СПб., 1905. 108 с.
- То же : краткие общие сведения по империи распределения населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и некоторым занятиям. СПб., 1905. 43 с.
- То же : населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб. : Центр. стат. комитет, 1905. IX, [1]. 120 с.
- То же : распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам: Таблицы XX. СПб., 1905. Т. 1–4.

То же : распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. IX, [1]. 49 с.

То же : численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / сост. по поручению Министерства финансов, торговли и промышленности. СПб., 1906. Т. 1–2.

Распределение населенных мест Российской империи по численности в них населения / разраб. Центр. стат. комитетом Министерства внутр. дел по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. [СПб.], 1902. 33 с.

Распределение населения империи по главным вероисповеданиям / разраб. Центр. стат. комитетом Министерства внутр. дел по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [СПб.], 1901. 39 с.

Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам / разраб. Центр. стат. комитетом Министерства внутр. дел. [СПб., 1901]. 26 с.

* * *

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 10 : Вятская губерния. СПб. : Центр. стат. комитет, 1904.

То же. Т. 21 : Пермская губерния. СПб. : Центр. стат. комитет, 1904.

То же. Т. 28 : Оренбургская губерния. СПб. : Центр. стат. комитет, 1904.

То же. Т. 45 : Уфимская губерния. СПб. : Центр. стат. комитет, 1904.

* * *

Журналы Главной переписной комиссии, 18 ноября 1895 – 30 мая 1897 г. СПб., 1898.

* * *

Голубев П. А. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896.

Голубев П. А. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии: историко-статистические таблицы. Уфа, 1900. Т. 7, ч. 3.

Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии, составленные по отчетам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. Пермь, 1904.

Доклад директора народных училищ А. Раменского комиссии при Пермской губернской земской управе по разработке вопроса о введении всеобщего обучения в губернии, составленный на основании доставленных губернской управе уездными сведениями и журналов уездных земских собраний по вопросу о народном образовании // Сб. Пермского земства. 1897. № 3. С. 3–22.

Доклад Екатеринбургской уездной земской управы «О всеобщем обучении» XXVI очередному земскому собранию (1895 г.). Екатеринбург, 1895.

Доклады Вятской губернской земской управы и постановления губернского земского собрания XXIX очередной сессии 1895 г. по народному образованию. Вятка, 1896.

Материалы по вопросу всеобщего обучения в Пермской губернии : докл. Пермской губернской управы XIX очередному губернскому земскому собранию. Пермь, 1898. 68 с.

Начальное народное образование в России. СПб., 1900. Т. 1–4.

Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896.

Плющевский-Плющик Я. А. Отчет уполномоченного для объединения действий местных учреждений по Первой всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях // *Временник Центрального статистического комитета МВД.* № 45. СПб., 1898.

Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Народное образование. Екатеринбург, 1886.

Неопубликованные

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290 : Центральный статистический комитет. Оп. 10. Д. 50, 119–120, 172–173, 211–213, 244–246.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 : Департамент полиции. Оп. 53. Д. 148.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 342 : Туринская окружная комиссия по производству Первой всеобщей переписи населения. Оп. 1. Д. 1–28.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамовский А. П. Войсковые школы Оренбургского казачества / А. П. Абрамовский, В. С. Кобзов // *Вестн. Челяб. ун-та.* Сер. 1, История. Челябинск, 1993. № 1. С. 8–19.

Алибаев С. Р. Школы Башкирской АССР / С. Р. Алибаев. Уфа, 1966. 165 с.

Апкаримова Е. Ю. Образовательный уровень татарского населения Урала по материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / Е. Ю. Апкаримова // *Третьи Уральские историко-педагогические чтения.* Екатеринбург, 1999. С. 59–61.

Астафьев П. Заметка о степени распространения грамотности в селе Щербаковском Камышловского уезда / П. Астафьев // *Сб. Пермского земства.* 1885. № 13. С. 316–320.

- Библер В. С.* Исторический факт как фрагмент действительности (логические заметки) / В. С. Библер // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 89–101.
- Бобылев Д.* Книга и ее культурная роль в деревне / Д. Бобылев // Сб. Пермского земства. 1895. № 5–6. Отд. 3. С. 11–19.
- Бобылев Д.* К вопросу о распространении среди населения сельскохозяйственных знаний (статистический очерк) / Д. Бобылев // Там же. 1896. № 1. Отд. 3. С. 1–21.
- Бобылев Д.* Общественная инициатива в деле развития внешкольного образования народа в Красноуфимском уезде (из отчета о деятельности местного Общества попечения о народном образовании за 1896 и 1897 гг.) / Д. Бобылев // Там же. 1898. № 3–4. С. 69–94.
- Богданов И. М.* Вопросы грамотности и образования в переписях населения / И. М. Богданов // Народное образование. 1958. № 11. С. 22–23.
- Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР (историко-статистические очерки) / И. М. Богданов. М. : Статистика, 1964. 195 с.
- Боголепов Н.* Статистические сведения о грамотности крестьянского населения Московской губернии по подворной переписи 1869 и 1883 гг. / Н. Боголепов // Статистический ежегодник Московской губернии за 1895 г. М., 1895.
- Брук С. И.* Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. — 1917 г.) / С. И. Брук, В. М. Кабузан // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.
- Буганов В. И.* Основные итоги и перспективы развития источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода / В. И. Буганов // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах : тез. докл. III Всесоюз. конф. Новороссийск, 1979 г. М., 1979. С. 75–86.

- Буранов Ю. А.* Население, города и торговля. Формирование буржуазии / Ю. А. Буранов, Л. А. Трефилова // История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 102–118.
- Бычков Н.* Грамотность сельского населения по данным земской статистики / Н. Бычков // Юридический вестник. 1890. Июль-август. С. 309–322.
- Варшавчик М. А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник / М. А. Варшавчик // Вопр. истории. 1968. № 10. С. 76–89.
- Варшавчик М. А.* О структуре источниковедческой критики / М. А. Варшавчик // Источниковедение отечественной истории, 1979. М., 1980. С. 23–38.
- Варшавчик М. А.* Историко-партийное источниковедение: теория, методология, методика / М. А. Варшавчик М., 1984. 320 с.
- Вахтеров В. П.* Условия распространения образования в народе / В. П. Вахтеров. М., 1895. 30 с.
- Викторова В. Д.* Чуваши / В. Д. Викторова // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 608.
- Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). / Я. Е. Водарский. М. : Просвещение, 1973. 159 с.
- Воронкова С. В.* Эволюция видов письменных источников: к постановке проблемы / С. В. Воронкова // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин : тез. докл. IV Всесоюз. конф. Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983 г. М., 1983. С. 28–39.
- Воронкова С. В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма (итоги и задачи изучения) / С. В. Воронкова. М. : Изд-во МГУ, 1985.
- Гаврилов Д. В.* Грамотность и образовательный уровень горнозаводского населения Урала в 1861–1885 гг. / Д. В. Гаврилов // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. : сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 48–69.

- Гаврилов Д. В.* Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885–1900 гг.) / Д. В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2. С. 81–98.
- Гозулов А. И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран / А. И. Гозулов. М., 1936. 635 с.
- Гозулов А. И.* Местные переписи населения до революции / А. И. Гозулов // Учен. зап. РФЭИ. Ростов н/Д, 1941. Т. 1. С. 249–350.
- Гозулов А. И.* История отечественной статистики (краткие очерки). М. : Госстатиздат, 1957. 180 с.
- Гозулов А. И.* Очерки истории отечественной статистики / А. И. Гозулов. М. : Статистика, 1972. 312 с.
- Грамотность в России / ЦСУ. Отдел статистики народного образования. М., 1922. 55 с.
- Грачев К. В.* Рост образовательного уровня крестьянства Урала в капиталистический период / К. В. Грачев, И. К. Кирьянов // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 70–84.
- Гуревич А. Я.* Социальная психология и история. Источниковедческий аспект / А. Я. Гуревич // Источниковедение : теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 384–426.
- Гуревич А. Я.* Что такое исторический факт? / А. Я. Гуревич // Там же. С. 59–88.
- Данилевский Г.* Об образовании низших классов России. Сельские училища и народное образование в Харьковской губернии / Г. Данилевский // Отечественные записки. 1864. № 4. С. 533–535.
- Днепров Э. Д.* Итоги развития народного образования в России во второй половине XIX в. / Э. Д. Днепров // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 515–560.

- Днепров Э. Д.* Школа в системе внутренней политики самодержавия / Э. Д. Днепров // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976. С. 31–57.
- Днепров Э. Д.* Школьная реформа как составная часть буржуазных преобразований 60-х годов / Э. Д. Днепров // Там же. С. 26–30.
- Днепров Э. Д.* Самодержавие и народное образование в пореформенной России / Э. Д. Днепров // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций : сб. науч. тр. М., 1984. С. 49–96.
- Дьяконова И. А.* Национальности Российской империи по материалам переписи населения 1897 г. / И. А. Дьяконова // Отечественная история. 1993. № 5. С. 191–193.
- Елисафенко М. К.* Земская школа как социокультурный фактор (вторая половина XIX – начало XX в.) / М. К. Елисафенко // История образования и культуры Урала : межвуз. сб. науч. тр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1998. С. 50–58.
- Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 60-х — начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. М., 1970. 444 с. [Гл. 7 : Политика правительства в области просвещения. С. 309–365].
- Зольникова Н. Д.* Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.) / Н. Д. Зольникова. Новосибирск : Наука, 1981. 183 с.
- Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание: методологические аспекты / Г. М. Иванов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 250 с.
- Иванов Г. М.* Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. М. : Высш. шк., 1981. 296 с.
- Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875–1899). Уфа, 1901. 112 с.

- История казачества Азиатской России : в 3 т. Екатеринбург : РАН. Урал. ин-т истории и археологии, 1995. Т. 1 : XVI — первая половина XIX в. 319 с.; Т. 2 : Вторая половина XIX — начало XX в. 255 с.
- Источниковедение: теоретические и методические проблемы : сб. статей / отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 1969. 511 с.
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская и др. М. : РГГУ, 1998. 702 с.
- Кабузан В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917) / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории : сб. статей за 1981 г. М., 1982. С. 100–117.
- Каганович И. З. Очерк развития статистики школьного образования в СССР / И. З. Каганович. М. : Госстатиздат, 1957. 103 с.
- Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. / Б. П. Кадомцев. СПб., 1909.
- Калугина В. Г. Народное образование в Екатеринбурге в конце XIX – начале XX в. / В. Г. Калугина, Л. В. Ольховская // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала XVIII – начала XIX в. Свердловск, 1979. С. 112–124.
- Каштанов С. М. Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов, А. А. Курносков // Ист. архив. 1962. № 4. С. 173–196.
- Ковальченко И. Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях / И. Д. Ковальченко // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 115–133.
- Ковальченко И. Д. Исторический источник в свете учения об информации: к постановке проблемы / И. Д. Ковальченко // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148.
- Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. М. : Наука, 1987. 441 с.

- Котельников А.* История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. / А. Котельников. СПб., 1909. 124 с.
- Красноперов Е. И.* Очерк экономического быта Дедюхинского заводского населения по данным посемейной переписи / Е. И. Красноперов. Пермь, 1886.
- Круглый стол: актуальные проблемы советского источниковедения // История СССР. 1989. № 6. С. 3–51.
- Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. М. : Наука, 1992. 347 с.
- Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XIX в.) / М. Н. Кузьмин. М. : Наука, 1971. 262 с.
- Куманев В. А.* Революция и просвещение масс / В. А. Куманев. М. : Наука, 1973. 335 с.
- Ленин В. И.* Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 2. С. 364.
- Ленин В. И.* Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Там же. Т. 3. С. 567–568.
- Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. / Б. Г. Литвак. М. : Наука, 1979. 294 с.
- Литвак Б. Г.* О критериях определения достаточности источниковой информации в исторических исследованиях / Б. Г. Литвак // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин : тез. докл. IV Всесоюз. конф. Днепропетровск, 31 окт. – 2 нояб. 1983 г. М., 1983. С. 40–49.
- Литвак Б. Г.* Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (источниковедческий аспект) / Б. Г. Литвак // История СССР. 1990. № 1. С. 114–126.

- Луппов П. Н.* Один из способов определения грамотности населения / П. Н. Луппов // Труды общеземского съезда в г. Харькове по статистике народного образования. Харьков, 1914.
- Лурье Я. С.* О некоторых принципах критики источников / Я. С. Лурье // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 78–100.
- Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 176 с.
- Медушевская О. М.* Теоретические проблемы источниковедения : учеб. пособие / О. М. Медушевская. М. : МГИАИ, 1977. 86 с.
- Медушевская О. М.* Современное зарубежное источниковедение : учеб. пособие для вузов / О. М. Медушевская. М. : Высш. шк., 1983. 144 с.
- Медушевская О. М.* История источниковедения: конец XIX — XX в. / О. М. Медушевская. М. : Наука, 1988. 172 с.
- Медушевская О. М.* Источниковедение в современной социальной практике / О. М. Медушевская // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. Теория и методика : межвуз. сб. науч. тр. М., 1990. С. 3–14.
- Медушевская О. М.* Источниковедение в России XX в. Научная мысль и социальная реальность / О. М. Медушевская // Советская историография. М., 1996. С. 42–77.
- Милов Л. В.* Проблемы репрезентативности в источниковедении / Л. В. Милов // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах : тез. докл. III Всесоюз. конф. Новороссийск, 1979. М., 1979. С. 68–75.
- Миронов Б. Н.* Историк и социология / Б. Н. Миронов. Л. : Наука, 1984. 176 с.
- Миронов Б. Н.* К вопросу об использовании скрытой исторической информации (на материалах статистических источников XVIII — начала XX вв.) / Б. Н. Миронов // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. 17. С. 17–35.

- Миронов Б. Н.* Грамотность в России 1797–1917 годов: получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования / Б. Н. Миронов // История СССР. 1985. № 4. С. 137–153.
- Мокшин Н. Ф.* Мордовский этнос / Н. Ф. Мокшин. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. 160 с.
- Мосин А. Г.* Грамотность крестьян Вятской губернии в конце XVIII — середине XIX в. / А. Г. Мосин // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 142–145.
- Муравьев В. А.* Исторический источник — основа гуманитарного познания / В. А. Муравьев, О. М. Медушевская // Документ. Архив. История. Современность : материалы науч.-практ. конф., посв. 30-летию историко-архивной специальности в УрГУ. Екатеринбург, 2000. Ч. 1. С. 7–15.
- Направления исследований по истории школы и педагогической мысли дореволюционной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций : сб. науч. тр. М., 1984. С. 174–244.
- Население России в XX веке : ист. очерки. Т. 1 : 1900–1939. М. : РОССПЭН, 2000. С. 21–24.
- Никитин А. Г.* Директор народных училищ А. П. Раменский / А. Г. Никитин. Пермь : Кн. изд-во, 1965. 74 с.
- Нурминский С.* Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении Вятской губернии / С. Нурминский. Вятка, 1875.
- Нурминский С.* Грамотность в населении Вятской губернии / С. Нурминский // Календарь Вятской губернии на 1888 г. Вятка, 1887.
- Обзор деятельности земств по народному образованию за 1898 г. Пермь, 1902. 124 с.
- Отчеты и известия о деятельности земских учреждений. Воскресные школы и шkolки домашнего обучения в Ольховской волости Шадринского уезда // Сб. Пермского земства. 1884. № 7. С. 121–126.

- Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1985. 303 с.
- Очерки истории Свердловска. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1958. 396 с.
- Очерки истории Свердловска, 1723–1973. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. 376 с.
- Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1958. 388 с.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР второй половины XIX в. М. : Педагогика, 1973. 540 с.
- Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР конца XIX – начала XX в. М. : Педагогика, 1991. 448 с.
- Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1959. Т. 1. 539 с.
- Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин : тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. конф., 30 мая – 1 июня 1990 г. Киев, 1990. 250 с.
- Петров Н. П.* Зарождение и развитие новой чувашской письменности. 100 лет новой чувашской письменности / Н. П. Петров. Чебоксары, 1972.
- Пландовский В.* Народная перепись / В. Пландовский. СПб., 1898. 378 с.
- Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин : статьи и материалы. М. : Наука, 1984. 280 с.
- Прокошев В. В.* Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX в. / В. В. Прокошев // Из истории народного образования Урала. Пермь, 1976. С. 3–21.
- Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения : учеб. пособие / А. П. Пронштейн. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1976. 479 с.

- Пронштейн А. П.* Вопросы истории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский М. : Высш. шк., 1986. 209 с.
- Пронштейн А. П.* Теория и методика исторического источниковедения в труде А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» / А. П. Пронштейн // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. М., 1989. С. 33–58.
- Пронштейн А. П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма / А. П. Пронштейн. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1991. 664 с.
- Пушкарёв Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарёв. М. : Наука, 1975. 281 с.
- Раменский А. П.* Краткий исторический очерк деятельности пермского земства по народному образованию со времени введения земских учреждений / А. П. Раменский // Русская мысль. 1897. № 9.
- Рашин А. Г.* Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. / А. Г. Рашин // Ист. зап. 1951. Т. 37. С. 28–80.
- Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : стат. очерки / А. Г. Рашин. М. : Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Рашин А. Г.* Формирование рабочего класса России : ист.-экон. очерки / А. Г. Рашин ; под ред. акад. С. Г. Струмилина. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1958. 624 с.
- Рубакин В.* Грамотность / В. Рубакин // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 9а. С. 537.
- Русина Ю. А.* История и теория источниковедения : курс лекций / Ю. А. Русина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 124 с.
- Русина Ю. А.* Научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского (к вопросу о теории и методике источниковедения) / Ю. А. Русина // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 246–263.

- Рябухин Е. И.* Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907–1914 гг.) : в 3 ч. / Е. И. Рябухин. Саратов, 1968. Ч. 1. С. 314–337.
- Рябушкин Т. В.* Развитие статистической науки в СССР. Вопросы методологии / Т. В. Рябушкин. М. : Наука, 1985. 336 с.
- Савицкий Н. А.* Земские подворные переписи : обзор методологии / Н. А. Савицкий. М. : Госстатиздат, 1961. 355 с.
- Сандина Т. И.* Развитие народного образования в Мордовии / Т. И. Сандина. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. 208 с.
- Сафронов А. А.* Грамотность / А. А. Сафронов, А. М. Сафронова // Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 147–148.
- Сафронов А. А.* Грамотность башкир Урала в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года) / А. А. Сафронов // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.) : материалы Третьей Всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск, 1998. Т. 2. С. 193–196.
- Сафронов А. А.* Грамотность городского и сельского населения Урала в конце XIX в. / А. А. Сафронов // Материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2001. С. 370–379.
- Сафронов А. А.* Грамотность городского населения Пермской губернии по материалам Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. / А. А. Сафронов // Образование на Урале и современные проблемы подготовки учителя истории : материалы Уральских ист.-пед. чтений. Екатеринбург, 1997. С. 14–16.
- Сафронов А. А.* Грамотность дворян и чиновников на Урале на рубеже XIX — XX вв. / А. А. Сафронов // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 55–59.
- Сафронов А. А.* Грамотность детей и молодежи в городах Пермской губернии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения России 1897 г.) / А. А. Сафронов //

Образование на Урале и проблемы подготовки учителя истории : Вторые Уральские ист.-пед. чтения. Екатеринбург, 1998. С. 94–96.

Сафронов А. А. Грамотность духовенства на Урале (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) / А. А. Сафронов // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч.-практ. конф., посв. 2000-летию христианства. Екатеринбург, 1999. С. 313–320.

Сафронов А. А. Грамотность населения города Чердыни в конце XIX в. / А. А. Сафронов // Исторический опыт российских регионов: Чердынь и Урал : материалы науч. конф., посв. столетию Чердынского краеведческого музея им. А. С. Пушкина. Пермь, 1999. С. 223–226.

Сафронов А. А. Грамотность населения губернских городов Урала по материалам Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. / А. А. Сафронов // Урал индустриальный : Вторая регион. науч. конф., 17 декабря 1997 г. Екатеринбург, 1998. С. 126–129.

Сафронов А. А. Грамотность населения Оренбургской губернии по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / А. А. Сафронов // Урал в прошлом и настоящем : материалы науч. конф. Екатеринбург, 24–25 февраля 1998 г. Екатеринбург, 1998. Ч. 2. С. 45–49.

Сафронов А. А. Грамотность населения Пермской губернии в конце XIX в. (по материалам переписи населения России 1897 г.) / А. А. Сафронов // Высшая школа России в преддверии XXI века : тез. докл. науч. студ. конф., посв. 75-летию со дня основания Уральского гос. университета, 16–17 октября 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 20–23.

Сафронов А. А. Данные Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. о грамотности немцев Урала / А. А. Сафронов // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.) : материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI – XX вв.». Екатеринбург, 3–9 сентября 1999 г. Екатеринбург, 2001. С. 176–184.

- Сафронов А. А.* Из истории подготовки Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / А. А. Сафронов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. Вып. 1. С. 211–231.
- Сафронов А. А.* Лица с высшим образованием в Пермской губернии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) / А. А. Сафронов // Орел шестого легиона : тез. докл. студ. науч.-практ. конф., посв. 60-летию исторического факультета УрГУ, 6–7 мая 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 100–102.
- Сафронов А. А.* Опыт компьютерной обработки данных о грамотности населения Урала (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) / А. А. Сафронов // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании : сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. конф. Боровое, 6–9 апреля 2000 г. М., 2000. С. 248–249.
- Сафронов А. А.* Отношение населения к проведению Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.: слухи, толки, волнения / А. А. Сафронов // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 248–266.
- Сафронов А. А.* Уровень грамотности жителей Екатеринбурга во второй половине XIX в. / А. А. Сафронов // Первые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 14–15 ноября 1997 г. Екатеринбург, 1997. С. 98–100.
- Сафронова А. М.* Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян / А. М. Сафронова. Екатеринбург, 2002. 120 с.
- Сафронова А. М.* Грамотность / А. М. Сафронова // Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 158–180.
- Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям / сост. Н. А. Благовещенский. Т. 1 : Крестьянское хозяйство. М., 1893. 267 с.

- Селиванова Г. И.* О грамотности рабочих Урала в период империализма (к постановке вопроса) / Г. И. Селиванова // Народное образование на Урале в XVIII — начале XX в. Екатеринбург, 1990. С. 69–76.
- Семевский М.* Грамотность в деревнях государственных крестьян Псковской губернии в 1863 г. / М. Семевский. СПб., 1864.
- Серебренников Ю. Н.* К вопросу о грамотности оренбургских казаков / Ю. Н. Серебренников // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996. С. 66–67.
- Серебренников Ю. Н.* Грамотность населения города Челябинска на рубеже XIX – XX веков. Вопросы источниковедения / Ю. Н. Серебренников // Исторические чтения. Челябинск, 1997. С. 55–56.
- Серебренников Ю. Н.* Грамотность населения Оренбургской губернии по данным переписи 1897 года / Ю. Н. Серебренников // Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск, 1997. С. 110–111.
- Серебренников Ю. Н.* Уровень грамотности и образования населения Урала (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. Н. Серебренников. Оренбург, 1998.
- Сивков П.* Некоторые данные о положении начального народного образования в Пермской губернии в 1898–1899 учебном году / П. Сивков // Сб. Пермского земства. 1900. № 4. С. 1–18.
- Спасский Н.* Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Н. Спасский. Вятка, 1875.
- Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии) / С. М. Троицкий. М. : Наука, 1974. 396 с.
- Фарсобин В. В.* Источниковедение и его метод / В. В. Фарсобин. М. : Наука, 1983. 231 с.
- Фархшатов М. Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период, 60–90-е годы XIX в. / М. Н. Фархшатов. М. : Наука, 1994. 144 с.

- Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. / Г. Н. Чагин. Пермь, 1995. 364 с.
- Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин / Л. В. Черепнин // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 32–63.
- Чернышевский Н. Г.* Суеверие и правила логики / Н. Г. Чернышевский // Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 4.
- Чуваши. Этнографическое исследование : в 2 ч. Чебоксары, 1956. Ч. 1; 1970. Ч. 2.
- Шилов А. В.* Грамотность населения Прикамья в конце XIX в. / А. В. Шилов // Образование на Западном Урале: история, современность, перспектива развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Березники, 1993. С. 21–22.
- Шишонко В.* Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском, Камышловском / В. Шишонко. Екатеринбург, 1878. 187 с.
- Шишонко В.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии / В. Шишонко. Екатеринбург, 1879. 396 с.
- Эфиров А. Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири : ист. очерки / А. Ф. Эфиров. М. : Учпедгиз, 1948. 280 с.
- Яцунский В. К.* О применении статистического метода в исторической науке / В. К. Яцунский // Исследования по отечественному источниковедению : сб. статей, посв. 75-летию профессора С. Н. Валка. М. ; Л., 1964. С. 26–36.
- 200 лет удмуртской письменности / Удмуртский НИИ истории, экономики, литературы и языка при Совете министров Удмуртской АССР. Ижевск, 1976.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бикбулатов Н. В.* Башкорт / Н. В. Бикбулатов // Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 163.

- Богатырева О. М.* Земские учреждения / О. М. Богатырева // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 214–215.
- Верхотурье // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1892. Т. 11. С. 89.
- Викторова В. Д.* Чуваши / В. Д. Викторова // Уральская историческая энциклопедия. С. 608.
- Вятка // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 14. С. 7.
- Глазов // Там же. Т. 16. С. 803.
- Зубков К. И.* Тептяри / К. И. Зубков // Уральская историческая энциклопедия. С. 524.
- Ильминский Николай Иванович // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 356.
- Кузьмин М. Н.* Грамотность / М. Н. Кузьмин // Там же. С. 227–230.
- Оренбург // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 43. С. 135–137.
- Пермь // Там же. СПб., 1898. Т. 45. С. 339.
- Сафронова А. М.* Епархиальные училища / А. М. Сафронова // Уральская историческая энциклопедия. С. 199.
- Сафронова А. М.* Семинарии / А. М. Сафронова // Там же. С. 484.
- Сафронова А. М.* Учительские школы / А. М. Сафронова // Там же. С. 571.
- Удинцев Д.* Чердынь / Д. Удинцев // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 76. С. 535.
- Фальборк П.* Народное начальное образование / П. Фальборк, В. Чарнолуцкий // Там же. СПб., 1893. Т. 20. С. 757.
- Халикова Р. Х.* Тюрки / Р. Х. Халикова // Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 579.
- Христолюбова Л. С.* Удмурты / Л. С. Христолюбова, В. Е. Владыкин // Уральская историческая энциклопедия. С. 541.
- Царевосанчурск // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 74. С. 800.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.....	43
1.1. Проекты переписи, ее нормативная база, деятельность Главной переписной комиссии	43
1.2. Проведение переписи на Урале.....	66
Глава 2	
МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ 1897 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.....	100
2.1. Разработка данных о грамотности населения и их информационный потенциал	100
2.2. Методика обработки данных о грамотности	120
Глава 3	
ГРАМОТНОСТЬ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НА УРАЛЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.	134
3.1. Грамотность дворян и чиновников.....	134
3.2. Грамотность духовенства	143
3.3. Грамотность «городских сословий»	151
3.4. Грамотность «лиц сельского состояния»	159
Глава 4	
РАЗЛИЧИЯ В ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЙ, ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ И УЕЗДОВ.....	181
Глава 5	
УРОВЕНЬ ГРАМОТНОСТИ НАРОДОВ УРАЛА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 г.....	202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	251
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	261

Научное издание

Сафронов Алексей Анатольевич

Грамотность населения Урала в конце XIX в.:
источниковедческое исследование материалов
Первой всеобщей переписи населения
Российской империи 1897 г.

Редактор и корректор С. Г. Галинова
Верстка: А. А. Сафронов

План выпуска 2011 г., поз. 41. Подписано в печать 29.04.2011 г.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага ВХИ. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 16,0. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.